

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Сайнакова Наталья Викторовна

ОБСКИЕ ШЁШКУПЫ: РАССЕЛЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ
И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В XIX–XX вв.

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент
Тучкова Наталья Анатольевна

Томск – 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Расселение шёшкупов р. Оби	35
1.1. Опыт выявления границ расселения диалектно-локальной группы шёшкупов: мнения исследователей.....	35
1.2. Место шёшкупского (среднеобского / иванкинского) диалекта в диалектных классификациях селькупского языка.....	42
1.3. Границы шёшкупов по бытованию этнонима šösquṃ / šösqup.....	56
1.4. Границы шёшкупов по фамильному составу и родственным связям.....	63
1.5. Границы шёшкупов по данным полевых этнографических материалов..	73
1.6. Возможность выявления границ расселения шёшкупов по данным топонимики.....	80
Глава 2. Формирование селькупского населения на исследуемой территории	87
2.1. История населённых пунктов.....	87
2.2. Изменение численности населения на территории проживания шёшкупов.....	109
Глава 3. Этническая культура обских шёшкупов	121
3.1. Хозяйственная деятельность шёшкупов.....	121
3.1.1. Рыболовство.....	125
3.1.2. Охота.....	146
3.1.3. Собирачество.....	151
3.1.4. Животноводство.....	153
3.1.5. Земледелие.....	156
3.2. Материальная культура шёшкупов.....	158
3.2.1. Одежда.....	159
3.2.2. Пища и домашняя утварь.....	169
3.3. Религиозные верования шёшкупов.....	179
3.3.1. Традиционные воззрения и обряды.....	179
3.3.2. Христианство.....	191

3.4. Локальные особенности и трансформация культуры шёшкупов.....	198
Заключение	209
Список использованных источников и литературы	215
Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино.....	239
Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби.....	252
Приложение В. Рисунки.....	261
Приложение Г. Список информантов Н.В. Сайнаковой.....	270

Введение

Актуальность исследования. Во второй половине XX в. внимание отечественных и зарубежных этнологов нередко было нацелено на мелкие этнолокальные образования, в основе общности которых, как и в случае с крупными этносами, лежат общность территории и языка, культурно-бытовых особенностей и ментальных установок. Именно на уровне малых групп оформляются и закрепляются традиции, складываются культурные модели, формируется основа системного целого крупных этнических и межэтнических сообществ.

На примере исследования субэтнических или иных локальных групп возможно рассмотрение социокультурных механизмов адаптации к природно-климатическим условиям, способствующих выработке регионально-локальных вариантов культуры. Изучение традиционной культуры, выявление в ней универсальных и специфических черт на уровне локальных групп позволяет не только глубже проникнуть в проблемы происхождения отдельных элементов культуры, но и в целом – этногенеза народа.

О важности изучения этнографических групп разного уровня свидетельствует многократное обращение к этой теме известного угроведа З.П. Соколовой, которая считает, что «главная задача этнографа – понять чужую культуру во всех ее нюансах. Необходимо также сделать экскурс в историю народа, выявить общее и особенное в его культуре»¹.

Разработка вопросов, связанных с изучением локальных этнографических групп селькупов, получила своё развитие в работах А.П. Дульзона, А.И. Кузьминой, Э.Г. Беккер, Ю.А. Морева, О.А. Казакевич, В.В. Быконя, Г.Н. Прокофьева, Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих, И.Н. Гемуева, А.В. Головнёва, Н.А. Тучковой. Однако в этнографическом плане территория Среднего Приобья исследована крайне неравномерно и, в частности, практически не изучена группа

---

¹Соколова З.П. Основные методические проблемы и опыт полевого исследования // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой (Сибирский этнографический сборник). Вып. 10. М., 2000. С. 23.

шёшкупов р. Оби, находящаяся фактически в самом центре южноселькупского ареала – в Приобье, в районе трёх устьев Кети.

Обобщая историю исследовательских поездок и селькуповедческих публикаций, следует отметить, что, несмотря на многочисленные экспедиции, до сих пор не проводилось целенаправленных исследований по этнолокальной истории данной территории. Между тем, она играет чрезвычайно важную роль в этнической истории всех селькупов Приобья, так как именно где-то здесь – рядом со Средним (Копыловским) устьем р. Кети – проходила зона стыковки центральных (чумылькупских) и собственно южных (сюссыкумских) диалектов, а значит, и зона контакта представителей разных локальных групп. Все материалы о группе обских шёшкупов, которые встречаются в научных работах, носят разрозненный характер, в них не была рассмотрена и этническая история группы.

Без данных об особенностях культуры диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, находящейся в географической локализации между центральными и южными селькупами, как одной из составляющих всего селькупского этноса, нельзя восстановить этнический облик всех селькупов и разобраться в их этногенезе. Обращение к вопросам расселения, формирования этой группы, а также вопросам описания и анализа хозяйственной жизни и бытового уклада, позволит в будущем более точно освещать этнокультурные процессы всего Нарымского Приобья, и в частности, более детально описывать этногенез селькупов. В этом и состоит актуальность проводимого исследования.

Степень разработанности темы исследования

Для написания данной работы, исходя из формулировки темы, была выявлена и проанализирована литература, которую можно разделить на несколько групп, важных для проблематики проводимого исследования:

Публикации, связанные с вопросами расселения, формирования и этнической культуры шёшкупов.

Наиболее ранние упоминания и важные сведения о территории Приобья в районе трех устьев р. Кети (Тогурского, Копыловского и Нарымского), где

впоследствии исследователи фиксировали пребывание диалектно-локальной группы шёшкупов, содержатся в дневниках и картах известных учёных-путешественников XVII–XVIII вв. – Н. Спафария¹, С.У. Ремезова² и Г.Ф. Миллера³. В путевых записках Н. Спафария и Г.Ф. Миллера были зафиксированы наиболее ранние (из дошедших до нас) сведения о посёлках, их географическом расположении, местных названиях и значимых местах для жителей Приобья.

Период XIX – начала XX в. был важным этапом интенсивных и ценных по своим результатам лингвистических сборов у селькупов. В этот период на территории Нарымского края свои исследования проводили М.А. Кастрен⁴, К. Папай⁵, К. Доннер⁶.

Вопросом расселения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби специально никто из исследователей не занимался. Были сделаны лишь попытки определить территорию распространения «среднеобского диалекта». Важными для данного исследования являются материалы, где были зафиксированы шёшкупские этнонимы, топонимы, фамильный состав и данные о родственных связях представителей данной группы.

Большую научную ценность представляют собранные М.А. Кастреном в середине XIX в. сведения о расселении, языке и социальной организации селькупов, которые были изложены в его Путевом отчёте, опубликованном в

---

¹Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1882. Т. X. Вып. 1. 214 с.

²Ремезов С.У. Чертёжная книга Сибири [Электронный ресурс] / сост. 1699–1701 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями // Собр. Н.П. Румянцева. 1701. Ф. 256. № 346. С. 24; Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Карта Б.1 – Фрагмент карты С.У. Ремезова «Чертёж земли Нарымского города».

³Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск. 1996. С. 172–191.

⁴Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / Hrsgb. Schiefner A. SPb., 1856. С. 127–168; Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледения и путешествий. Географический сборник. М., 1860. Т. VI. Ч. 2. С. 268–311; Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 91.

⁵Надь З. Карой Папай: Венгерский исследователь на территории Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова. Томск, 2012. Т. XVII. С. 201; Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. L. 141–184.

⁶Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. 176 с.

1856 г. на немецком и в 1860 г. на русском языках¹. Ему удалось выявить в языке нарымских селькупов несколько самостоятельных наречий, но из его классификации отчетливо видно, что шёшкупский диалект (или среднеобской) автором не был выявлен [средним он называет «кетское» наречие]. Участок Оби между Нарымом и Тогуром, где проживали шёшкупы, в его схеме никак не определен и ничем не отмечен. Таким образом, о специфике языка жителей Пиковской волости в материалах этого (вероятно, самого подготовленного и глубокого лингвиста XIX в. – специалиста по уральским и, в том числе, – самодийским языкам) нет никаких данных.

Возможно, именно поэтому даже сама проблематика стыковки кетского и нарымского диалектов через зону контакта или через некий языковой ареал с особенностями, имеющими черты обоих диалектов (наречий) была отложена во времени как научная проблема почти на столетие (до исследований К. Доннера и А.П. Дульзона).

В 1911–1913 гг. на территории современной Томской области работал финский исследователь К. Доннер. Он весьма обстоятельно изучил культуру и язык селькупов, в результате чего выделил 23 остяко-самоедских диалекта (говора). Кроме того, он сделал этнографические зарисовки селькупов разных групп. Его дневник был опубликован в 1926 г. на немецком языке (русский перевод – в 2008 г.)².

В своей языковой классификации К. Доннер относит населённый пункт Иванкино – современный центр шёшкупов – к «среднеобскому говору». Важно, что К. Доннер отделяет «среднеобской говор» (на Средней Оби, для него это – район Баранаково, Иванкино, Колпашево) от «верхнеобского» (для него «верховья Оби» (ОО – Ober Ob) – это населённые пункты Байдон (ю.

¹Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / Hrsgb. Schiefner A. SPb., 1856. С. 127–168; Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. М., 1860. Т. VI. Ч. 2. С. 268–311; Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 91.

²Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. 176 с.

Байдановы), Сондорово, Тайзаково)¹. К. Доннер фактически первым выделил и подчеркнул разницу между говорами Сондорово и Иванкино.

В 1940-х – начале 1950-х гг., благодаря исследованиям и большой организационной деятельности выдающегося лингвиста А.П. Дульзона в стенах Томского педагогического института (ныне университета), сформировалось научное направление «Исследование языков народов Сибири». В середине 1940-х гг. А.П. Дульзон сформулировал научную проблему для создаваемого им направления – исследование вопросов происхождения аборигенов Сибири и их языков, которая разрабатывалась им и его учениками – лингвистами, историками, этнографами. Одной из важных задач был сбор языкового материала и изучение селькупского языка, в том числе и шёшкупского диалекта. Языковые сборы, которые характеризуют именно шёшкупский диалект, проводились фактически только в одном населённом пункте – Иванкино².

В 1952 г. А.П. Дульзон сам работал в Иванкино, где записал материал этнографического и лингвистического характера. Им были собраны данные для выявления лексических и фонетических расхождений в языке селькупов Оби и Кети³. Кроме того, исследователь сравнивал языковые данные (129 слов) из двух населенных пунктов – Иванкино и Тайзаково на Оби от информантов К.А. Телесовой из Тайзаково и Н.Г. Чаршиной из Иванкино. Именно эти данные стали впоследствии основой для выявления специфики иванкинского говора относительно других диалектных подразделений селькупского языка. Своё мнение относительно границ распространения диалекта шёшкупов А.П. Дульзон опубликовал в статье «Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen»⁴.

¹Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995а. Ч. 1. С. 18–19.

²Каталог полевых записей языков народов Сибири, 1998. С. 4.

³Архив ЛЯНС ТГПУ. Т. 1. Дульзон А.П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Томск, 1952. С. 217–289.

⁴Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen... VII / 1. Таллин, 1971. С. 34–35.

А.И. Кузьмина в работе «Грамматика селькупского языка»¹ очертила территорию бытования диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби с обозначением инородческих волостей, входивших, по мнению исследователя, в состав распространения шёшкупского диалекта. Ученица А.И. Кузьминой – Т.М. Филиппова в статье «Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа)»² отнесла верхнеобский говор (говор пос. Сондорово) к сюссыкумским говорам.

Относительно изучаемой территории томский лингвист С.В. Глушков выразил свою точку зрения в статье «Диалекты селькупского языка»³. Территорию в районе д. Иванкино исследователь относит к среднеобскому диалекту. Район между Колпашево и Сондорово автор считает зоной смешения диалектов, и диалектные атрибуты населённых пунктов, по его мнению, зависели от того, с представителем какого диалектного подразделения работал тот или иной исследователь.

Вопрос границ расселения шёшкупов в своих работах рассматривали исследователи-этнографы – Г.И. Пелих⁴, В.И. Васильев⁵, Н.А. Тучкова⁶.

Заметный вклад в изучение этнографии селькупов внесла Г.И. Пелих. В своих работах она обращалась к изучению различных аспектов селькупской культуры. В 1950–1960-е гг. ею были осуществлены планомерные и целенаправленные полевые исследования культуры нарымских селькупов⁷.

¹Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие. Новосибирск, 1974. С. 96.

²Филиппова Т.М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 81.

³Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–63.

⁴Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края // Уч. Зап. ТГПИ. Томск, 1955. Т. 14. С. 251–284; Она же. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. IV. С. 179–196; Она же. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148; Она же. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 432 с.; Она же. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 176 с.

⁵Васильев В.И. Селькупы. Общие сведения // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 315.

⁶Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 162–186; Она же. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. 224 с.

⁷Архив МАЭС ТГУ. № 251. Г.И. Пелих. Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района. Тетради № 1–5.

В 1985 г. по инициативе В.И. Васильева была создана постоянно действующая комплексная полевая экспедиция, изучавшая вопрос этногенеза селькупов. Программа, по которой работали исследователи, называлась следующим образом: «Селькупы – опыт междисциплинарного исследования этногенеза, этнической истории, современного этнического и хозяйственного развития и его прогнозирования».

В процессе исследований сотрудниками экспедиции была проведена работа по выявлению данных из метрических книг, в том числе и об инородческом населении прихода Инкинской Троицкой церкви, к которой относилось население этнолокальной группы шёшкупов, а также велись полевые работы в с. Инкино и с. Иванкино.

В статье Н.А. Тучковой «Шёшкупы р. Оби»¹ был поставлен вопрос о расселении этой группы и об ее этнической культуре: отмечалось, что на этнографическом материале группа пока не выделена; она выявляется только на языковом материале.

В вопросе определения ареала расселения шёшкупов по родственным связям односельчан-иванкинцев важной информацией стала запись-воспоминание Т.К. Кудряшовой «Мы – разные», которая использовалась в качестве приложения к статье Н.А. Тучковой «Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов»².

О смешении селькупских говоров на территории р. Оби между Тогуром и Нарымом делают выводы Н.Г. Кузнецова и Н.А. Тучкова в статье «Отражение миграционных процессов селькупов бассейна р. Шудельки»³.

Населенные пункты исследуемой территории, соотносимые с шёшкупами.

---

¹Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 162–186.

²Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327.

³Кузнецова Н.Г., Тучкова Н.А. Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 131–133.

В вопросе изучения населенных пунктов шёшкупов наиболее ранним источником являются путевые записки Г.Ф. Миллера¹. Наиболее полную информацию рубежа XIX–XX в. содержит историко-статистический очерк, написанный чиновником и краеведом А.Ф. Плотниковым². Автором были собраны первые ценные сведения этнографического характера и этноисторические данные об осяках р. Оби в пределах исследуемого отрезка – между устьями Кети и Чаи. Им были упомянуты все юрты – Иванкины, Кияровы, Чаршины, Кармашкины – Пиковской волости, а также населённые пункты Нижне-Тогурской, Тогурско-Порубежной, 3-ей Парабельской и 3-ей Отдельно-Парабельской волостей. Благодаря его работе исследователи имеют весьма точные данные, как об административном устройстве региона, так и детальные сведения исторического характера о населенных пунктах, многие из которых исчезли уже к середине XX в. В своей работе автор не только проводит историко-статистическое описание всех инородческих волостей Нарымского края, но и представляет материал о происхождении отдельных названий посёлков, а также о традициях и верованиях нарымских осяков.

Венгерский лингвист К. Папай вероятно, был самым первым из исследователей-языковедов, кто в середине октября 1888 г. в ходе своей экспедиции по территории Нарымского края остановился в юртах Иванкиных. Его материалы следует считать самыми ранними сборами языковых данных по среднеобскому диалекту. В собрании его селькупских языковых материалов есть список около 1000 слов, среди которых были также названия поселков и рек селькупского региона Нарымского края, а также фольклорные тексты. Все эти данные хранились в его архиве более чем столетия. Они впервые были изданы в 1952 г. венгерским лингвистом П. Хайду (P. Hajdú)³. В данном издании

---

¹Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск. 1996. С. 172–191; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.М. Миллера, как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 122.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 385 с.

³Hajdú P. Pápai Károly szelkup szójegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. L. 141–184.

в словах, которые отмечены как записи К. Папай, в графе «сокращения» были указаны следующие населенные пункты как места записей этих слов: Тайзаково, Пешково, Коперово [вероятно, Конерово], Ласкино, Иванкины, Игнаковы, Заикино [вероятно, Зайкино]¹.

Материалы К. Папай были включены в общую таблицу топонимов, составленную Н.А. Тучковой к статье «Топонимические модели в названиях селькупских поселений»². Информация об истории населенных пунктов также была существенно дополнена известными учеными-специалистами в области языкознания, археологии и этнографии Приобья лингвистом Э.Г. Беккер³, этнографом Г.И. Пелих⁴, краеведом и археологом Я.А. Яковлевым⁵, краеведом (уроженкой д. Иванкино) Т.К. Кудряшовой⁶.

В 1958 г. З.П. Соколова перед проведением Всесоюзной переписи 1959 г. обследовала нарымских селькупов для того чтобы выяснить, где расселены селькупы, какова их примерная численность, как они фиксируются в официальных документах, так как термин «селькуп» в качестве самоозначения не прижился среди нарымских селькупов. З.П. Соколова проехала вниз по Оби от г. Колпашева до с. Александровского и по Кети вверх до пос. Максимкин Яр. Работая в Каргасокском и Колпашевском районах она просматривала материалы в статистических управлениях и опрашивала местное население. Важно отметить, что З.П. Соколова побывала, в том числе, и в пос. Иванкино. В разделе «Нарымский край – родина селькупов»⁷ она даёт краткое описание внешнего облика селькупского старинного села, называет численность и фамильный состав населения на период 1958 г., записывает самоозначение (эндоэтнониму) местных иванкинских селькупов. Также в своих публикациях

¹ Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. L. 154.

² Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып.1 (1). С. 97–116.

³ Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири. Дис. канд. филол. наук. Томск, 1965. 272 с.

⁴ Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 176 с.

⁵ Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // Земля колпашевская: Сборник научно-популярных очерков. Томск, 2000. С. 76–103.

⁶ Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое // Земля колпашевская. Томск, 2000. С. 186–205.

⁷ Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982. С. 114–138

З.П. Соколова дает краткое описание хозяйственной жизни всех селькупов Нарымского края¹.

З.П. Соколова (1970)² и В.Г. Бабаков (1973)³ в своих исследованиях обращаются к вопросу социальной организации селькупов.

Публикации, касающиеся изменения численности населения на территории проживания шёшкупов. К данной проблематике относятся работы авторов, которые занимались исследованием численности селькупов в целом: Н.М. Ядринцев⁴, А.Ф. Плотников⁵, С.К. Патканов⁶, Н.А. Сборовский⁷, В.Я. Нагнибеда⁸, Б.О. Долгих⁹, Н.Ф. Емельянов¹⁰, В.А. Туголуков¹¹, Л.Т. Шаргородский¹², С.М. Малиновская¹³, Н.А. Тучкова¹⁴, К.Г. Шаховцов, А.Г. Тучков¹⁵.

Самые современные работы принадлежат двум последним авторам. Московский этнолог К.Г. Шаховцов в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению вопросов идентичности всех групп, входящих в состав южных селькупов во второй половине XX – начале XXI вв., рассматривает также численность иванкинцев и анализирует их сложную ситуацию с

¹Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982. С. 114–138; Соколова З.П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // Советская этнография. № 3. М., 1961. С. 45–52.

²Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Азии (XVII– начало XX в.). М., 1970. С. 103–153.

³Бабаков В.Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.): дис... канд. истор. наук. М., 1973. 226 с.

⁴Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 471 с.

⁵Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 366 с.

⁶Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.) Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. Т. 2. С. 144–160.

⁷Сборовский Н.А. Таёжный север. Нарымский край. // К вопросу о колонизации Сибири. Новосибирск, 1926. С. 100–123.

⁸Нагнибеда В.Я. Нарымский край..., Томск, 1927. 640 с.

⁹Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Нов. Сер. Т. 55. М., 1960. 622 с.

¹⁰Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Состав, занятия и повинности. 1980. 250 с.

¹¹Туголуков В.А. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в. // Советская этнография. 1981. №2. С. 122–124.

¹²Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. 187 с.

¹³Малиновская С.М. Историческая справка. Селькупы XVII – начало XX в. // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 12–24.

¹⁴Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): дис... канд. истор. наук. Томск, 1999. 199 с.

¹⁵Тучков А.Г. К вопросу о численности южных (нарымских) селькупов (XVII – начало XX в.) // Труды Томского Областного Краеведческого музея. Том XIV. Томск, 2007. С. 46–57.

самоидентификацией¹. К.Г. Шаховцов селькупов д. Иванкино изучал в совокупности со всеми иными группами селькупов.

А.Г. Тучков в своём исследовании о численности южных (нарымских) селькупах дает оценку всем работам, посвященным вопросам определения численности населения народов Среднего Приобья XVII – начало XX вв. и анализирует ряд трудностей при ее выявлении. По его мнению, в распоряжении исследователей имеются различного рода материалы о количественном составе инородческого населения на период XVII, XIX, первой половины XX вв. и практически отсутствуют сведения за XVIII в. Существующие разночтения о количественном составе селькупов на тот или иной отрезок времени мешают объективной оценке их реального количества².

Публикации по языковой специфике шёшкупов.

Для выявления языковой специфики локальных групп селькупов лингвистами проводилось выявление изоглосс, описание и разграничение диалектов селькупского языка. Большой вклад в решение этих вопросов был сделан такими выдающимися лингвистами как А.М. Кастрен³, К. Доннер⁴, Г.Н. Прокофьев⁵, П. Хайду⁶, А.П. Дульзон⁷, А.И. Кузьмина⁸, Ю.А. Морев⁹, Т. Янурик¹⁰, Х. Катц¹¹, Е.А. Хелимский¹, Э.Г. Беккер², Я.К. Алатало³, С.В. Глушков⁴, Г.П. Поздеева⁵.

¹Шаховцов К.Г., Функ Д.А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. Вып. 10. М., 2000. С. 310–324; Шаховцов К.Г. Этническая самоидентификация южных селькупов (XX – начало XXI в.): дис... канд. истор. наук. М., 2007. 154 с.; Шаховцов К.Г. К вопросу о выделении брачных классов в системе родства нарымских селькупов // Весник ТГПУ. № 1. Томск, 2012. С. 144–148; Шаховцов К.Г. Г.И. Пелих о терминологии нарымских селькупов: построения на проблемном основании // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов археологии и этнологии. Вып. 4. Томск, 2011. С. 266–280.

²Тучков. А.Г. К вопросу о численности южных (нарымских) селькупов..., Томск, 2007. С. 46.

³Castren M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. S. 404.

⁴Donner K. Über die anlautender labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki. 1920. S. 194.

⁵Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935. Он же. Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Тр. По лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. Т. IV. Вып. 1. 132 с.

⁶Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. S. 239.

⁷Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen... VII / 1. Tallin, 1971. С. 35–43.

⁸Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Часть I. С. 96.

⁹Морев Ю.А. К соотношению глухости-звонкости и долготы краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1978. С. 3–14.

¹⁰Janurik T.A Szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80. L. 77–104.

¹¹Katz H. Selkupische Quellen // Studia Uralica. Band 2. Wien, 1979. Bd 2. 231 S.

Обобщая материал по диалектным классификациям и поискам в них места иванкинскому (шёшкупскому) диалекту (говору) можно сделать вывод, что такие авторы как М.А. Кастрен, Г.Н. Прокофьев, Е.А. Хелимский, Х. Катц и Т. Янурик шёшкупский диалект в своих исследованиях не выделяли. К. Доннер, Э.Г. Беккер, С.В. Глушков, А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина, Я.К. Алатало, напротив, признавали наличие шёшкупского диалекта и видели в нём специфические диалектные черты.

Изучением среднеобского диалекта по лингвистическим признакам занимались практически все представители «томской школы» селькуповедения – сотрудники ТГПИ⁶ (Лаборатории языков народов Севера): А.П. Дульзон, Э.Г. Беккер, А.И. Кузьмина, Л.А. Алиткина, А.А. Ким, Н.С. Жукова, Н.П. Максимова, В.В. Быконя. Проводя анализ языкового материала в своих работах, они прямо или косвенно затрагивали вопрос о диалектных особенностях жителей юрт Иванкиных и прилегающих к ним территорий в пойме р. Оби.

В результате обработки языковых материалов, собранных в разных диалектно-локальных ареалах проживания селькупов, ряд ученых издали свои работы, в которых был задействован иванкинский материал. Эти публикации условно делятся на две группы. В *первую* группу входят работы, написанные на основе своего полевого лингвистического материала. К их авторам можно отнести следующих исследователей: Э.Г. Беккер⁷, А.И. Кузьмина¹, А.А. Ким²,

¹Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68–79.

²Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1, Томск, 1995а. 292 с.

³Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuchaus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammenge stellt und herausgegeben von J. Alatalo // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. 465 S.

⁴Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.

⁵Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. №1(8). М., 2013. С. 20–33; Она же. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка (сравнительно-сопоставительный аспект). Автореф. канд. фил. дисс. М., 2013. 30 с.

⁶ТГПИ – с 1901 по 1995 – Томский педагогический институт; с 1995 г. до настоящего времени – Томский государственный педагогический университет (ТГПУ). Лаборатория языков народов Сибири, созданная на базе личного кабинета языкознания А. П. Дульзона в ТГПУ, получила официальный статус в 1991.

⁷Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири. Дис. канд. фил. наук. Томск, 1965. С. 142–153; Формы и функции местного падежа в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 76–78; Она же. О некоторых селькупских словах-терминах и их употреблении в топонимии // Языки и топонимия Сибири. Вып. IV. Томск, 1971. С. 107–110; Она же. Продольный падеж (на материале

Л.А. Алиткина³, Н.С. Жукова⁴, В.В. Быконя⁵, Н.П. Максимова⁶. Вторую группу составили работы исследователей, которые не участвовали в сборах полевого

селькупского языка) // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1975. Вып. 7. С. 102–106; Личные имена у селькупов // Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 2. С. 92–93; Она же. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978. С. 28, 32; Она же. Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка // Томск, 1981. С. 72–82; Она же. Структурно-морфологическая характеристика показателей падежей пространственно-временной ориентации в южноселькупских диалектах // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 11–12.

¹Кузьмина А.И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1967. Вып. 2. С. 267–329; Она же. К вопросу о склонении в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 74–76; Она же. К вопросу о фонемном составе селькупского языка // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 212–229; Она же. К вопросу о словообразовании в селькупском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973, Вып. 2. С. 137–149; Она же. Грамматика селькупского языка. Новосибирск, 1974. С. 188–216; Она же. К этимологии названий месяцев, сторон света, звёзд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 4. С. 71–86. Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.1 – Материалы по селькупскому языку А.И. Кузьминой записанные в Иванкино в 1967–1968, 1973 гг.

²Ким А.А. О связи категории притяжательности с категорией определённости в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1980. Вып. 7. С. 100–106; Она же. Фонетические процессы в лично-притяжательных формах селькупских существительных. // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 183–187; Она же. Конструирование инновационных посессивных форм в южных диалектах селькупского языка // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала. Тюмень, 1986. С. 28–29; Она же. Лингвистический аспект изучения культуры селькупов: о названии селькупских шаманов // Перспективные направления развития в современном финноугроведении. М., 1997. С. 38–41; Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. С. 95–96, 113–115.

³Алиткина Л.А. Селькупские производные прилагательные на – (а) й // Вопросы советского финноугроведения. Языкознание. Саранск, 1972. С. 53–54; Она же. Словообразование прилагательных в селькупском языке со значением необладания // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1973. С. 63–65; Она же. К вопросу о сложных образованиях имён прилагательных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. С. 59–64; Она же. Прилагательные-цветообозначения в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 4. С. 58–70; Она же. Лексико-семантическая характеристика и словообразовательная структура имен прилагательных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1980. С. 69–85; Она же. Отглагольные группы производных имен прилагательных в селькупском языке // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985. С. 5–9.

⁴Жукова Н.С. К вопросу о номинации некоторых частей тела в селькупском языке // Язык и топонимия. Томск, 1976. С. 56–58.

⁵Быконя В.В. Послелог, конкретизирующий направление движения на вопрос «куда?» в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 5. С. 65–70; Она же. Сложные послелогичные сочинительного типа в селькупском языке // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 34–38; Она же. Числительные в южных диалектах селькупского языка // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. С. 1–32; Она же. Количественные числительные в южных диалектах селькупского языка // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 21–29; Она же. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. 261 с.; Она же. «Пространство» в мировосприятии селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория методология, практика. Томск, 1998. С. 170–173; Она же. «Река в картине мира» селькупов // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск, 1999. Ч. 1. С. 45–49; Она же. Шарватплэнд шёшкуй шэндсэ! (Говори по-шёшкупски!) Русско-селькупский разговорник. Томск, 1999. 111 с.; Она же. Мировоззрение селькупов по данным лингвистических исследований // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2002. С. 111–120.

⁶Максимова Н.П. Морфологический способ выражения множественности в южных диалектах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 103–110; Она же. Категория числа у имен существительных вещественной семантики // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 34–41; Она же. Категория числа в селькупском языке // Языки народов Севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 93–101; Она же. К вопросу о категории числа в сфере личных местоимений // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 30–40.

материала, но использовали его в качестве примеров в своих публикациях¹. Эти публикации носят, как правило, обобщающий характер, и в ряде случаев в них задействованы данные по иванкинскому (среднеобском) диалекту. К их авторам можно отнести, например: А.В. Байдак², И.А. Ильяшенко³, Н.Г. Кузнецова⁴, Ш.Ц. Купер⁵, Л.В. Морева⁶, Ю.А. Морев⁷, Е.А. Хелимский⁸, С.В. Глушков, А.В. Байдак, Н.П. Максимова⁹, Г.П. Поздеева¹⁰.

Несмотря на то, что диалект шёшкупов изучался в совокупности с другими диалектами, специалисты провели значительный объём исследований и смогли дать объективные данные для лингвистической характеристики шёшкупского диалекта.

Вместе с тем, несмотря на большое количество собранных полевых материалов и проведенных исследований, в шёшкупском диалекте предшественниками были выделены лишь отдельные языковые особенности. Впервые попытка обобщить все, выявленные ранее особенности шёшкупского (среднеобского) диалекта, была предпринята томским лингвистом С.В. Ковылиным в статье «О специфике среднеобского диалекта и выявлении

¹см. Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.2 – Хронологическая таблица лингвистических сборов у шёшкупов; Таблица А.3. – Хронологическая таблица фольклорных сборов у обских шёшкупов.

²Байдак А.В. О сильном и слабом управлении в селькупских диалектах // Молодежь и наука: Проблемы и перспективы. Томск, 1998. С. 14–17.

³Ильяшенко И.А. Неопределённые местоимения в диалектах селькупского языка // Языки народов севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 84–92.

⁴Кузнецова Н.Г. К вопросу об эволюции категории наклонения в диалектах селькупского языка // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1991. 27. № 4. С. 256–271; Она же. Некоторые итоги изучения морфологии южноселькупских диалектов // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Томск, 1995. С. 88.

⁵Купер. Ш.Ц. Типы чередования в селькупском языке // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987. С. 66–74.

⁶Морева Л.В. Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1972. Вып. 5. С. 75–84; Она же. Повествовательный аорист в среднеобских говорах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 112–117.

⁷Морев Ю.А. Динамика консонантных систем в диалектах селькупского языка // Материалы 4-го Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 129–131; Он же. Современные этнотерриториальные группы селькупов и проблемы языковой нормы // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 169–172.

⁸Хелимский Е.А. К фонологической характеристике селькупского языка. 1971.; Он же. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000. С. 68–79.

⁹Глушков С.В., Байдак А.В. История изучения селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 24–33; Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 34–48; Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–63.

¹⁰Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. №1(8). М., 2013. С. 20–33.

границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов / шёшкупов по данным топонимики»¹.

Публикации по этнической культуре шёшкупов р. Оби

Практически все исследователи, кто занимался изучением хозяйственных занятий селькупов – Б. Шостакович², А.Ф. Плотников³, В.Я. Нагнибеда⁴, Е.Н. Орлова⁵, Г.И. Пелих⁶, Н.В. Лукина⁷, А.В. Головнёв⁸, Л.Т. Шаргородский⁹, Н.А. Тучкова¹⁰ считали, что до середины XX в. основными традиционными занятиями народа были рыболовство, охота и собирательство. Авторы занимались изучением данного вопроса в рамках исследований традиционных культур, распространенных в пределах всего Нарымского края, или в рамках дескриптивных исследований всего селькупского этноса. Вопрос этнолокальных особенностей в рыболовстве, охоте, собирательстве, а также появление новых для данного населения занятий – животноводства, земледелия – именно у жителей исследуемой территории оставался не освещённым в их публикациях.

В 1910–1911 гг. в результате статистико-экономического обследования Нарымского края, проводимого под руководством В.Я. Нагнибеды, был собран ценный статистический материал по всему Нарымскому краю, в том числе и по аборигенному населению этой территории. Результаты обследования были опубликованы в 1927 г. под названием «Нарымский край»¹¹, где автор приводит

¹Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы sösqum/sösqur по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С 19–33.

²Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1882. Кн. 4. С. 1–40.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 385 с.

⁴Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. 640 с.

⁵Орлова Е.Н. Население по р.р. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 55. Вып. 4. 55 с.

⁶Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 432 с.

⁷Лукина Н.В. Средства передвижения нарымских селькупов // Тр. ТГУ. Уч. зап. Томск, 1966. № 60. С. 108–118.

⁸Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.

⁹Шаргородский Л.Т. Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. 187 с.

¹⁰Тучкова Н.А. Структура названий южноселькупских поселений // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы международной конференции. Томск, 1998. Ч. 1. С. 212–217; Тучкова Н.А., Байдак А.В., Максимова Н.П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 279–282. Она же. Культура селькупов // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 64–117.

¹¹Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. 640 с.

сведения по количеству жителей мужского и женского пола этого региона, количеству жилых и нежилых построек, транспортного инвентаря, числу хозяйств, имеющих скот, огороды, размерам пахотной земли, сенокосных угодий, количество рыболовного и охотничьего инвентаря. Обследованию подверглись, в том числе, и населённые пункты на территории проживания шёшкупов, что сделало эти материалы важным источником для изучения их культуры.

Описанию различных аспектов материальной культуры селькупов были посвящены разделы в энциклопедии «Народы Сибири»¹, написанные Е.Д. Прокофьевой², и некоторые главы в монографии Г.И. Пелих «Происхождение селькупов»³ (см. Глава I: раздел «Домашнее ремесло»). Кроме того, весьма детально различные аспекты материальной культуры селькупов были и представлены в энциклопедии «Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты»⁴, где главы о материальной культуре были написаны Н.А. Тучковой (см.: раздел «Селькупы»: глава IV «Материальная культура»).

Более подробно Н.А. Тучковой материальная культура селькупов была описана в коллективной монографии «Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка»⁵ (см. разделы: 3.3. «Поселения и жилища», 3.4. «Пища и домашняя утварь», 3.5.«Одежда»). Подробное описание селькупских поселений (типы селькупских поселений, месторасположение, внешний вид, планировка, вещи в пространстве селькупского дома и др.) были изложены Н.А. Тучковой в монографии «Селькупская ойкумена»⁶.

Изучением шаманизма и других верований селькупов занимались такие исследователи как Н.П. Григоровский⁷, Г.Н. Прокофьев⁸, Е.Д. Прокофьева⁹,

¹Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. Этнографические очерки. М.-Л., 1956. С. 665–686.

²Е.Д. Прокофьева делала описания на основе данных о культуре северных селькупов, но вместе с тем параллельно приводила информацию и о культуре южных (нарымских) селькупов.

³Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 32–44.

⁴Тучкова Н.А. Селькупы. Материальная культура... Томск, 2013. С. 329–350.

⁵Тучкова Н.А. Селькупы. Культура селькупов..., Томск, 2013. С. 64–256.

⁶Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. 224 с.

⁷Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 45–49.

⁸Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Л., 1930. Т. 2. С. 365–373.

⁹Прокофьева Е.Д. Мамонт по представлениям селькупов // Сб. МАЭ. Л., 1949. Т. 11. 159 с.; Она же. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435-492; Она же. Шаманские

Г.И. Пелих¹, И.Н. Гемуев², Р.А. Ураев³, А.А. Ким⁴, О.А. Казакевич⁵, традиционную культуру и мировоззрение северных селькупов исследует О.Б. Степанова⁶.

Большая часть работ была написана о шаманизме северных селькупов; у нарымских селькупов весьма объемный материал относительно духов, шаманов и шаманской атрибутики был собран на р. Тым (см.: Ураев (2003)⁷, Пихновская (2001)⁸).

Кроме того, существует ряд обобщающих публикаций, в целом характеризующих селькупский шаманизм (см.: Ким (1997)⁹, Тучкова (2004)¹⁰). Однако о вере в духов и шаманизме у селькупов д. Иванкино (и окрестных населённых пунктов в Приобье) имеется немного достоверных сведений, которые остались неопубликованными.

В 1888 г. в ходе экспедиции по территории Нарымского края К. Папай останавливался в юртах Иванкиных и в своих дневниковых записях дал краткую характеристику местным жителям и их верованиям. Он отметил, что «остяки-самоеды ведут оседлый образ жизни, занимаются охотничьим и — преимущественно — рыбным промыслом и находятся под сильным влиянием

костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX–XX в. Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100; Она же. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л., 1981. С. 42–68; Она же. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. 7. С. 73–85.

¹Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.

²Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Категории селькупских шаманов // ЭО. М., 1997. № 5. С. 36–45.

³Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Тр. ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. 7. С. 73–85; Он же. Культурные объекты на р. Тым // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 120–132.

⁴Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 219 с.

⁵Казакевич О.А. Изобразительная лексика в шаманских текстах северных селькупов // Актуальные проблемы психологии, этнопсихоллингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 141–142; Он же. Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 254–259.

⁶Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2008. 304 с.; Степанова О.Б. «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск. 2008. С. 218–225.

⁷Ураев Р.А. Культурные объекты на р. Тым // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 120–132.

⁸Пихновская А.А. Культурный комплекс тымского шамана Елисея Карлыгина (из собраний Колпашевского краеведческого музея) // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 285–291.

⁹Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 219 с.

¹⁰Тучкова Н.А. Мифология селькупов. Томск, 2004. 382 с.

русского населения, тем не менее, хотя и в строгом секрете, но продолжают хранить древние традиции и религию»¹.

Ценным источником о вере в духов и шаманизме шёшкупов на сегодняшний день является информация, собранная А.Ф. Плотниковым и опубликованная им в очерке «Нарымский край»². А.Ф. Плотников подтверждал существование языческих верований у жителей д. Иванкино и писал о том, что «еще в 1920–1940-х гг. XIX в. жители Иванкинских юрт придерживались языческих верований. Практически в каждом селении имелись изображения деревянных болванчиков, которых делали при рождении каждого члена семьи. Хранили деревянные болванчики в лесу на сухом, высоком месте – мысе. В случае смерти кого-либо болванчик этот сжигался»³.

Наиболее ценными являются материалы по шаманизму, собранные Г.И. Пелих и ее студентами (ныне известными этнографами) – Н.А. Томиловым и Н.В. Лукиной – в этнографической экспедиции 1961 г. у селькупов, проживавших в г. Колпашево, деревнях Киярово, Иготкино, Иванкино. Их информантами были: А.С. Иткупова, В.Г. Иткупова, М.И. Киярова, Т.А. Кайдалов, М.С. Сагандукова, Р.М. Тобольжин, Е.И. Иженбина.

Частично записи, собранные в этой поездке, были опубликованы Г.И. Пелих в ее статье «Материалы по селькупскому шаманству»⁴. Исследователь приводит данные, касающиеся самых различных сфер шаманского культа. Также ценнейшие сведения о последних лозах в д. Иванкино приводит Т.К. Кудряшова (уроженка д. Иванкино) в своей статье «Юрты Иванкины: взгляд в прошлое»⁵, на основе записей от местных жителей, собранных ею в разное время. Помимо данной публикации, годом позже Т.К. Кудряшова опубликовала статью, посвящённую истории своего родного села Иванкино и яркой исторической достопримечательности этого села –

¹Надь З. Карой Папаи: венгерский исследователь на территории Томской области..., Томск, 2012. Том XVII. С. 201.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 366 с.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 153.

⁴Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.

⁵Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 186–205.

Иванкинской церкви Живоначальной Троицы¹. Также в 2000 г. московский этнолог Д.А. Функ опубликовал 10 фольклорных текстов на русском языке («самозапись» Т.К. Кудряшовой), репрезентирующих фольклорные традиции жителей Иванкино².

Завершая вопрос о степени разработанности темы, можно сделать вывод о том, что по теме диссертации не существует работ, в которых содержится комплексная оценка данных по группе шёшкупов р. Оби, как одной из локальных групп, составляющих селькупский этнос.

Таким образом, остаются открытыми вопросы территориальных границ диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, не изучена история заселения ими современных мест проживания и характер их хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры.

Цель данной работы – выявить территорию расселения обских шёшкупов, исследовать историю формирования и этническую культуру этой локальной группы селькупского этноса в период XIX–XX вв.

Задачи исследования:

1. Определить ареал расселения шёшкупов по языковым данным (т.е. по распространению специфических особенностей их диалекта), по бытованию этнонима, по топонимическим данным, по фамильному составу и родственным связям, по представлениям самих шёшкупов о территории «своего» расселения.
2. Рассмотреть историю формирования группы шёшкупов на материалах по истории населённых пунктов на исследуемой территории и динамике численности населения.
3. Дать описание хозяйственной деятельности шёшкупов.
4. Описать основные элементы материальной культуры диалектно-локальной группы.

---

¹Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино) // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 132–133.

²Функ Д.А. Селькупский фольклор в самозаписи Т.К. Кудряшовой // Этнография народов Запад Сибири. Сибирский этнографический сборник. М., 2000. Вып. 10. С. 229; Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.3 – Хронологическая таблица фольклорных сборов у обских шёшкупов.

5. Охарактеризовать основные компоненты традиционных религиозных верований жителей изучаемой территории.
6. Выявить этнокультурные особенности исследуемой диалектно-локальной группы; определить ее статус в качестве этнографической, этнологической группы.

Объектом исследования является диалектно-локальная группа шёшкупов р. Оби как часть всего селькупского этноса.

Предмет исследования – территория расселения, история формирования населения данной группы и ее этническая культура.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период XIX–XX вв. Нижняя граница определяется материалами путешествия по Сибири финского исследователя М.А. Кастрена (1845–1849), который осуществил первые научные этнолингвистические сборы, характеризующие селькупов в Приобье. В отдельных вопросах исследования используются и более ранние источники XVII–XVIII вв.

Верхняя граница определяется материалами полевых исследований автора. Они проводились в 2012–2013, 2015–2016 гг., однако у информантов, в основном, спрашивалось о том, «как было раньше» (в годы их молодости), «что они помнят о прошлом»; поэтому основной собранный материал характеризует события и процессы XX в.

Территориальные рамки работы определены ареалом фиксации сведений о расселении диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, которая географически охватывает территорию Приобья между тремя устьями реки Кети – Тогурским, Копыловским и Нарымским. В современном административном отношении эта территория находится в пределах трёх районов Томской области: Колпашевского, Парабельского и Чаинского.

Методология и методика исследования. Теоретико-методологической основой для диссертационного исследования послужили общие положения, разработанные в отечественной этнологической науке применительно к

исследованию этнографических (локальных) групп такими авторами, как Ю.В. Бромлей¹, З.П. Соколова², В.И. Васильев³, Н.А. Томилов⁴.

Для решения вопросов о критериях выделения в этносе групп разных уровней особенно значимы работы З.П. Соколовой. Свои исследования автор начинает с лингвистической классификации, обращаясь к лингвистической литературе, касающейся выделения диалектов, говоров и наречий⁵, считая языковую классификацию ведущей относительно любых других классификаций этноса (в том числе и на внутриэтническом уровне). Именно этот подход реализован в предлагаемой диссертации.

На материале обских угров З.П. Соколова выделяет группы двух категорий: этнографическую и территориальную. Для каждой группы, по мнению З.П. Соколовой, характерны свои особенности. Для этнографической – компактная территория расселения, собственное этнонимическое самоназвание, особый диалект, приравниваемый к самостоятельному языку, своеобразие культуры, эндогамия. Для территориальной группы характерны замкнутая в речном бассейне территория расселения, самоназвание географического характера, свой диалект (или говор), некоторое своеобразие культуры⁶.

В основе диссертационного исследования лежит принцип историзма, который предполагает изучение явления в его историческом развитии. Этот принцип был применен к исследованию диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, которая рассматривалась как составляющая часть всего селькупского этноса, постоянно изменяющаяся во времени на пути от прошлого к настоящему.

В работе был применен сравнительно-исторический метод, который использовался для выявления культурных параллелей и отличительных (региональных, локальных) черт исследуемой группы от таковых у соседних с

¹Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. 418 с.

²Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват (Этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск. 1972. С. 15–66; Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа (На материалах хантов и манси). М., 1990. 209 с.

³Васильев. В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 244 с.

⁴Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 222 с.

⁵Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват (Этнографический очерк). Томск, 1972. С. 15–66; Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990. 209 с.

⁶Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990. С. 26.

ними групп селькупов – прежде всего, нарымских селькупов (чумылькупов) и кетских селькупов (сюссыкумов), а также местного русского (старожильческого) населения.

Кроме того, был использован также ретроспективный метод – для реконструкции хода этноисторического процесса, протекавшего на данной территории. Из общенаучных методов применялись методы анализа и синтеза, а также метод индукции.

В работе был использован также междисциплинарный (комплексный) подход, который понимается автором исследования таким образом, как его разрабатывал А.П. Дульзон. Суть этого подхода заключается в использовании методов и результатов различных научных дисциплин – лингвистики, археологии, антропологии, этнографии и др. В данной работе, в основном использовались и сопоставлялись данные лингвистики, этнографии и истории.

В теоретическом аспекте особую значимость для данной работы имеют положения, сформулированные Ю.В. Бромлеем. Исследователь писал: «...в исследовании этногенеза и этнической истории объектом изучения выступают как большие этнографические или этнические группы и отдельные народы, так и целые группы народов, населяющих историко-этнографические ареалы»¹. В данном определении важным является то, что в нём речь идёт не только об основном этническом подразделении – этносе, но и вообще о многих видах этнических и этнографических общностей. Важным также является то, что «несмотря на ход исторического процесса, этническая территория может значительно меняться, может модифицироваться словарный состав языка, его морфологические, синтаксические и другие особенности или подвергнуться языковой ассимиляции, большие перемены могут произойти в материальной и духовной культуре, но пока, – по словам Ю.В. Бромлея, – у входящих в этнос людей сохраняются те или иные этнические черты и этническое самосознание, этнос продолжает существовать»².

---

¹Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 129.

²Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 25.

Ю.В. Бромлеем были выделены признаки этноса, такие как самоназвание (этноним)¹, сомосознание², эндогамный брак, как инструмент, обеспечивающий кровное родство внутри этноса³, культурные различия этносов (язык, религия, народное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки и т.п.)⁴, общие черты психики⁵.

В монографии «Проблемы этнической истории» (1993) Н.А. Томилов в предметную область своего исследования включает процессы становления (формирования), развития и распада или трансформации историко-культурных общностей, другими словами, этнические и этносоциальные процессы всех видов и уровней. В данной работе исследователем была использована усовершенствованная методика составления семейно-кустовых генеалогических схем, разработанная В.И. Васильевым, Г.М. Афанасьевой и Ю.Б. Симченко⁶, которая применяется при изучении этнических и этнографических групп и строится на исследовании генеалогических схем (родословных)⁷.

Методика составления семейно-кустовых генеалогических схем применялась в диссертационном исследовании для выявления фамильного состава шёшкупов, определения родственных связей внутри группы и ее численности, а также метод был применён для реконструкции родословной семьи Сычиных и выявления родственных связей между соседними деревнями.

Кроме того, важными для формирования теоретического подхода являются работы этнографа И.И. Верняева⁸, который развивает тематику

¹Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 45-48.

²Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 48.

³Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 54.

⁴Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 55-56.

⁵Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 56.

⁶Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Советская этнография. 1986. № 3. С. 106–115 Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах. М., 1992. 44 с.; Васильев. В.И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах) // Советская этнография. 1977. № 4. С. 3–14; Корусенко С.Н., Н.В. Кулешова, Н.А. Томилов. Этническая генеалогия народов Сибири // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск. 2001. С147–158; Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюрского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2006. С. 20.

⁷Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 222 с.

⁸Верняев И.И. Локальные монографические исследования деревни 1920–1930-х годов: цели, методики, результаты // Историческое регионоведение. СПб., 2005. С. 29–64; Он же. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность: (Европейская Россия,

изучения локальных групп в этнографии, исследует трансформации традиционных социальных институтов, проводит исследования по микро-истории на основе архивных и устно-исторических материалов.

И.И. Верняев и его коллеги П.Л. Белков и А.Г. Новожилов, курирующие рубрику «Исследования малых групп в этнографии» в журнале «Вестник Санкт-Петербургского государственного университета», писали в публикации о необходимости изучения малых групп. Авторы ставили проблемные вопросы о методах выделения малых групп и считали, что «разработка критериев определения географических и социокультурных границ малых групп, безусловно, является важнейшей задачей теоретической этнографии»¹.

Для написания работы был собран эмпирический материал методом полевых этнографических исследований. Были совершены поездки в 2012, 2014, 2015, 2016 гг. в населённые пункты г. Колпашево, с. Тогур, с. Инкино и национальное селькупское поселение Иванкино. В полевой работе применялись: метод опроса в форме тематического и свободного интервью и метод открытого наблюдения. Полевой видеоматериал фиксировался на цифровой фотоаппарат, аудиоданные – с помощью диктофона. Все собранные полевые материалы хранятся в личном архиве автора.

Также использовался метод картографирования, который был применен для решения вопроса о выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби: на карту исследуемого региона наносились данные по распространению языковой специфики шёшкупского диалекта, по бытованию этнонима, топонимов, по фамильному составу и родственным связям, по данным полевых этнографических материалов и др. Этот метод был также применен для упорядочивания и анализа материала относительно населённых пунктов Иванкино и Киярово.

середина XIX – первая треть XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 1. С. 47–84; Он же. К дискуссии о природе и методологии исследования этнолокальных (малых этнографических) групп // Проблемы исторического регионоведения. Сборник научных статей. СПб., 2012. С. 430–437.

¹Белков П.Л., Верняев И.И. Новожилов А.Г. Малые группы в этнографии: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Спб., 2009. Вып. 3. С. 91.

Источниковая база исследования состоит из письменных, вещественных и изобразительных источников. Письменные материалы представлены *статистическими материалами*: данные центральной и ведомственной статистики середины XIX – начала XX в., которые позволяют проследить численный состав этнолокальной группы шёшкупов (Списки населённых мест по сведениям 1859, 1868, 1882, 1893, 1899, 1911 гг.), Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897¹ г., статистические, хозяйственно-экономические описания Нарымского края А.Ф. Плотникова, В.Я. Нагнибеды, С.К. Патканова, Н.Ф. Емельянова, Н.М. Ядринцева и др.).

Также в работе письменные источники представлены *документальными материалами* из архивов г. Колпашево и г. Томска, *источниками личного происхождения и полевыми материалами автора*.

Документальные материалы: значительную часть источников составили архивные документы XIX–XX в., главным образом, материалы церковных метрических книг и похозяйственных книг сельских Советов и Администраций Томской области. Используя методику В.И. Васильева по сбору архивного материала (работа с церковными метрическими и похозяйственными книгами, а также документами районных ЗАГСов для выявления фамильного состава жителей данного региона), в 2012 г. автором было проделано аналогичное исследование. Обработке подверглись метрические книги, хранившиеся в муниципальном казённом учреждении «Архив» Колпашевского района. Проведена работа с метрическими книгами Инкинской церкви (с. Инкино) с 1870–1872, 1874–1919 гг. для составления родословных и изучения фамильного состава данной территории в конце XIX – начала XX в. В них содержатся названия населённых пунктов, фамилии, списки членов семей с указанием года рождения и смерти. Для выявления численности коренного населения на период с 1949 по 2012 гг. была проведена работа с похозяйственными книгами в муниципальном казённом учреждении «Архив», Колпашевского района. В г. Колпашево были

---

¹Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1897–1905. С. 150.

просмотрены похозяйственные книги с 1949–1981 гг. (просмотрено 14 книг). В национальном поселении Иванкино удалось обследовать похозяйственные книги за период 2008–2012 гг. (просмотрено 2 книги).

В администрации Инкинского поселения также была проведена работа с домовыми (похозяйственными) книгами с. Инкино, д. Пасека, д. Юрты (в администрации хранятся книги 1950–1980-х гг.).

Важным источником для данного исследования являются лингвистические материалы, собранные несколькими поколениями томских исследователей селькупского языка (66 томов полевых записей), которые хранятся в Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (ЛЯНС ТГПУ). В 1998 г. был опубликован «Каталог полевых записей языков народов Сибири» (1998), где в хронологическом порядке содержатся сведения обо всех экспедициях и языковых сборах, в том числе и у шёшкупов (фонды ЛЯНС ТГПУ)¹. Список топонимов (в том числе, записанных в исследуемом микрорегионе) приведён в Приложении к диссертации Э.Г. Беккер «Селькупские топонимы Западной Сибири» (1965)².

В диссертационном исследовании были использованы неопубликованные полевые материалы: Г.И. Пелих (1960–1961)³, которые хранятся в архиве МАЭС ТГУ; дневники В.А. Дрёмова (1965)⁴, хранящиеся в фондах кабинета антропологии ТГУ. Также в работе использовались полевые материалы Н.А. Тучковой (1995)⁵, ксерокопии материалов А.И. Кузьминой (Том 10 и 11)⁶, сделанные Н.А. Тучковой в архиве Института финно-угроведения/уралистики Гамбургского университета (IFUU HU), полевые материалы Т.В. Новосельцевой⁷ (запись от Т.К. Кудряшовой).

Источники личного происхождения:

¹Архив ЛЯНС ТГПУ. Т. 10, 39–40, 51, 55, 58.

²Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири. Дис. канд. филол. наук. Томск, 1965. 272 с.

³Архив МАЭС ТГУ. №251. ПМ Г.И. Пелих. 1961. Тетрадь № 1–5.

⁴ПМ Дрёмова В.А. Томск, 1965. 269 с.

⁵ПМ Тучковой Н.А. Полевой дневник. Нельмач. Томск, 1995. 48 с.

⁶Архив Кузьминой А.И. IFUU HU. Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob. 1967. Band 11. Heft 1, 10, 11.

⁷ПМ Новосельцевой Т.В. Полевой дневник (запись от Т.К. Кудряшовой). Колпашево, 2003. 11 с.

Через архив Колпашевского краеведческого музея удалось найти информацию, записанную от Т.К. Кудряшовой от 28 апреля 1999 г., на тему «Сычины с. Иванкино. Семейная ветвь от Луки Алексеевича», использованную при написании некоторых разделов исследования.

Также автором лично собирался материал в 2012–2015¹, 2016² гг. в населённых пунктах г. Колпашево, с. Тогур, с. Инкино и в национальном поселении Иванкино.

Полевые материалы автора включают в себя:

1. Объекты непосредственного наблюдения (виды жилых, хозяйственных, культовых построек национального поселения Иванкино, виды его окрестностей, размер поселения и значимые места, места захоронений иванкинцев и т.п.);
2. Устные сообщения информантов (рассказы людей, преимущественно селькупского происхождения об истории их семей и родственников, промыслах местного населения, о жизни в селе Иванкино, топонимах). Также сообщения местных русских жителей о селькупах. Список информантов прилагается. Часть материала записывалась на диктофон, затем переписывалась на бумагу. Объём аудиозаписей составляет около 30 часов, объём рукописного материала – 170 страниц. Все перечисленные материалы хранятся в личном архиве автора.

В качестве источников были использованы фотодокументы и картографические источники: экспедиционные фотоматериалы А.П. Дульзона (1952), Д. Хорн (1999) и К.Г. Шаховцова (2001) из этнографических поездок в Иванкино, которые хранятся в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова.

Также были использованы фотоматериалы обследуемых населённых пунктов и фотопортреты представителей коренного населения, фрагменты быта, зафиксированные в 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 гг.

---

¹ПМА. Томск. 2012–2015. 77 с.

²ПМА. Томск. 2016. 23 с.

Картографические источники:

1. Карта 5-го стана Томской губернии и уезда (Нарымский край). Приложение к статистико-экономическому очерку А.Ф. Плотникова «Нарымский край» (1901).
2. Карта населенных мест Нарымского края Томской губернии по данным статистико-экономического исследования В.Я. Нагнибеды, произведённого томским переселенческим районом в 1910–1911 гг.
3. Карта–схема «д. Иванкино на период с 1990 г. по 2014 г. (авторы рис.: С.А. Мурзин, Н.С. Мурзина)».
4. Карта–схема «д. Иванкино на период с 1950-х по 1990-е гг. (автор рис.: Ю.Ф. Чаршин)».
5. Карта-схема «Гидронимы д. Иванкино по воспоминаниям местных жителей (автор рис.: Н.В. Сайнакова)».
6. Карта-схема «Культовые места в окрестностях д. Иванкино (на основе материалов из личного фонда С.Н. Сычина)».
7. Приложение карта-схема «д. Киярово» (автор рис.: Н.А. Тучкова).

Научная новизна исследования заключается в выборе объекта исследования – малоизученной этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби. В данном исследовании впервые были выдвинуты критерии, сформулированные автором, для определения территории расселения диалектно-локальной группы – шёшкупов р. Оби. Описана и проанализирована этническая культура данной группы. Анализ данных по истории формирования и компонентам традиционной культуры шёшкупов дает основания для выделения ее в качестве этнографической, этнолокальной группы.

В научный оборот вводится большой массив новых письменных материалов, собранных как в процессе полевых исследований, так и полученных из дополнительных источников.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Обобщая результаты исследования по выявлению характерных черт этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов были

сформулированы критерии, существенные для выявления характерных признаков любых локальных групп, так как это было сделано у З.П. Соколовой.

Этнографическая группа шёшкупов р. Оби является локальным субэтническим вариантом в рамках селькупского этноса, имеющая собственное самоназвание, языковые и культурные особенности. Выделенные критерии могут применяться при конструировании подходов к изучению любой другой этнолокальной группы и быть полезными при исследовании малых групп в этнографии. На примере исследуемой группы показана ее этническая культура, которая проявляется как локальный вариант, сопоставимый с иными локальными вариантами культуры селькупов.

Группа шёшкупов была выделена исследователями-лингвистами и определена как диалектно-локальная. В ходе исследования было рассмотрено формирование шёшкупов как части южных селькупов, дана характеристика их этнической культуры и тем самым обосновано их выделение в качестве самостоятельной этнографической, этнолокальной группы. Это позволяет выстраивать более детальные этногенетические исследования в Среднем Приобье.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных выводов и положений при изучении истории и культуры народов Западной Сибири. Материал может использоваться при составлении учебников, чтении лекционных курсов, при написании курсовых и дипломных работ. Исследование этносоциальной и этнической истории особо значимо в настоящее время, для которого характерно повышенное внимание к традиционным ценностям.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В результате проведенного исследования установлено, что шёшкупов р. Оби, выделяемых прежде как диалектно-локальная группа, следует рассматривать также и в качестве самостоятельной этнографической, этнолокальной группы, так как она обладает всеми необходимыми признаками: собственный этноним, языковые особенности (свой диалект/говор), общая территория проживания, самоназвание,

представление о единстве и отличие себя от соседних групп селькупов (чумылькупов и сюссыкумов), наличие плотного социального взаимодействия внутри группы – тесные родственные, хозяйственные и культурные связи, а также общие этнокультурные черты.

2. Выдвинуты критерии для установления ареала расселения этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби: диалектные особенности, этнонимы, топонимика исследуемой территории, фамильный состав и родственные связи, представление о территориальных границах, существующие у шёшкупов.
3. Установлено, что в XIX в. представители этнографической группы шёшкупов р. Оби проживали в следующих населённых пунктах: Иванкино, Киярово, Чаршино, Тяголово, Иготкино, Конерово, Езенгино, Испаево, Островные, Инкины, Ромашкины, Зайкины. Во второй половине XX в. д. Иванкино стала центром, куда стекалось селькупское население из соседних деревень, таких как Киярово, Езенгино, Иготкино, Тяголово. В настоящее время местом сосредоточения потомков шёшкупов, носителей в прошлом шёшкупского диалекта, являются п. Иванкино и г. Колпашево.
4. Установлено, что в XIX в. у шёшкупов был присваивающий тип хозяйства, который уже в конце XIX в. сменился и стал комплексным с элементами производящего хозяйства (распространение животноводства и с начала XX в. – огородничества). В повседневности особенности этической культуры шёшкупов нашли своё отражение в своеобразии рыболовного цикла, орудиях и способах рыбной ловли (сетевые снасти, самоловы, городьба или запоры, ломание ям), средствах передвижения во время рыболовства (обласки и берестяные лодки), в особенностях охоты (предпочтение в охоте – охотились в основном на водоплавающих птиц), в запретах на добычу медведя и лося.
5. В материальной культуре многие элементы сохранилось только на символическом уровне, хотя остаются актуальными и некоторые практические знания об изготовлении одежды и обуви, а именно – об

изготовлении верхней одежды из «сборного меха» из овечьих «мерлушек», шапок и тулупов из собачьих шкур, о способе вязания на одной игле изделий из волос конской гривы и овечьей шерсти.

- б. Особенности этнической культуры в области религии сохраняются в представлениях о домашних духах-помощниках и культовых местах. Одновременно фиксируется влияние христианства на традиционные верования, что свидетельствует о двойной вере местных селькупов.

Степень достоверности результатов исследования.

Достоверность полученных результатов определяется глубоким и всесторонним анализом научной литературы по теме исследования, а также репрезентативностью источниковой базы исследования, которая включает в себя различные типы источников.

Публикации по теме исследования. По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в журнале, индексируемом Scopus), 2 статьи в научных журналах, 4 публикации в сборниках материалов международных научных конференций (в том числе 1 зарубежная конференция).

Апробация работы. Результаты апробированы в выступлениях автора на восьми международных конференциях (г. Томск, 2010 г.; Новосибирск, 2010 г.; г. Томск, 2012 г.; г. Томск, 2014 г.; г. Томск, 2014 г.; г. Томск, 2016 г.; г. Томск, 2016 г.; г. Москва, 2016 г.); на двух всероссийских (г. Томск, 2012 г., г. Томск, 2013 г.); на трёх научно-практических (с. Парабель, 2013 г.; г. Томск, 2014 г.; г. Томск, 2015 г.); на двух научно-методических семинарах (г. Томск, 2009 г.; г. Томск, 2013 г.); а также на зарубежной конференции (г. Хельсинки, 2014 г.) и на XI Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2015 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, 4 (А–Г) приложения.

Глава 1. Расселение шёшкупов р. Оби

1.1. Опыт выявления границ расселения диалектно-локальной группы шёшкупов: мнения исследователей

Территориальные границы распространения «среднеобского диалекта», который в той или иной степени соотносится с этногруппой шёшкуп (подробнее об этом см. Раздел 1.2.), на основании данных лингвистических и этнографических полевых материалов и исследований определялись разными авторами по-разному.

М.А. Кастрен определил территорию распространения группы *Schoschkom* достаточно широко – «по Оби выше Нарыма»¹.

К. Доннер, проведя обследование селькупской языковой территории и выявив 23 остяко-самоедских диалекта, на Оби «выше Нарыма» выделил среднеобской говор, очертив его в следующих границах: это район юрт Баранакowych, Иванкиных и д. Колпашево².

В 1950–1960-е гг. А.П. Дульзон носителями шёшкупского диалекта назвал язык жителей Басмасово, Иванкино, Мумышево, Тайзаково³. Важно отметить, что Тайзаково исследователь поместил как в ареал среднеобского диалекта, так и в ареал верхнеобского.

А.И. Кузьмина определяет границы распространений шёшкупского диалекта на правобережье Оби (и отчасти на левобережье) в районе ниже Колпашево (Тогур, Иванкино, Инкино и др.)⁴, т.е. территорию выше Колпашево она считает зоной распространения иного – «верхнеобского»/сондоровского – диалекта.

¹Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 87.

²Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.2 – Территория, выделенная К. Доннером (1911–1914).

³Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII / 1. Таллин, 1971. С. 35. См.: Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.3 – Территория, выделенная А.П. Дульзоном (1970 гг.).

⁴Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка: Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. Ч. 1. С. 189.

В середине XX в. шёшкумы, по мнению А.И. Кузьминой, «оказались разбросаны по многим сёлам и теперь живут среди представителей других родоплеменных групп»¹. В прошлом, по её мнению, представители группы шёшкумов (и носители шёшкумского диалекта) населяли, следующие инородческие волости: Тогурско-Порубежную (юрты Езенгины, Конеровы, Островные, Испаевы), Нижне-Тогурскую (юрты Тяголовы, Иготкины), а также бывшую Пиковскую (юрты Иванкины и Кияровы)².

Таким образом, в работе 1974 г. А.И. Кузьминой был очерчен район бытования шёшкупского диалекта, и включены в него указанные юрты³.

Т.М. Филиппова, напротив, рассмотрела отличительные особенности тайзаковско-старосондорской группы верхнеобского говора и отнесла верхнеобской говор по основным признакам к сюсюкумским говорам. Она выделила характерные для этой группы фонетические процессы, показатели падежей, лексические заимствования⁴. Тем самым Т.М. Филиппова определяет населённые пункты Тайзаково, Старо-Сондорово и Ново-Сондорово пограничными между диалектами шёшкупов и сюсюкумов.

Томские лингвисты С.В. Глушков, А.В. Байдак и Н.П. Максимова включили в границы среднеобского диалекта говоры следующих населённых пунктов*: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондорово⁵.

С.В. Глушков отмечает, что регион, условно именуемый «Верхней Обью» на территории Томской области (Обь от Колпашево и выше), представляет собой весьма замысловатое смешение диалектов. Здесь в одном населённом

¹Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка: Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. Ч. 1. С. 189.

²Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка: Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. Ч. 1. С. 189.

³Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.4 – Территория, выделенная А.И. Кузьминой (1974 г.).

⁴Филиппова Т.М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондорская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 81.

*С.В. Глушков классифицировал диалекты селькупского языка с опорой на классификацию Т. Янурика (Janurik 1978. Pp. 77–104).

⁵Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 52. См.: Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.5 – Территория, выделенная С.В. Глушковым (2011 г.).

пункте (например, Старо-Сондорово, Колпашево, Тайзаково) в силу различных условий могли оказаться представители различных диалектов или говоров, а диалектная атрибуция населённого пункта подчас зависела от того, с представителем какого диалектного подразделения преимущественно работал тот или иной исследователь¹.

Анализируя этнографические публикации, можно выделить исследователей-этнографов, которые сделали попытку определить ареал расселения диалектно-локальной группы шёшкум: Г.И. Пелих, В.И. Васильев и Н.А. Тучкова.

Г.И. Пелих в публикации «Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края» (1955), ссылаясь на архивный материал, пишет о том, что в конце XIX – начале XX в. на территории Нарыма выявляется три большие группы селькупов: *чумуль-куп*, *сюсю-кум* и *шоеш-кум*. По словам автора только представители этих трёх групп были встречены ею во время поездок по Нарымскому краю в 1951–1953 гг. (по районам Оби, нижнего Васюгана, Тыма и Кети)².

Так же она пишет, что строго определённой территории селькупские племена: *чумулькуп*, *сюсю-кум* и *шоеш-кум* на грани XIX–XX вв. не имели, а были уже частично перемешаны друг с другом. Но все же ещё в конце XIX – начале XX вв. *чумуль-куп* жили в северном течении Оби (в пределах Нарымского края), по нижнему Васюгану и на Тыму; *сюсю-кум* (или *сюсю-гула*, как они себя большею частью называют) жили по Кети, Оби и, единицы, по Тыму; *шоеш-кум* – по Оби и Тыму³.

В публикациях «Кольцевая связь у селькупов Нарымского края» (1962) и «К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов» (1963) написанных в рамках выявления локальных подразделений нарымских селькупов Г.И. Пелих были выделены следующие племенные и родовые образования:

¹Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 53.

²Бауло А.В., Кулемзин В.М. и др. Перечень экспедиционных поездок Г.И. Пелих..., Томск, 2011. С. 66.

³Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края...Томск, 1955. Т. 14. С. 225.

*чумуль квыгрыл куп, чумуль нюроль куп, некое племя парабельских чумылькупов, сюсю теле-гум, сюсю шоеш-гум, сюсю тише-гум, племя кетских сюсюгумов*¹.

Г.И. Пелих жителей исследуемого микрорегиона относит к племени «сюсю теле-гум», которое, по её данным, проживало в низовьях р. Кети и в прилегающих к Тогурскому устью районах Оби. На этой территории размещалось три инородческие волости: Пиковская, Киргеевская и Нянжинская (на Кети)². Другое племя – «сюсю шоёш-гум» – по мнению Г.И. Пелих, проживало в бассейне реки Чай и в ближайших к ее устью районах Оби на территории Чаинской и 2-х Чурубаровских инородческих волостей³.

В публикации «Селькупы XVII в....» (1981) Г.И. Пелих территорию между копыловскими и тогурским устьями Кети на период XVII в. реконструирует заселённой не этногруппой «шёшкум», а этногруппой «сюсикум», входившей в племя «тегула», которые жили не компактно, а двумя территориально обособленными ареалами. Одна группа тегула (чугула) жила на берегах Оби между Нарымским (северным) устьем р. Кети и устьем р. Чай чересполосно с другими группами селькупов (чумылькупов и сюсюкумов). Более менее компактную группу они составляют на территории обского правобережья к югу от современного Тогура⁴.

Г.И. Пелих, на основе уже собранных и изученных ею источников, делает вывод о том, что, ко времени прихода русских, т.е. к XVII в., компактная группа *шиешгула* сохранилась лишь около юрт Сондоровых (Шондор-эт), т.е. на небольшом треугольнике земель обского левобережья, образуемом руслами р. Оби и впадающей в неё р. Чай. «Шиешкум – верховское название, сондоровское» – говорят нарымские селькупы⁵.

Из публикаций Г.И. Пелих неясно, считает ли она этноним шёшкум/шёшкуп и этноним шиешгула – одним и тем же этнонимом.

¹Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края..., М., 1962. Т. IV. С. 179–180; Она же. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов..., Томск, 1963. Т. 165. С. 138–139.

²Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края..., М., 1962. Т. IV. С.180.

³Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края..., М., 1962. Т. IV. С. 180.

⁴Пелих Г.И. Селькупы XVII века..., Новосибирск, 1981. С. 62–66.

⁵Пелих Г.И. Селькупы XVII века..., Новосибирск, 1981. С. 50.

Фонетически в форме шиешгула видна дифтонгизация, которой не было в диалекте шёшкумов.

Получается, что по данным, опубликованным Г.И. Пелих, в XVII в., этнолокальная группа шиешгула проживала в бассейне реки Чаи и в ближайших к её устью районах Оби на территории Чаинской и 2-х Чурубаровских инородческих волостей. Такой вывод был основан ею на записях от селькупов «среднего и старшего поколения», которые «указывали границы распространения своих племён и перечисляли фамилии соплеменников»¹.

Таким образом, Г.И. Пелих, на основе собранных сведений в экспедиционных поездках в 1951–1953 гг. к нарымским селькупам, сделала вывод, что в конце XIX–XX в. сюсю-кум (или сюсю-гула, «как они себя большею частью называют») жили по Кети, Оби и, единицы, по Тыму, а шоеш-кум – по Оби и Тыму.

Однако, при просмотре полевых материалов Г.И. Пелих², ни в её личных записях, ни в записях студентов – участников экспедиций мною не было выявлено сведений о том, что на территории Тайзаково, Старо-Сондорово, Ново-Сондорово, Тискино и Костенькино проживали носители этнонима шёшкупы или шиешгула. От всех информантов из данной местности зафиксирован только этноним сюсю-кум, тогда как информанты из д. Иванкино, Киярово называли себя шош-кум, и в полевых материалах Г.И. Пелих это упомянуто. Таким образом, в дневниках Г.И. Пелих не была найдена информация о самоназвании шиешгула, а вот самоназвание шош-кум или шёшкуп как этноним жителей Иванкино встречается. (Подробнее об этнонимах см.: 1.3.).

¹Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края...М., 1962. Т. IV. С.178; К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов...Томск, 1963. Т. 165. С. 137

²Материалы Г.И. Пелих хранятся в ТГУ, в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Мною были рассмотрены Материалы этнографической экспедиции 1961 г. Колпашевский, Александровский район, р. Обь, низовья Ваха // Архив МАЭС ТГУ. № 251. Тетрадь № 1–5.

Выражаю благодарность директору Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ им. В.М. Флоринского, Е.В. Барсукову за предоставленные материалы.

Такие исследователи, как А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина и др. лингвисты, а также антрополог А.В. Дрёмов ездили в экспедиции к селькупам в один отрезок времени с Г.И. Пелих (1950–1960-е гг.) и они неоднократно записывали этноним шёшкуп или шёшкum в районе именно этих юрт – Иванкино, Киярово. Можно констатировать, что Г.И. Пелих – единственный исследователь, которая приводила данные о расселении шёшкупов в бассейне реки Чаи и в ближайших к её устью районах Оби (но эти данные практически не имеют документального подтверждения) и не отметила эту группу в районе копыловского кетского устья.

Этнолог В.И. Васильев писал, что «жители большинства нарымских (обских) волостей говорили на чумылькупском диалекте селькупского языка. Исключение составляли селькупы Ларпинской, Пиковской и двух Тогурских волостей, говорившие на шёшкупском диалекте и принадлежавшие к этнотерриториальной группе шёшкum. Селькупы бассейна Кети принадлежали к этнотерриториальной группе сюзсыкум и говорили на сюзсыкумском диалекте»¹. Таким образом, В.И. Васильев в своём исследовании называет 4 инородческих волости, жители которых говорили, по его данным, на шёшкупском диалекте.

Если обратиться к данным А.Ф. Плотникова, то получается, что Ларпинская волость состояла из двух юртовых селений: Сагандуковых и Басмасовых, в Пиковскую инородческую волость входили юрты Иванкины и Кияровы, к Тогурско-Порубежной и Нижне-Тогурской принадлежали юрты Конеровы, Езенгины, Испаевы, Островные, Иготкины, Тяголовы².

Таким образом, в ареал распространения этнотерриториальной группы шёшкum, по мнению В.И. Васильева, которое он сформулировал на основе анализа метрических данных, и прежде всего фамильного состава жителей этих волостей, входят следующие юрты: Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы, Конеровы, Езенгины, Испаевы, Островные, Иготкины, Тяголовы.

---

¹Васильев В.И. Селькупы. Общие сведения // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 315.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 159.

Подводя итоги, можно констатировать, что из приведённых выше сведений о расселении данной локальной группы следует, что конкретного определения границ шёшкупского ареала никто из исследователей – лингвистов и этнографов – в своих работах не выявляет, они только указывают некие «опорные точки»:

- 1) К. Доннер к среднеобскому говору отнёс юрты Баранаковы, Иванкины и д. Колпашево.
- 2) А.П. Дульзон территорией распространения шёшкупского диалекта считал Басмасово, Иванкино, Мумышево и Тайзаково.
- 3) А.И. Кузьмина очертила территорию бытования шёшкупского диалекта в инородческих волостях: Тогурско-Порубежную (юрты Езенгины, Конеровы, Островные, Испаевы), Нижне-Тогурскую (юрты Тяголовы, Иготкины), а также бывшую Пиковскую (юрты Иванкины и Кияровы).
- 4) Т.М. Филиппова выявила населённые пункты Тайзаково, Старо-Сондорово и Ново-Сондорово пограничными между диалектами шёшкупов и сюсюкумов.
- 5) По данным С.В. Глушкова, А.В. Байдак и Н.П. Максимовой к территории среднеобского диалекта принадлежали населённые пункты: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондорово.
- 6) Г.И. Пелих относительно расселения диалектно-локальной группы шёшкупов меняла свою точку зрения. В более ранних исследованиях автор определяет территорию расселения *шош-кум* на период XIX – нач. XX вв. по Оби и Тыму. В более поздних работах, селькупов, проживающих в низовьях р. Кети и в прилегающих к Тогурскому кетскому устью районах Оби она отнесла к «племеню сюсю теле-гум».
- 7) В.И. Васильев к территории проживания этнотерриториальной группы шёшкуп отнес Ларпинскую, Пиковскую и две Тогурские инородческие волости (юрты Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы, Конеровы, Езенгины, Испаевы, Островные, Иготкины, Тяголовы).

8) Н.А. Тучкова определяла границы расселения диалектно-локальной группы шёшкупов по фамильному составу. Инородческими волостями, заселенными селькупками, относившимися к этногруппе шёшкуп, по мнению автора, была территория выше среднего устья Кети по р. Оби, на которой располагались Ларпинская, 3-й Парабельская, Пиковская, Тогурская (Нижняя и Верхняя).

Фактически из приведенных выше списков волостей и населенных пунктов, где был отмечен среднеобской (или шёшкупский) диалект, совпадающими у разных авторов являются: Пиковская, Тогурско-Порубежная, Нижне-Тогурская, Ларпинская волости.

Совпадающими являются следующие населённые пункты: Иванкино, Киярово, Езенгино, Конерово, Островные, Испаевы, Иготкино, Тяголово, Колпашево, Баранаково. Не совпадают: Сагандуково, Басмасово, Мумышево, Тайзаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондорово, Тогур, Инкино.

1.2. Место шёшкупского (среднеобского / иванкинского) диалекта в диалектных классификациях селькупского языка

Первая, действительно научная, классификация селькупских диалектов в Приобье была проведена М.А. Кастреном (1854)¹, где исследователем было выделено несколько наречий:

- 1) северное или нарымское, к нему принадлежит и тымское,
- 2) среднее, или кетское,
- 3) южное, обыкновенно называемое чулымским².

М.А. Кастрен изучал диалекты в городе Нарыме и в селах Тогуре и Молчанове, составляющих средоточия упомянутых наречий: Нарым – наречие северного, Тогур – среднего, а Молчаново – южного³.

¹Castren M.A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1854. S. 608.

²Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Т. 2. Тюмень, 1999. С. 102.

³Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Т. 2. Тюмень, 1999. С. 102.

Ю.А. Моревым была переведена работа М.А. Кастрена (1856)¹, в которой на основе различных лингвистических критериев (преимущественно, фонетических) исследователь считал возможным выделить следующие наречия:

- 1) Нижнее наречие (т.е. нижнеобское) от тобольской границы на севере до Кети на юге, распадающееся на три разновидности: тымское, верхне – и нижненарымское;
- 2) Среднее или кетское, которое с незначительными отклонениями встречается также на Чае, Парабели и на прилегающей к ним территории Оби;
- 3) Верхнее, которое представлено на Чулыме и Оби, причем между двумя этими ареалами существуют некоторые различия².

Если в путевых заметках финского исследователя мы видим лишь краткое упоминание о диалектах (наречиях) селькупского языка, то в его работе «Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849» (1856) даётся краткая характеристика трёх указанных наречий. В ней говорится о том, что нижнее наречие имеет много заимствований из остяцкого (хантыйского), а верхнее наречие испытало большое влияние со стороны татарского языка. Среднее наречие представлялось М.А. Кастрену самым чистым³.

Также Ю.А. Морев отметил М.А. Кастрена как первого из исследователей, который выявил также этнонимические подразделения селькупов, основываясь на самоназваниях. Так, им отмечены *чумылькумы* (ниже Нарыма), *шёшкумы* (выше Нарыма), *сюссекумы* (на Кети), *туйегумы* (на Чулыме)⁴.

Таким образом, шёшкумов и их диалект по приведённой М.А. Кастреном схеме и начиная с кастреновского времени (по умолчанию) относят к среднему наречию.

Другой финский исследователь-самоедолог – К. Доннер, после путешествия по селькупскому ареалу проживания в 1911–1913, 1914 гг., в

¹Castren M.A. Reiseberichte und Briefeaus den Jahren 1845–1849. St.-Pb.,1856. S. 127–168.

²Морев Ю.А. Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка... Томск, 1977. Вып. 4. С. 31.

³Морев Ю.А. Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка... 1977. С. 31.

⁴Морев Ю.А. Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка... 1977. С. 31.

публикации «У самоедов в Сибири» (2008)¹ предложил свою классификацию селькупского языка, выделив в нём 23 «остяко-самоедских» (селькупских) диалектов: 1) баишенский диалект (на р. Баиха); 2) карасинский диалект (на р. Карасина и р. Курейка); 3) кетский диалект (на р. Кеть); 4) среднекетский диалект (в среднем течении р. Кеть – п. Максимкин Яр, юрты Меташкины и Орлюковы); 5) верхнекетский диалект (в верховьях р. Кеть – от п. Марга до п. Маковское); 6) нижнекетский диалект (в низовьях р. Кеть – п. Мулешкина, Каткинская волость); 7) кудосейский диалект (у оз. Кудо); 8) нарымский диалект (в районе с. Нарым и в д. Тюхтерево); 9) среднеобской диалект (на средней Оби в районе д. Баранаково, с. Иванкино, г. Колпашево); 10) верхнеобский диалект (в верховьях Оби – п. Сондорово, с. Тайзаково); 11) нижнеобский диалект (в районе с. Нарым, с. Тибинак, д. Казальцево); 12) парабельский диалект (на р. Парабель); 13) тазовский диалект (на р. Таз); 14) среднетазовский диалект (в районе р. Каралька); 15) верхнетазовский диалект (в верховьях р. Таз, особенно на его притоках – р. Ратта и р. Елогуй); 16) нижнетазовский диалект (в низовьях р. Таз, в районе старой церкви); 17) чаинский диалект (на р. Чая и вблизи г. Колпашево); 18) чулымский диалект (на р. Чулым); 19) туруханский диалект (вблизи Туруханска); 20) тымский диалект (на р. Тым, особенно вблизи с. Колгуйак); 21) среднетымский диалект (в среднем течение р. Тым – вблизи с. Напас и п. Лымбель-Карамо); 22) ваховский диалект (в верховьях р. Вах и на его притоке р. Кулу-Йоган); 23) васюганский диалект (в низовьях р. Васюган и особенно в с. Наунак)².

Классификация К. Доннера основана, судя по наименованиям диалектов (говоров) и их ареальным маркерам, на географическом принципе с учетом лингвистических данных. Диалект, бытовавший на важной для нашего исследования территории – «на средней Оби в районе д. Баранаково, с. Иванкино, г. Колпашево» (см. пункт №9 в классификации К. Доннера) в данной классификации исследователь относит к среднеобскому диалекту.

¹Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. 176 с.

²Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Ч. 1. Томск, 1995. С. 18–19.

В 1930-е гг. к вопросу диалектного членения селькупского языка обращается Г.Н. Прокофьев (1935)¹. По словам самого автора, данная им классификация наречий и говоров селькупского языка является рабочей схемой². Он предложил классификацию, основанную как на языковых фактах, так и на самоназваниях отдельных территориальных групп, составляющих селькупскую народность.

Г.Н. Прокофьев выделяет три наречия и внутри каждого называет примыкающие к ним говоры: 1) тазовское наречие; 2) тымское наречие – а) говор верховьев р. Тым; б) говор низовьев р. Тым, распространённый также по р. Обь в пределах Каргасокского района и по р. Парабель; в) говор низовьев р. Васюган; 3) кетское наречие – а) говор верховьев р. Кеть (Максимояровский сельский совет, Маковский сельский совет); б) говор среднего течения р. Кеть (Широковский сельский совет), распространённый также по р. Обь в пределах Колпашевского района; в) говор небольшой группы селькупов, проживающей в самой южной части Колпашевского района (юрты Сондоровские)³.

Таким образом, в своей классификации Г.Н. Прокофьев обозначает только три диалекта (диалектных ареала) – тазовский, тымский и кетский. Шёшкупский диалект (или говор) исследователем не был выявлен, т.е. им ни каким образом не была отмечена специфика селькупского языка на пространстве между Нарымом и Колпашево.

Новая версия диалектной классификации селькупского языка была представлена А.П. Дульзоном (1971)⁴. Он писал, что селькупский язык представляет собой совокупность диалектов и говоров, объединенных общей структурной моделью языка, звуковые элементы которой составляют ряды закономерных соответствий⁵.

¹Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Л., 1935. 132 с.

²Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Ч. 1. Томск, 1995. С. 19.

³Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. С. 5, 7.

⁴Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen... VII / 1. Таллин, 1971. С. 35–43.

⁵Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen... VII / 1. Таллин, 1971. С. 35.

А.П. Дульзон, в отличие от К. Доннера, представил диалектное членение селькупского языка, основанное на «былых родоплеменных единицах» (т.е. с использованием самоназваний селькупов и, вероятно, подразумевая не только языковое, но и культурное единство внутри выделенных локусов).

Он выделил пять групп: 1) селькупы, проживающие на р. Таз и р. Енисей; 2) сюсюкумы, проживающие на р. Кеть (населённые пункты – Белояровка, Карелино, Лосиноборская, Лукьяново, Маковское, Максимкин Яр, Зубрековский, Усть-Озерное, Марково, Урлюково на р. Кеть, п.п. р. Обь; Старо-Сондорово, Ново-Сондорово на р. Обь, выше г. Колпашево); 3) чумылькупы (населённые пункты – Варгананджино, Ванджилыгинак, Кананак, Кулеево, Лымбель-Карамо, Напас, Ньюльядрово на р. Тым, п.п. р. Обь, Пыжино и Тебенак на р. Обь, ниже с. Нарым; Ласкино на р. Обь, выше с. Нарым; с. Парабель на р. Парабель, л.п. р. Обь; Усть-Чижапка и Чижапкана р. Чижапка, п.п. р. Васюган); 4) шёшкупы (шешкупы), проживающие на р. Обь, выше Нарым (населённые пункты – Басмасово, Иванкино, Мумышево, Тайзаково); 5) тюйкумы, проживающие на р. Чулым (в нижнем течении)¹.

А.П. Дульзон в своей классификации впервые выделил диалект шёшкупов и указал территорию его распространения.

Вслед за А.П. Дульзоном, А.И. Кузьмина в работе «Грамматика селькупского языка» (1974), написанной на основе собственных материалов по селькупскому языку, собранных ею в период 1961–1974 гг., в разделе «К вопросу о названиях и самоназваниях селькупов» выделяет 8 этнических групп внутри селькупов, среди которых она упоминает группу шö:шкуп шö:шкуй кум, шöшкуп, шöшкум, шöшүүп – в основном на левобережье (отчасти на правобережье) Оби ниже Колпашево (Иванкино, Тогур, Инкино и др.)².

Кроме того, она выделяет 22 говора селькупского языка. В своей исследовательской работе А.И. Кузьмина не даёт подробную классификацию

¹Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen... VII / 1. Таллин, 1971. С. 34–35.

²Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие. Новосибирск, 1974. С. 96.

упомянутых ею 22 говоров, но интересующий нас локальный лингвистический район она называет «тогурско-иванкинским говором» и относит его к более крупному языковому сообществу – среднеобскому диалекту селькупского языка¹. Из восьми перечисленных выше этнических групп А.И. Кузьмина принимает за основу именно территорию обитания 2-й группы – «левобережье (отчасти на правобережье) Оби ниже Колпашево (Иванкино, Тогур, Инкино и др.)» считает отправной точкой древних миграций селькупов².

Важным является то, что А.К. Кузьмина не только выделила диалект шёшкупов в своей классификации, но и на примере этого диалекта, считая его наиболее сохранившимся и не смешанным с другими диалектами, изучила его фонетический строй, и в своих работах представляла его как основу фонетического строя «всего» селькупского языка.

В 1970–1980-е гг. вопрос диалектного членения селькупского языка стал одной из самых актуальных тем всего селькуповедения данного периода. Для этого достаточно назвать такие имена исследователей как П. Хайду, Т. Янурик, Х. Катц, Ю.А. Морев, Е.А. Хелимский и др., которые посвятили данной теме свои публикации. Исходным материалом для их классификаций в основном являлись данные фонетики³.

Диалектическое членение селькупского языка, предпринятое Х. Катцем и опубликованное им в 1979 г., было сделано с учётом фонетических и морфологических признаков и строилось на селькупских текстовых материалах различных временных срезов; в рамках данной классификации им были выделены:

1. североселькупский диалект (говоры в районе р. Таз и р. Турухан);
2. среднеселькупский диалект (говоры в районе р. Тым, р. Кёнга, р. Парабель, д. Ласкино и с. Иванкино);
3. южноселькупский диалект – а) юго-западные говоры (ныне исчезнувшие говоры в районе р. Чая и р. Чулым, сондоровские говоры); б) кетские

¹Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка... 1974. С. 190.

²Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Новосибирск, 1974. С. 189.

³Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Ч. 1. Томск, 1995. С. 22.

(нижнекетские, среднекетские, верхнекетские); в) кетско-енисейский канал-говор¹.

Х. Катц в выделенной классификации диалектно-локальную группу шёшкупов р. Оби не выделяет, а населенный пункт Иванкино относит к среднеселькупскому диалекту, куда он относит говоры жителей р. Тыма, р. Кёнги, р. Парабели, и на Оби д. Ласкино. Эта позиция ярко контрастирует со всеми иными классификациями, так как никто, кроме Х. Катца, не объединял языковые данные из Ласкино и Иванкино.

Т. Янурик в 1985 г. предложил свою классификацию диалектов селькупского языка и выделил три диалектные группы: северноселькупскую, среднеселькупскую, южноселькупскую. В рамках выделенных диалектных групп им было установлено шесть диалектных областей: область Таза, область Енисея, область Тыма, область Нарыма, область Оби, область Кети. В пределах указанных языковых областей Т. Янурик выдвигает 12 диалектов: тазовский, ларьякский, туруханский, елогуйский, тымский, нарымский, васюганский, тогурский, колпашевский, Чая-диалект, кетский и маковский диалекты.

За основу данного диалектного членения селькупского языка им были взяты фонетико-фонологические соответствия, наблюдаемые в сфере селькупских диалектов². А. Кюннап в 1985 г. выступил в поддержку классификации селькупского языка, представленной Т. Януриком³.

Таким образом, в классификации Т. Янурика с диалектом шёшкупов можно соотнести тогурский диалект внутри среднеселькупской диалектной группы, но населённых пунктов этой диалектно-локальной группы исследователь не называет.

Е.А. Хелимский в публикации 1988 г. выделил шесть основных диалектов селькупского языка: 1) северный (на р. Таз, р. Пур, р. Карасина, р. Турухан, р. Баиха и р. Елогуй); 2) тымский; 3) нарымский (на р. Обь в районе с. Нарым,

¹Katz H. Selkupische Quellen // Studia Uralica. Band 2. Wien, 1979. Bd 2. С. 6–181.

²Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Ч. 1. Томск, 1995. С. 22.

³Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Ч. 1. Томск, 1995. С. 22.

п. Васюган, с. Парабель); 4) кетский; 5) обский (на р. Обь в районе г. Колпашево); 6) крайне-южный (чулымский, чаинский; ныне фактически исчез)¹.

Е.А. Хелимский отмечал, что наиболее сложным в классификационном отношении и заслуживающим специального внимания является участок селькупской языковой территории, включающей обские говоры между Нарымом и Колпашевом, наряду с говорами Нижней Кети². Так как Е.А. Хелимский полагал, что некоторые говоры на Оби между Нарымом и Колпашевом (нарымско-обские) и на Нижней Кети (кетско-обские) носят переходный (отчасти, возможно, смешанный) характер³, то именно так он и оценивал говор жителей в районе Иванкино как переходный или смешанный. Такого же мнения придерживалась и В.В. Быконя, согласно которому среднеобские говоры занимают особое положение в южном диалекте. Она писала, что «несмотря на территориальную близость к говорам сюсюкумов, в языковом отношении они тяготеют к говорам чумылькупов»⁴.

В 1995 г. свою версию классификации селькупских диалектов опубликовала томский лингвист Э.Г. Беккер. В монографии «Морфология селькупского языка» (1995) в разделе «Диалектное членение селькупского языка» она сделала обзор всех известных к середине 1990-х гг. диалектных классификаций селькупского языка и завершила его тем, что попыталась все выявленные южноселькупские говоры сгруппировать в свою авторскую схему диалектного членения селькупского языка.

Таким образом, она выделила:

1. тымский (язык тымских, васюганских и чижапских чумылькупов);
2. обский диалект (говоры) от Нарыма на севере до Колпашево на юге:
  - а) среднеобские говоры (язык чумылькупов), б) среднеобские говоры (язык шёшкупов), в) верхнеобские говоры (выше Колпашева) (язык сюсюкумов);

¹Хелимский. Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Тарту, 1988. С. 24–25.

²Хелимский. Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Тарту, 1988. С. 24–25; Хелимский. Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 80–81.

³Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Томск. 1995. Ч. 1. С. 23.

⁴Быконя В.В. Имя числительное в картине мире селькупов. Томск, 1998. 261 С. 6.

3. кетский диалект (по реке Кеть) (язык кетских сюсюкумов)¹.

Э.Г. Беккер считала, что среднеобские говоры чумылькупских селькупов обнаруживают при этом значительные общности с тымским диалектом, в то время как язык среднеобских шёшкупов обнаруживает черты, свойственные кетскому диалекту. Язык верхнеобских сюсюкумов, сближаясь по своим инновационным признакам с обским языковым ареалом, проявляет признаки, присущие кетскому диалекту².

Таким образом, язык жителей д. Иванкино Э.Г. Беккер, суммируя разные классификации (М.А. Кастрена, К. Доннера, Н.Г. Прокофьева, А.П. Дульзона, П. Хайду, Т. Янурика, Х. Катца, Ю.А. Морева, Е.А. Хилимского), отнесла к обскому диалекту, выделив его отдельным среднеобским говором (говором шёшкупов) внутри него.

Особо следует отметить исследования Я.К. Алатало (2004)³, который выпустил объемный сводный селькупский словарь, основанный на переработанной документации К. Доннера, У.Т. Сирелиуса и собственных языковых материалах автора. Во введении к словарю автор приводит свое видение диалектной классификации селькупского языка, где выделяет 6 диалектов: Tym-Dialekt, h-Dialekt, Ivankino-Dialekt, Ober-Ob-Dialekt, Ket-Dialekt, Tundra-Dialekt⁴.

Любопытно подчеркнуть, что в приведённой классификации Я.К. Алатало иванкинский диалект (№3) выделен автором как самостоятельный диалект в составе диалектного сообщества селькупского языка.

В 2011 г. томский лингвист С.В. Глушков представил свою классификацию селькупского языка, основанную на классификации Т. Янурика, дополненную некоторыми его авторскими уточнениями. Согласно его классификации, селькупский язык можно подразделять на три большие диалектные группы – северную, центральную и южную⁵, тем самым он, вслед за Г.Н. Прокофьевым,

¹Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Томск. 1995. Ч. 1. С. 23.

²Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Томск. 1995. Ч. 1. С. 23.

³Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuchaus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammenge stellt und herausgegeben von J. Alatalo // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. 465 S.

⁴Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuchaus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammenge stellt und herausgegeben von J. Alatalo... Helsinki, 2004. S. 20–23.

⁵Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.

Х. Катцем и Т. Януриком, позиционирует тернарную схему классификации селькупского языка. В составе Северной группы он выделяет 6 диалектов: 1) тазовский; 2) ларьякский; 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баихинский (баишенский); 6) елогуйский. Этнонимическое название данной части селькупов – селькупы.

В составе Центральной группы – 4 диалекта: 1) ваховский; 2) тымский; 3) васюганский; 4) нарымский. Этнонимическое название данной части селькупов – чумылькупы.

В составе Южной группы – 5 диалектов: 1) среднеобской – р. Обь (среднее течение Оби на территории Томской области), поселки и деревни: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондрово; 2) чаинский; 3) кетский; 4) верхнеобской; 5) чулымский. Этнонимическое название данной части селькупов – шёшкумы и шёшкупы, тюйкумы, сюзсыкумы.

Таким образом, по классификации С.В. Глушкова диалектно-локальная группа шёшкупов входит в состав Южной группы диалектов селькупского языка и относится к среднеобскому диалекту. Данный локус (по данным С.В. Глушкова) составили 15 населенных пунктов: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондрово.

Последней из опубликованных вариантов классификаций селькупского языка следует признать опыт другого томского лингвиста Г.П. Поздеевой (2013)¹, где автор подробно рассматривает все классификации селькупских наречий. В своей диссертационной работе Г.П. Поздеева (2013)² приводит результаты своего сравнительного исследования, где также рассматривает говор с. Иванкино и делает вывод о том, что полевые записи из с. Иванкино стоит рассматривать в отрыве от

---

¹Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. №1(8). М., 2013. С. 20–33.

²Поздеева Г.П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка (сравнительно-сопоставительный аспект). Автореф... канд. филол. дисс. М., 2013. 30 с.

материалов из с. Усть-Озерное, т.е. не относя иванкинский говор к южным диалектам, а считая промежуточным между южными и центральными.

Из данного краткого обзора диалектных классификаций селькупского языка видно, что говор жителей д. Иванкино (или иначе говоря, говор селькупов, проживающих на Оби «выше Нарыма», но «ниже Колпашево») в диалектных классификациях лингвистов-исследователей М.А. Кастрена и Г.Н. Прокофьева не был ими как-то особо отмечен, и они его никак не маркировали.

Лингвисты К. Доннер, Э.Г. Беккер, С.В. Глушков говор селькупов д. Иванкино относили к особому (среднеобскому) диалекту.

Х. Катц и Т. Янурик выделяют среднеселькупскую диалектную группу, в которую Х. Катц наравне с говорами Ласкино, Парабель, Тым включает и говор Иванкино. Янурик, напротив населенные пункты тогурского диалекта, к которому можно отнести и диалект шёшкупов, в своей работе не называет.

А.П. Дульзон отдельно выделяет диалект шёшкупов, а центром распространения его считает д. Иванкино, жители которой являлись основными носителями данного диалекта.

Е.А. Хелимский не выделял шёшкупский диалект, но полагал, что некоторые нарымско-обские и кетско-обские говоры носят переходный (отчасти, возможно, смешанный) характер. Эту территорию исследователь считал зоной контакта и смешения диалектных черт, но не выделял как зону особого диалекта.

А.И. Кузьмина, напротив, считала «шёшкупский» диалект особым диалектом, полагая, что когда-то он был в «чистом виде» и занимал территорию по р. Оби в селькупских селах в окрестностях г. Колпашево, а затем приобрел черты кетского.

Я.К. Алатало иванкинский диалект выделяет как самостоятельный диалект в селькупском языке.

Шёшкупский диалект и его специфические диалектные черты отмечали К. Доннер, Э.Г. Беккер, С.В. Глушков, А.П. Дульзон, А.И. Кузьмина и Я.К. Алатало. Не выделяли изучаемый диалект в своих исследованиях такие авторы как М.А. Кастрен, Г.Н. Прокофьев, Е.А. Хелимский, Х. Катц и Т. Янурик.

Опыт выявления и описания диалектных особенностей шёшкупского языка

Несмотря на многочисленные исследования языковой специфики локальных групп селькупов в целом, до настоящего времени остаются открытыми вопросы выявления и описания диалектных особенностей среднеобского диалекта. Лингвистом С.В. Ковылиным (2017)¹ была предпринята попытка выделить и описать специфику среднеобского диалекта / диалекта *шёшкумов / шёшкупов*.

Как уже отмечалось, д. Иванкино являлась центром проживания *шёшкупов*, где исследователями-лингвистами был собран значительный языковой материал. Иванкинский говор можно условно отнести к среднеобскому диалекту, как наиболее типичную его разновидность, составляющую центр расселения *шёшкупов*. В свою очередь, среднеобской диалект и диалект *шёшкумов / шёшкупов* могут быть с большими оговорками приравнены друг другу.

При выявлении и описании специфики диалекта шёшкупов С.В. Ковылин опирался на классификацию селькупских диалектов Т. Янурика, дополненную С.В. Глушковым, А.В. Байдак и Н.П. Максимовой². По ней селькупский язык делится на три диалектные группы: северную, центральную и южную³. Носителей среднеобского диалекта, выделенного по лингвистическим признакам, принято считать *шёшкумами / шёшкупами* (по этнонимическому принципу)⁴. Это обозначение является условным, так как ученые часто смешивают диалектно-локальную группу *шёшкуп / шёшкуп* по этнонимическим и лингвистическим признакам.

Чтобы определить особенности среднеобского говора С.В. Ковылин воспользовался классификацией Е.А. Хелимского, который предлагает выделять пять основных диалектов современных селькупских говоров: северный, тымский, нарымский, кетский и обской. Тымский и нарымский по

¹Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqur* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С. 19–33.

²Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.

³Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 49–54.

⁴Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Томск, 2013. С. 53–54.

ряду признаков объединяются в центральную группу, а кетский и обской – в южную. Подобная группировка допускает альтернативное решение вопросов о принадлежности селькупских говоров на Оби между Нарымом и Колпашевым (переходных между обским диалектом и нарымским диалектом) и на Нижней Кети (переходных между обским и кетским диалектами)¹. Е.А. Хелимским был предложен набор изоглосс, позволяющих разграничить северные, центральные и южные диалекты².

С.В. Ковылин особое внимание обратил на говоры, находящиеся в зоне контакта со среднеобским диалектом. В ходе анализа автором были использованы только те изоглоссы, которые позволяют отделить центральные диалекты от южных (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Изоглоссы, направленные на выявление признаков среднеобского диалекта селькупского языка путем его противопоставления южным и центральным (в частности, нарымскому и кетскому) диалектам селькупского языка (сост. С.В. Ковылин)

Особенности	Южные диалекты	Центральные диалекты
1) Для обширного класса основ и грамматических формантов с носовыми и смычными согласными установлено соответствие	- <i>m</i> , - <i>n</i> , - <i>ŋ</i> Об. – <i>nit</i> ‘бог’ Об. – <i>ton</i> ‘сто’ Об. – <i>kananŋ</i> ‘собака’	- <i>p</i> , - <i>t</i> , - <i>k</i> Н. – <i>nopp</i> ‘бог’ Н. – <i>tot</i> ‘сто’ Н. – <i>zanack</i> ‘собака’
2) Рефлексы интервокального * - <i>ŋ</i>	∅ Об. – <i>na</i> ‘нож’	- <i>γ</i> - (или - <i>w</i> -) Н. – <i>navy</i> ‘нож’
3) Переход * <i>ʃ^j</i> > <i>s</i>	<i>s</i> Об. – <i>sakъ</i> ‘соль’	<i>ʃ^j</i> Н. – <i>šakъ</i> ‘соль’
4) Отличительной чертой нарымского диалекта является развитие * <i>s</i> - > <i>h</i> -, <i>χ</i> - и * <i>ps</i> - > <i>f</i> -. На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением <i>h</i> -, <i>f</i> - вместо * <i>s</i> -, * <i>ps</i> - (записи М. А. Кастрена).	<i>s</i> Об. – <i>суромъ</i> ‘зверь’ Об. – <i>ансы</i> ‘пища’	(только нарымский) <i>h</i> Н. – <i>хурьпъ</i> ‘зверь’ Н. – <i>афы</i> ‘пища’

¹Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2004. С 68–69.

²Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка... М., 2004. С. 68–79.

Окончание Таблицы 1

5) В ряде слов самод. *j- отражен в южноселькупском не как t^j или $\check{c}^j$, а как k	k - Об. – <i>kunde</i> ‘лошадь’	$t^j, \check{c}^j$ Н. – <i>tschunde</i> ‘лошадь’
6) Отличительной особенностью кетского диалекта служит удлинение согласного, расположенного в начале слога и следующего за кратким гласным или сонантом	К. – <i>tippi</i> ‘муж’ Об. – <i>tybal</i> ‘муж’	Н. – <i>tibeb</i> ‘муж’
7) Сомнения вызывает использование в качестве диалектологического критерия соответствия для южных диалектов $-j$ и центральных $-l / l^j$. В обском диалекте чередование $-j$ и $-l / -l^j$ представлено по крайней мере на уровне морфонологии, в том числе на стыках слов	(адъективный суффикс) Об. – <i>tassui-utt</i> ‘холодная вода’	(адъективный суффикс) Н. – <i>nelgul</i> ‘женский’

В данной таблице можно увидеть основные шесть изоглосс, разграничивающих обский и нарымский диалекты, а также одну изоглоссу, отделяющую обский и кетский диалекты по классификации Е.А. Хелимского.

Также автором были перепроверены и проанализированы проблемные места, выделенные Г.П. Поздеевой (2013)¹, где выявлены отклонения от предложенных Е.А. Хелимским диалектно-дифференцирующих признаков (представленных выше) для обского диалекта. Перепроверенные данные и дополнительный анализ в рамках исследования иванкинского говора отразились в таблице «Иванкинский говор»². С.В. Ковылиным также была предпринята попытка поиска дополнительных лексем³, оканчивающихся в ауслауте на указанные согласные, так как набор лексем, предложенный Г.П. Поздеевой, является ограниченным.

В результате проведенного исследования было отмечено, что согласно первым двум рассмотренным диалектно-дифференцирующим признакам, иванкинский говор среднеобского диалекта селькупского языка демонстрирует изоглоссы, характерные как для центральных, так и для южных диалектов

¹Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. М., 2013. №1(8). С. 20–33.

²Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqur* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С. 22.

³-*м* vs -*п* Лексемы с показателем аккузатива могут заканчиваться как на -*м*, так и на -*п*; -*н* vs -*т* Лексема, обозначающая 2 л. ед.ч., в ряде случаев имеет -*т* в ауслауте – *там*; -*н* vs -*к* В рассмотренных текстах зафиксировано использование в ауслауте как -*н*

селькупского языка. А примеры на реализацию изоглосс по третьему признаку в доступных материалах не были зафиксированы. Чётко выделить лексические и морфологические особенности среднеобского говора, отличающие его от других диалектов на данный момент достаточно сложно, по мнению С.В. Ковылина.

На примере собранных топонимов¹ от информантов д. Иванкино, автором также был проведён фонологический анализ², который также подтвердил присутствие как центральных, так и южных признаков в среднеобском диалекте. Это, по мнению С.В. Ковылина, доказывает промежуточный статус обского диалекта. Тот факт, что ряд черт дает только центральную или только южную рефлексацию в топонимах, позволяет предположить, что промежуточный статус говора возник не в результате влияния соседних диалектов, а в момент разделения диалектов на южные и центральные, при этом специфическая картина изоглосс сохранилась именно в топонимах.

1.3. Границы шёшкупов по бытованию этнонима *šösqum* / *šösqur*

Как известно, у селькупов, проживающих в Приобье, исследователями были отмечены различные локальные этнонимы: Н. Спафарий, например, упомянул этноним *чугулы*³, А. Кастрен – *Tschumel-gop*, *Schosch-kom*, *Sysse-gom*⁴, Г.И. Пелих – *süsügula*, *igula*, *šiešgula*, *tægula*, *maškula*, *čumulgula*, *sel'gula*, *sorgula*, *pajgula*, *karal'gula*⁵. Сводку этнонимов, бытовавших в селькупском Приобье, см.: Тучкова, Максимова, Байдак (2005). Все упоминания этнонимов, зафиксированные исследователями, вынесены в таблицу «Этнонимы шёшкупов р. Оби»⁶.

¹Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

²Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqur* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С. 24–25.

³Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году... 1997. С. 242

⁴Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 87

⁵Пелих Г.И. Селькупы XVII века...Новосибирск, 1981. С. 10–11.

⁶Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.5 – Этнонимы шёшкупов р. Оби.

В результате поиска фиксаций этнонима *šöšqur* в полевых материалах различных исследователей-селькуповедов и в опубликованных работах лингвистов и этнографов было выявлено следующее: М.А. Кастрен определил территорию распространения группы *Schosch-kom* достаточно широко – «по Оби выше Нарыма»¹.

В полевых материалах А.П. Дульзона были также зафиксированы самоназвания от двух информантов: от Надежды Гавриловны Чаршиной (Иванкино) самоназвание было записано как *шöшкуп*, а от другой информантки – Клавдии Александровны Телесовой (Тайзаково) – как *шöшкум*².

Сравнив данные из Иванкино и Тайзаково, А.П. Дульзон отнес эти населенные пункты, несмотря на их отдаленность друг от друга, к единому диалектному ареалу. К шёшкупскому ареалу автор отнёс населённые пункты – Басмасово, Иванкино, Мумышево и Тайзаково на Оби³.

Однако следует подчеркнуть, что в материалах А.П. Дульзона не отмечено документальных свидетельств об использовании этнонима *шёшкуп* / *шёшкум* в каких-либо иных населенных пунктах, кроме Иванкино и Тайзаково. Достоверных свидетельств использования данного этнонима в Басмасово и Мумышево исследователи не имеют.

О двойном употреблении лексического компонента *-qur* / *-qut* со значением ‘человек’ в среднеобском диалекте писали многие исследователи⁴. Именно эта лексема наиболее часто используется лингвистами, чтобы продемонстрировать смешение грамматических показателей *-p* / *-t* (в ауслауте), обычно отграничивающих центральные и северные диалекты от южных, как специфическую особенность среднеобского диалекта⁵.

¹Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 87.

²Архив ЛЯНС ТГПУ. Т. 1. Дульзон А.П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Томск, 1952. С. 234–235; Каталог полевых записей языков народов Сибири. Томск, 1998. С. 109.

³Dulson A. Überdieräumliche Gliederungdes Sölkupischeninihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen...VII / 1. Таллин, 1971. С. 35. См.: Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.3 – Территория, выделенная А.П. Дульзоном (1970 гг.).

⁴Быконя В.В. К реконструкции системы селькупских этнонимов (по лексикографическим данным) // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2005. С. 23–25.

⁵Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка..., М., 2000. С. 70.

Следующая по хронологии фиксация этнонима *šöšqur* выявлена в тетрадях экспедиции Г.И. Пелих, датированных 1961 г. Там имеется запись, сделанная в Иванкино от Иткуповой Александры Степановны: этноним на селькупском языке был записан как *шошкуй няптэ*¹.

Сама информантка перевела это словосочетание как «грязнолицый шошкуп»², однако буквально оно значит ‘шёшкупская грязь’, ср. сельк. об. ш., вас. *няптя* ‘грязь, тина’³.

В полевых записях В.А. Дрёмова был неоднократно зафиксирован интересующий нас этноним на селькупском языке: от информантки Е.В. Сычиной он был записан как *шоёшкуп*; от Е.С. Сагандуковой (Сычиной) – *шоешула* в значении ‘наши’; по р. Пурьянге (юрты Езенгины) от М.Д. Колпашникова и М.Ф. Тобольжина – *шоёшкуп / шоёш*⁴.

А.И. Кузьмина записала этнонимы на селькупском языке с переводом на русский:

- 1) Е.В. Сычина (Иванкино) – *шöшшула малаң ејат* ‘селькупов мало’; *мат шöшшуп* ‘я селькуп’; *мананы пажат най шöшшуп* ‘моя жена – тоже селькуп’; *шöшшуй налгуп* ‘селькупская женщина’; *мат шöшшунд* ‘ты селькуп’; *мат шöшшуплак* ‘я селькуп’; *тап шöшшуп* <‘он селькуп’>; *ми вес шöшшуплаут* ‘мы все селькупы’;
- 2) Е.И. Игермаева – *шöшшуд’äre* ‘по-селькупски’;
- 3) М.С. Былина – *шöшшум* ‘селькуп’; *шöшшупла ми* ‘мы селькупы’;
- 4) У.Ф. Сычина – *шöшшуп* ‘остяк’; *шöшшуй куп* ‘остяк’; *мат шöшшупук* ‘я остяк’.

В «Грамматике селькупского языка» (1974 г.) А.И. Кузьмина приводит зафиксированные ею варианты этнонима: *шö:шкуп*, *шö:шкуй кум*, *шöшшуп*, *шöшшум*, *шöшшуп?куп* (т. е. как с долгим первым гласным, так и нет)⁵. Интересно

¹Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.5 – Этнонимы шёшкупов р. Оби.

²Архив МАЭС ТГУ 1961. №251. Г.И. Пелих «Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района. Тетрадь №1. С. 27.

³Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Словарь..., Томск, 1994. С. 56; Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь, 2005. С. 162.

⁴ПМ Дрёмова В.А. Томск, 1965. С. 67–97. Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

⁵Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Новосибирск, 1974. Часть I... С. 96.

отметить, что В.А. Дремов, не будучи лингвистом, слышал некую дифтонгизацию в произнесении этнонима информантами: он стабильно записывал *шоё / шое*, т.е. «раскладывал» первый гласный на два звука, записывая это с помощью кириллической графики, тогда как лингвист А.И. Кузьмина дифтонгизацию в произношении этнонима жителями Иванкино не отмечала, зато иногда фиксировала долготу первого гласного.

Таким образом, обобщая собранный фактический материал об этнониме *šöšqur*, можно сделать следующие выводы:

- 1) Достоверных и задокументированных записей-фиксаций немного – всего 14 единиц. Даже если учесть, что, возможно, не все источники выявлены, тем не менее бросается в глаза, что этот этноним записывался исследователями нечасто: лишь единожды (М.А. Кастреном) в XIX в. и ограниченное количество раз во второй половине XX в.
- 2) Данный этноним в качестве самоназвания приводили лишь жители следующих населенных пунктов: Иванкино и (единичная запись) Тайзаково; косвенные данные свидетельствуют о вероятном его использовании жителями Киярово, Езенгино, Иготкино и Тяголово.
- 3) Информанты, озвучившие его, принадлежат к следующим фамилиям: Сычины, Чаршины, Иткуповы, Тобольжины, Сагандуковы (Сычины), Игермаевы, Былины, Телесовы и Колпашниковы. Наибольшее количество фиксаций этнонима *шёшкуп* в качестве самоназвания отмечено у информантов из Иванкино с фамилией Сычины. Единичные примеры отнесения себя к шёшкупам мы имеем среди Тобольжиных, Былиных, Иткуповых и Чаршинных.

Можно отметить, что обычно исследователи рассматривают этимологию самоназвания *šöšqur / šöšqum* в совокупности с этимологией этнонима *сюссыкум*, считая, что *шёшкуп* является его диалектным вариантом. Кроме того, традиционно многие (вслед за М.А. Кастреном, Г.Н. Прокофьевым и др.) рассматривают данный этноним как соединение двух основ, где *šöš*- означает ‘лесной’, а *-qur / -qum* – ‘человек’. Данная интерпретация термина как ‘лесной

человек' или 'страны, земли человек' считается устоявшейся, именно ее озвучивают в публикациях общего характера – от учебников до энциклопедий¹.

Альтернативная версия (и критика данного этимологического подхода – «через две основы») изложена в публикации Е.А. Хелимского², который критикует точку зрения Г.Н. Прокофьева, трактовавшего самоназвания северных селькупов *šöl' qur*, *šöl' qum* как словосложение с буквальным значением 'таежный человек'. Е.А. Хелимский пишет также о том, что авторы множества селькуповедческих, самоедологических и уралистических монографий и статей повторяют трактовку данного самоназвания вслед за Г.Н. Прокофьевым³, что на сегодняшний день это воспринимается как прописная этимологическая истина.

По мнению Е.А. Хелимского, непосредственное сопоставление *šöl' qur* с представленным, в том числе у южных селькупов, самоназванием *šöšqur* (Иванкино и др.) является неправомерным, т.к. встречает фонетические трудности: «Если трактовка *šöl'* как адъективной формы к основе *šöt-* ещё допустима (хотя и в этом случае скорее следовало бы ожидать *šötäl'* или локативную адъективную форму *šötqäl'*), то в южных диалектах словообразовательная модель, которая позволила бы видеть в *šöšqur*, *sūssä qum* дериват от основы *šöt-*, *sūt-* или, вслед за М.А. Кастреном и одной из ранних работ П. Хайду, – от основы *sūä* 'глина' – неизвестна и непонятна»⁴. По его мнению, не случайно, что многие исследователи южноселькупского материала, цитируя данные самоназвания, либо не предлагают для них никакого перевода и никакой интерпретации (как, по-видимому, и сами южные селькупы), либо упоминают объяснения М.А. Кастрена и Г.Н. Прокофьева вне прямой связи с собственными полевыми данными.

¹Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Словарь... Томск, 1994. С. 3.

²Хелимский Е.А. Schöselgub у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола). Hamburg, 2005. С. 41–46.

³Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935. С. 3, 10–11.

⁴Хелимский Е.А. Schöselgub у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов. Hamburg, 2005. С. 41–42.

Сам Е.А. Хелимский призывал рассматривать весь набор этнонимов: *šöšqur*, *sūssə qum* и *šöl' qur*, – учитывая и ту форму, которую зафиксировал в 1740-х гг. Г.Ф. Миллер у северных селькупов, – *Schöselgub*. Вполне очевидно, считал Е.А. Хелимский, что «приведенная Миллером форма очень близка южноселькупским *šöšqur*, *sūssə qum*, отличаясь от них лишь деталями (присутствием адъективного суффикса и, возможно, качеством второго сибиланта)»¹. Таким образом, не приводя конкретную этимологию, Е.А. Хелимский даёт направление для поиска последующим исследователям.

В результате анализа имеющегося лингвистического и этнографического полевого материала, связанного с этнонимом *šöšqur*, можно сделать следующие выводы:

- 1) Ареал распространения этнонима *šöšqur*, записанного от информантов-селькупов, и ареал распространения среднеобского диалекта, выделенный исследователями-лингвистами, не совпадают. Этноним *šöšqur* был записан на очень малой части этой территории – в населённых пунктах (юртах) Иванкиных, Кияровых, Езенгиных и Тайзаковых². Все они, кроме юрт Тайзаковых, расположены по Оби ниже Колпашева, тогда как Тайзаково – по Оби не просто выше Колпашева, но и выше юрт Сондоровых.
- 2) В Приобье между населёнными пунктами Колпашево и Тайзаково существовал целый ряд селькупских поселений – юрты Конеровы, Островные, Баранакоты, Тискины и Ново-Сондоровы³. В этих населённых пунктах исследователи никогда не записывали никаких этнонимов, и у нас совсем нет данных относительно этнонимии данной территории. Этноним *šöšqur* экстраполируется на этот ареал гипотетически, и исследователи относят этот участок Оби к шёшкупскому (среднеобскому) или сюссыкумскому (верхнеобскому) ареалу, фактически не имея никаких достоверных данных.

¹Хелимский Е.А. *Schöselgub* у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов. Hamburg, 2005. С. 42.

²Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.6 – Территория с населёнными пунктами, где был записан этноним *šöšqur*.

³Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.6 – Территория с населёнными пунктами, где был записан этноним *šöšqur*.

Очевидно, этот участок является зоной контакта, но пока остается невыясненным, какой из компонентов там преобладал.

Однако возможно, что в этих юртах (поселках) исследователи также находили информантов, в чьей речи были черты, характерные для говора иванкинцев. Отсюда следует, что гораздо корректней были бы данные о распространении, как этнонима, так и диалектной специфики, если бы исследователи очерчивали ареал не по населённым пунктам, а по фамилиям носителей этнонима и носителям языковых особенностей.

1.4. Границы шёшкупов по фамильному составу и родственным связям

Первые сведения о происхождении селькупских фамилий, произошедших от имен князьцов, правивших на исследуемой территории, были изложены в историко-статистическом очерке А.Ф. Плотникова.

Чтобы разобраться с фамильным составом, сложившимся к XIX в. на исследуемой территории Приобья, необходимо рассмотреть списки фамилий, выявленные на территории тех инородческих волостей, которые находятся в данном географическом пространстве, а именно – на территории Пиковской, Тогурско-Порубежной, Нижне-Тогурской, Ларпинской, 3-ей Отдельной Парабельской, 3-ей Парабельской волостей.

Впервые работа по выявлению фамильного состава инородческого населения Нарымского края была проведена А.Ф. Плотниковым; результаты опубликованы в его книге «Нарымский край» (1901) в главе «Историко-статистическое описание инородческих волостей».

Следует подчеркнуть, что данный автор не выделял в своём исследовании диалектно-локальных групп селькупов и, тем более, у него не было цели выявления их фамильного состава, но его историко-статистические материалы являются первым сборником данных, где были, не просто перечислены селькупские фамилии, но главное – они были соотнесены с селькупскими населёнными пунктами.

«От местных старожилов» исследователем были зафиксированы следующие инородческие родовые фамилии, закреплённые за определённой территорией:

Пиковская волость. В юртах Иванкиных А.Ф. Плотниковым была записана как основная фамилия Сычиных, принятая после крещения князьцом Сидза Иванка и его семьёй. Из несуществующих к концу XIX в. (Плотников собирал материал в 1890-е гг.) фамилий инородцев юрт Иванкиных автор отметил: Фажаркиных, Тулпаевых, Емелькиных, Кармашкиных, Идиных, Айниных, Елетаевых, Саяковых, Ненгалиных, Чинзаровых.

В юртах Кияровых А.Ф.Плотников упомянул инородческие родовые фамилии, которые перестали существовать: Изучкиных, Чаршиных, Догордаевых¹.

Тогурско-Порубежная волость. В юртах Конеры (Конеровых) исследователь зафиксировал фамилию Иткумовых, которая исходит от князья Итку, «оказавшего особое влияние на крещение жителей этой волости»².

Нижне-Тогурская волость. В Нижне-Тогурской волости А.Ф. Плотниковым была названа только одна фамилия в юртах Тяголовых: он отметил фамилию «Тобульдзин» (Тобольжин). Автор дал ей перевод «добыл-честь» и привёл следующую легенду о ней: «во время покорения русскими края один из бывших тогда главных лиц из среды инородцев, по имени Бигодя (которому русские присвоили родовое звание князья за то, что он встретил завоевателей с честью и с большими поларками), взамен фамилии своей получил название фамилии «Тобульдзинь», что значит «добыл-честь»³.

Однако следует отметить, что ни с селькупского, ни с кетского, ни с чулымско-тюркского или томско-татарского она так не переводится/не этимологизируется. Также следует отметить, что в XIX в. существовали юрты Тобольжины на Оби ниже устья Тыма, а фамилия Тобольжин (Тоболдин), кроме юрт Тяголовых, отмечена также была в Пырчиной волости, располагавшейся по Оби ниже ю. Мурасовых. Возможно, рассмотреть фамилию Тобольжин, связав её с гидронимом Тобол (р. Тобол течёт по лв. берегу р. Иртыш). Относительно такой увязки у исследователей также нет единого мнения.

В юртах Иготкиных автор не называет фамилий, а лишь упоминает, что многих фамилий не существует, так как «они все вымерли»⁴.

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 152–153.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 148.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 148.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149–150.

3-я Отдельная Парабельская волость. К 3-ей Отдельной Парабельской волости относятся фамилии правивших волостью князцов: Балбахтин, Непсогин, Пурадин и Менголин¹.

В *3-ей Парабельской* и *Ларпинской* волостях фамилии проживающих там селькупов не были им отмечены. Однако в Ларпинской волости указаны вымершие фамилии – Сегалиных, Тегировых, Неугиных, Титколевых².

Итак, по данным А.Ф. Плотникова из зафиксированных им фамилий на выделенной для исследования территории отмечены следующие: Сычины, Иткумовы, Тобольжины. Из соседних юрт зафиксированных фамилий немного: Балбахтин, Непсогин, Пурадин и Менголин. «Вымершими» к концу XIX в. он называет – Фажаркиных, Тулпаевых, Емелькиных, Кармашкиных, Идиных, Айниных, Елетаевых, Саяковых, Изучкиных, Чаршиных, Догордаевых, Ненгалиных, Чинзаровых Сегалиных, Тегировых, Неугиных, Титколевых.

Некоторые из этих фамилий как, например, Айнины/Айкины, Саяковы/Сайковы или Кармашкины встречались позднее в других местах расселения селькупов.

Г.И. Пелих в статье «Кольцевая связь у селькупов Нарымского края» (1962) пишет о «родственных объединениях фамилий», существовавших в Нарымском крае и сохранившихся лишь в немногих районах края. В качестве примера таких «родственных объединений фамилий» Г.И. Пелих в своей работе упоминает пос. Иванкино на Оби, который являлся центром, объединяющим Иванкиных, Чаршиных и Кияровых³.

Более подробное представление о семейном составе шёшкупов даёт Н.А. Тучкова. В её статье «Шёшкупы реки Оби» (2000)⁴ этому вопросу уделено было специальное внимание. Автор добавляет к фамилиям, упомянутым в историко-статистическом очерке А.Ф. Плотникова, фамилии, выявленные ею в метрических книгах Инкинской Троицкой церкви за 1870–1872, 1874–1879 гг.,

---

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 159.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 159–160.

³Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края..., М., 1962. Т. IV. С. 193–194.

⁴Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 162–186.

Тогурской Воскресенской церкви за 1870–1873 гг., Пророко-Ильинской церкви с. Новоильинского за 1900–1904 гг., Троицкой церкви с. Кетского (Мохово)¹.

Прежде всего, Н.А. Тучкова выделяет территорию выше среднего устья Кети по р. Оби, на которой располагались Ларпинская, 3-й Парабельская, Пиковская, Тогурская (Нижней и Верхней) инородческие волости, как территорию, заселенную селькупам, относившимися к этногруппе шёшкуп².

По данным Н.А. Тучковой, в юртах Басмасовых *Ларпинской инородческой волости* жили остяки Чембылеевы, Щекины, Колбины, в юртах Сагандуковых – остяки Сагандуковы и Солмины.

В *3-й Парабельской инородческой волости* были два поселения: юрты Инкины и юрты Ромашкины. Жителями юрт Инкиных в 1870-е гг. были остяки Игырмаевы/Игырмашевы/Игырмековы, Пландеуровы/Пеадеуровы, Пиадеуровы, Кынжеевы/ Киндеевы/Кынтеевы/ Кильдеевы, Непдыгины (написание данных фамилий в метрических книгах постоянно варьирует), а так же Коченгины, Малгетовы, Лозыгины, Кадины.

В юртах Ромашкиных – жители Непдогины / Непсогины / Непдыгины / Нендыгины. В юртах Зайкиных/Сайкиных, которые административно входили в *3-ю Отдельную Парабельскую волость*, проживали жители: Непсогины, Пурадины/Пураскины³.

В юртах Кияровых основная фамилия – Кияровы. Во второй половине XIX в. в этом посёлке обитали также Иткумовы, Ижучкины, Чаршины. В конце 1930-х годов люди покинули данный посёлок. Большинство переехало в Иванкино.

К Нижне-Тогурской инородческой волости относились два населённых пункта: юрты Иготкины и Тяголовы. Коренная фамилия юрт Иготкиных – Иготкины. Кроме Иготкиных здесь также жили Тобольжины, Елеевы/Илеевы, Мыдины, Киргеевы⁴. Коренной фамилией и практически единственной в посёлке Тяголово вплоть до конца XIX в. была фамилия Тобольжиных/Тоболдиных.

¹ Позже эти данные вошли в монографию Н.А. Тучковой «Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп» (2014).

² Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 141–142.

³ Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 142–143.

⁴ Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 143–144.

В Верхне-Тогурской или Тогурско-Порубежной инородческой волости располагались юрты Конеровы/Конеры, где коренной и фактически единственной до 1870-х годов была фамилия – Иткумовы/Иткуловы.

В юртах Езынгиных/Езенгины/Езангины основными селькупскими фамилиями в посёлке были Езынгины/Езенгуловы, Петковы, Шагины.

В юртах Испаевых селькупскими фамилиями были: Ермолины, Широковы, Мазотовы, Нейчагины. Жителями юрт Островных – остяки Айкины, Сапкараковы/Санкараковы, Нейчагины, Ермолины, Широковы¹.

Выделенные А.П. Дульзоном как шёшкупские, юрты Тайзаковы, входили в состав *Мало–Чурубаровской (Тискинской) инородческой волости*. Жителями юрт Тайзаковых были остяки Тайзаковы, Чегаткины, Телесовы, Талаевы, Мандраковы².

Таким образом, если придерживаться, границ выделенных Н.А. Тучковой, то в состав этногруппы шёшкупов входили следующие селькупские фамилии: Айкины, Езынгины, Елеевы, Ермолины, Иванкины, Игырмаевы, Иготкины, Ижучкины, Иткумовы, Кадины, Кияровы, Киргеевы, Кынжеевы, Колбины, Коченгины, Лозыгины, Мазотовы, Мандраковы, Малгетовы, Мыдины, Нейчагины, Непдыгины Непдогины, Непсогины, Петковы, Пландеуровы, Пурадины, Самсоновы, Сапкараковы, Сагандуковы, Солмины, Сычины, Талаевы, Тайзаковы, Телесовы, Тобольжины, Чаршины, Чембылеевы, Чегаткины, Шагины, Широковы, Щекины.

Важным источником в изучении фамильного состава и выявлении родственных связей между селькупами соседних юрт изучаемой территории, являются метрические и похозяйственные книги.

По данным «Справочных книг по Томской епархии» за 1902–1903 гг., к приходу церкви Живоначальной Троицы в с. Инкино относились: Кетская волость: с. Инкино, юрты: Иванкины, Кияровы, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Инкины³.

¹Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 144–145.

²Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 147.

³Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 г. Томск, 1903. С. 159.

По данным 1909–1910 гг. в состав прихода этой церкви входили: с. Инкинское, дер.: Мысовая и Попова заимка, юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы¹.

В 1914 г. в состав её прихода входили: с. Инкинское, д. Мысовая и Попова заимка и юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы, пос. Бахинский, Пиковский, Копыловский².

Из вышеприведённого источника видно, что в составе прихода были как русские поселения, так и инородческие юрты, входившие в разные волости. Так, к одному церковному приходу относились инородческие юрты Ларпинской (Сагандуковы, Басмасовы), 3-я Парабельской (Инкины), 3-я Отдельной Парабельской (Зайкины), Пиковской (Иванкины, Кияровы) волостей. Все жители этих инородческих юрт воспринимали друг друга как близких по составу жителей между населёнными пунктами – «единым кустом».

Жители Иванкино и Киярово тесно контактировали с соседями из Иготкино, Тяголово, Езенгино, Конерово, Зайкино, Инкино, Ласкино, Мумышево, Басмасово, Сагандуково, Тайзаково, Костенькино (хотя Ласкино, Мумышево и Костенькино не относятся к Инкинскому приходу).

Об этом свидетельствуют записи из метрических книг о заключении браков между соседними юртами, выступление в качестве свидетелей при вступлении остяков в браки и приемников при крещении в церкви остяцких детей³.

Так, например представители фамилии Сычиных, традиционным местом проживания которых были юрты Иванкины. На основе такого исторического источника, как метрические книги Инкинской церкви за 1870–1919 гг., было установлено, что в XIX в. население с фамилией Сычины действительно локализовалось в юртах Иванкиных (с. Иванкино) и почти не встречалось в других населённых пунктах прихода. Выявленные родственные связи между

---

¹Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 г. Томск, 1911. С. 219.

²Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 161.

³Муниципальное казённое учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1.: Метрическая книга о рождении, браке и смерти Инкинской церкви (с. Инкино) Кетской волости Томского уезда 1870–1872, 1874–1979, 1880–1989, 1890–1899, 1904–1910 1915–1919 гг.

представителями этой фамилии позволяют объединить их в одну большую семью и построить родословную на период с 1870–1919 гг.

На основе собранного нами по метрическим книгам материала о семье Сычиных установлено следующее: в населенном пункте Иванкино в 1870-е гг. представителей с фамилией Сычины было зафиксировано 29 семей, в 1880-е гг. – 14 семей, в 1890-е гг. – 8 семей, с 1910–1919 гг. было записано 12 семей¹.

Часто в метрических книгах можно встретить сведения о браках с однофамильцами: Георгий Алексеевич Сычин (1852 г.р.) вступает в брак с Анной Дмитриевной Сычиной (1855 г.р.), Кирилл Георгиевич Сычин – с Марией Семеновной Сычиной, Михаил Сычин – с Ириной Филипповной Сычиной. Этот факт говорит о том, что не все Сычины являлись друг другу близкими родственниками или родственниками вообще (точнее, они себя родственниками не воспринимали). Кроме того, нередко встречаются записи о повторных браках, а также о незаконнорожденных детях.

В приведенных схемах 1–4 «Родословная Сычиных», мы видим, что мужчины, представители фамилии Сычиных, роднились с представительницами следующих селькупских фамилий: Ипоковы, Нендогины, Самсоновы, Кайдаловы, Кияровы, Чаршины, Сагандуковы, Тобольжины.

Фамильный состав иванкинцев на период середины XX – начала XXI вв. был выявлен с помощью похозяйственных книг. На основе похозяйственных книг за 1949–2012 гг. в населённом пункте Иванкино был собран и установлен следующий фамильный состав: Алексеенко, Анисимовы, Былины, Волковы, Джурмий, Езангины, Иванкины, Игермаевы, Иготкины, Ижучкины, Истеевы, Иткуповы, Иткумовы, Кайдаловы, Качины, Кияровы, Киргеевы, Кыготкины, Колмаковы, Костаревы, Лендогины, Луговские, Любченко, Морозовы, Мурзины, Наумовы, Невсогины, Николаевы, Поздняковы, Пшеничниковы, Сагандуковы, Сагеевы, Самсоновы, Сафроновы, Сычины, Скирневские, Стержановы,

---

¹Приложение В. Рисунки. Рисунок В.1, В.2, В.3, В.4 – Родословная Сычиных.

Тайзаковы, Телисовы, Терентьевы, Тобольжины, Тузаковы, Уразовы, Чаршины, Чедигезовы, Чужины¹.

В список были включены только те лица, у которых в графе «национальность» было указано «остяк» или «остячка», а с 1958 г. – «селькуп» или «селькупка». При этом мы видим, что в составе «остяков» или «селькупов» появляется целый пласт русских фамилий: Былины, Волковы, Луговские, Морозовы, Наумовы, Сафроновы, Скирневские, Терентьевы и др.

Все эти фамилии (часть из которых, как, например, Луговские или Костаревы, – известные в Нарымском крае русско-старожильческие семьи) были получены селькупами через браки с русским населением.

Приведённый список фамилий с 1949–2012 гг. говорит о том, что на территории шёшкупов р. Оби проживали не только представители Иванкино, Киярово, Чаршино (Пиковская волость), но и Тяголово, Иготкино (Нижне-Тогурская волость), Езангино, Конерово (Тогурско-Порубежная), Инкины, Зайкины (3-я Парабельская и 3-я Отдельно-Парабельская), Баранаково, ю. Пундогиных, ю. Касогосовы (Больше-Чурубаровская волость), Тайзаково, Костенькины, Пагины (Мало-Чурубаровская волость).

В полевых материалах 1950–1960-х гг. таких исследователей, как А.П. Дульзон, В.А. Дремов и А.И. Кузьмина информанты, озвучившие этноним *шёшкуп*, принадлежали к следующим фамилиям: Былины, Игермаевы, Иткуповы, Колпашниковы, Сагандуковы (Сычины), Сычины, Телесовы, Тобольжины, Чаршины. Наибольшее количество фиксаций этнонима *шёшкуп* в качестве самоназвания отмечено у информантов из Иванкино с фамилией Сычины. Единичные примеры отнесения себя к шёшкупам мы имеем среди Былиных, Иткуповых, Тобольжиных и Чаршинных.

¹Муниципальное казённое учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1: Метрическая книга о рождении, браке и смерти Инкинской церкви (с. Инкино) Кетской волости Томского уезда 1870–1872, 1874–1979, 1880–1889, 1890–1899, 1904–1910 1915–1919 гг.; Ф. 39. Оп. 1. Д. 3. Похозяйственные книги 1949–1951, 1952–1954, 1955–1957, 1058–1960, 1961–1963, 1964–1966, 1967–1970, 1971–1975, 1976–1079, 1980–1981; Похозяйственные книги 2008: 1–32; 2012: 1–138.

Там же имеются сведения о месте рождения некоторых вышеупомянутых информантов, от которых задокументированы факты произнесения ими этнонима *шёшкуп* или *шёшкum*. Так, например, некоторые информанты, проживающие в Иванкино во время бесед с исследователями, на самом деле являлись уроженцами соседних деревень: Телесова Клавдия Александровна была родом из Тайзаково, Сычина Елизавета Варламовна (1923 г.р.) – из Киярово, Былина Маремьяна Степановна (1898 г.р.) – из Тяголово (25 км от Иванкино), Сагандукова (Сычина) Екатерина Степановна – из Езенгино, Тобольжина Мария Федоровна (1915 г.р.) – из Иготкино.

Если принять во внимание тот факт, что этничность закладывается в раннем детстве и её важным маркером является этноним, то можно с большой долей вероятности предположить, что в этих населённых пунктах – Тайзаково, Киярово, Тяголово, Езенгино, Иготкино – также использовался этноним *шёшкуп* или *шёшкum* в качестве самоназвания.

По словам уроженки Иванкино Т.К. Кудряшовой «с посёлками Киярово и Тяголово, которые стояли по левому берегу Оби вниз по течению, иванкинцев связывали родственные узы. Туда выходили замуж или брали там жён. Брачные связи поддерживались и с жителями правобережных юрт Зайкиных, Сагандуковых, Басмасовых, Ромашкиных. Жену брали из другого рода (фамилии): если из своего, то родство должно было быть выше седьмого колена. Иногда ещё до рождения мальчика или девочки род уже решал их судьбу. Даже разница в возрасте, по сообщению К.Т. Езангина, Л.С. Сычина, роли не играла. Разводов практически не было. Второй раз вступали в брак только при вдовстве. В начале XX в. более свободны стали в выборе невест и женихов»¹.

Если придерживаться территории расселения этногруппы *шёшкуп* по фамильному составу, приведённому всеми вышеперечисленными авторами, то в него входят следующие населённые пункты: ю. Басмасовы (Ларпинская волость), ю. Инкины и ю. Ромашкины (3-й Парабельская волость), ю. Зайкиным

---

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое... , Томск, 2000. С. 192–193.

(3-я Отдельная Парабельская волость), ю. Иванкины, ю. Кияровы и ю. Чаршины (Пиковская волость), ю. Иготкины и ю. Тяголовы (Нижнее-Тогурская волость), ю. Конеровы, ю. Езынгины, ю. Испаевы, ю. Островные (Верхнее-Тогурская или Тогурско-Порубежная волость), ю. Баранакоты, ю. Пундогины, ю. Касоготы (Больше-Чурубатовская волость), ю. Тайзакоты, ю. Костенькины, ю. Пагины (Мало-Чурубатовская (Тискинская) инородческая волость).

Список приведенных фамилий и информантов с самоимением шёшкуп подтверждает, что границы расселения по фамильному составу совпадают с границами, приведенными по материалам полевых этнографических материалов (см.: раздел 1.5. О границах шёшкупов по данным полевых этнографических материалов).

А именно, посёлки Иванкино, Киярово и Чаршино (входившие в XIX в. Пиковскую волость) являлись центром сосредоточения этнолокальной группы шёшкупов¹. А приведенный список фамилий за 1949–2012 гг. показывает, что д. Иванкино во второй половине XX в. стало центром, куда стекалось селькупское население с соседних деревень.

Итак, из всех приведенных выше источников XIX–XX вв. и исследований, таких авторов как, А.Ф. Плотников, Г.И. Пелих, А.П. Дульзон, В.А. Дрёмов, А.И. Кузьмина, Н.А. Тучкова, можно выделить следующий фамильный состав населения, проживавшего на территории исследуемой части Приобья и соотносимого с расселением диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби: Айкины, Езынгины, Елеевы, Иванкины, Игырмаевы, Иготкины, Ижучкины, Иткумовы, Иткуповы, Истеевы, Кадины, Качины, Лендогины, Кыготкины, Киргеевы, Кияровы, Кынжеевы, Колбины, Коченгины, Лозыгины, Малгетоты, Мандраковоты, Мазототы, Мыдины, Мурзины, Наумоты, Нейчагины, Непдогины, Непдыгины, Пландеуроты, Пурадины, Сагандукоты, Сагеевы, Самсоноты, Сапкараковоты, Сычины, Солмины, Тобольжины, Тайзакоты, Чегаткины, Телесоты, Талаевоты, Чаршины, Чедигезова, Чембылеевы, Чужины, Щекины.

¹Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.8 – Определение границ расселения шёшкупов по полевым этнографическим материалам.

1.5. Границы шёшкупов по данным полевых этнографических материалов

Чтобы более детально разобраться в вопросе территориальных границ распространения диалектно-локальной группы «шёшкуп» (так как исследователи в своих работах определяют их по-разному), мы обратимся к воспоминаниям жителей. В полевых записях таких данных немного, но всё же они есть.

В полевых дневниках экспедиции Г.И. Пелих есть этнографические данные, записанные от информантов из Иванкино, Сондорово, Колпашево. Сюда входят сведения о местном самоназвании (эндоэтнониме) и данные о том, как они называют своих соседей, а также о том, кого они считают «своими», а кого нет (самоидентификация).

Материалы такого характера были записаны от следующих информантов: Иткуповой Александры Степановны (Иванкино), Ипоковой Матрёны Фёдоровны (Сондорово), Кати Кияровой (Колпашево), Матрёны Дмитриевны и Надежды Гавриловны Кияровых (Иванкино), Тобольжина Романа Михайловича (Иванкино), Тобольжиной Валентины Романовны (Иванкино).

От Иткуповой Александры Степановны была записана информация, что жители Иготкино и Зайкино – «уже разные». «Мы (Иванкино) – *квая*, Невальцево – *тювык*, Иготкино – *тёгур*, Зайкино – *квэнигул*». Все кто говорит на нашем наречии – *шёшкула*, верховские – *сюсюгула*, внизу – *чумыль*». Александра Степановна вспоминает: «Когда вышла замуж, не понимала свёкра, не могла найти ведро. Разница языка Иванкино есть даже с [говором] Иготкино и Зайцево». О существовании разницы языка Иванкино и соседней деревни Зайкино подтверждает и запись от Кати Кияровой: «В Зайцево [Зайкино] другой язык»¹.

От информантки Ипоковой Матрёны Фёдоровны (Сондорово) было записано, что «*сюсюгум* – имя местного остяка. Низовские остяки называли

¹Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 1, 2. С. 4, 7, 25.

себя *тюльльгум*. Рядом с Сондорово есть д. Тайзаково, где проживают Телесовы, Иготкины, Тайзаковы»¹.

Более подробная информация о разграничениях земли на исследуемом участке Приобья была записана от Матрёны Дмитриевны и Надежды Гавриловны Кияровых. В записи говорилось, что на Иванкинской земле стояли заимка Тибинок; Иготкино было своим местом, река Чаршинка протекала на границе между Инкиной [землём] и Кияровой. Раньше была ещё и Чаршина земля. Юрты Иготкины и Тяголовы были вместе [на одной земле]. Юрты Зайкины объединялись с юртами Инкиными. Ярмарка проводилась в Парабели»².

Промысловые районы тоже играли большую роль в определении границ между соседними деревнями. Так, например, от Тобольжина Романа Михайловича было записано про Иванкинские места для промысла. Он говорил, что на промысел «раньше чужих не брали». К иванкинским рыболовным местам относились: Иванкино, Тяголово, Иготкино, Большая Яма, Маленькая Яма, Средняя Яма. С жителями из Киярово «ничего общего не было», они промышленяли на своей стороне. Тобольжина Валентина Романовна (из Иванкино) говорила, что раньше каждый «рубил свой лес». Границы назывались по-русски – межа (мета). *Межа* между Иванкино и Инкино проходила по перешейку двух озёр. В сторону Кети озеро *Кёш* (внизу Кети) – было пограничным, дальше Иванкинцы не рыбачили»³.

Были границы (межи) между Иванкино, Киярово, Юртами [остяцкий посёлок рядом с Инкино], Иготкино, Тяголово. У каждого промысловика была своя охотничья тропа. Говорили так: *Ми ладай ваттом* – «наша черканная дорога»⁴.

---

¹ Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 2. С. 64.

² Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 2. С. 15.

³ Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 1. 1961. С. 6, 17, 25.

⁴ Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 4. 1961. С. 6.

Собрание всех «своих» называлось *таклымбку*¹ [СДС 2005: 228; собираться-INF или собрание (как имя действия), либо собираться-NMLz (собрание) перевод С.В. Ковылина].

На собрание собирались только «свои». Свои – это *чардэ* – «наша порода». Г.И. Пелих собрала обширный материал на данную тему². Собрание проходило обычно только в одной деревне. Жители юрт Тяголовых собирались, например, вместе с юртами Иготкиными. Иванкинцы в это собрание не входили.

В.А. Дрёмов собрал от информантов материал о том, к какому локальному образованию жители себя относят, каким этнонимом-самоназванием пользуются, кто их соседи и как они их называют. Очень важной является записанная исследователем информация не только от жителей Иванкино, но также от жителей Ново-Сондорово, Костенькино, Инкино, Ласкино, Мумьшево.

Информантами В.А. Дрёмова были: М.Г. Аранжин, М.П. Пидогина, М.И. Пидогин, М.Ф. Тобольжина, Е.В. Сычина, М.Д. Колпашникова, Н.И. Сычин, П.И. Иженбина, Л.И. Сычина, Е.С. Сагандукова (Сычина), М.Ф. Тобольжина.

Так, от местных жителей юрт Костенькиных (около устья Чаи, там лингвисты выделяют особую языковую зону – нижнее-чаинский субдиалект) исследователь записал сведения о том, что в Тяголово и Иготкино говорили по-другому, нежели говорят они, костенькинцы. В Иванкино «совсем по-другому» [т.е. не потяголовско-иготкински].

Очень важной информацией в определении родства между жителями Иванкино и жителями других селькупских деревень является задаваемый местным жителям вопрос о диалектах и их различиях. Местные жители по данным информантов В.А. Дрёмова, владеющих родным языком, на этот вопрос отвечали следующим образом: «Иванкино отдельно остяцким [говором] было»³

¹ Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г.И. 1961. Тетрадь № 4.1961. С. 6.

² Пелих Г.И. Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981. С. 144.

³ ПМ Дрёмова В.А. Томск, 1965. С. 77.

(П.И. Иженбина, Л.И. Сычина); «В Тяголово другое наречие. В Иготкино и Тяголово говорят по-верховски»¹ (М.Д. Колпашникова).

Как записал В.А. Дрёмов, в Ласкино на Оби использовали самоназвание «чумылькуп», оно было распространено также широко по Васюгану, Парабели и ниже по Оби. Для местных жителей (ласкинцев) «чумылькуп» и «наш человек», «говорящий по-нашему» – равнозначные понятия. Поэтому они говорят, что Иванкинских тоже следует называть «чумылькуп», хотя сами иванкинцы говорят, что они «шоёшкупы», т.е. ласкинцы считали иванкинцев «своими», а иванкинцы ласкинцев – нет.

По записанным от информантов данным исследователь составил карту распространения различных самоназваний, где к этнолокальной группе *шёшкуп* исследователь отнёс только один населённый пункт – Иванкино².

В 2002 г. Н.А. Тучковой была написана статья «Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов», где автор в качестве приложения использует воспоминания этноисторического характера и фольклорные материалы, собранные и записанные Т.К. Кудряшовой от односельчан–иванкинцев.

Из переписки Н.А. Тучковой с уроженкой с. Иванкино Т.К. Кудряшовой (дев. Иткумовой) важным в свете интересующих нас вопросов является запись-воспоминание «Мы – разные»³. В нём говорится о том, что в Иванкино было 4 группы селькупов, хотя различались они «только внешними признаками и глухими отзвуками памяти о пришедших с разных сторон людях»: с востока по Кети, с юго-запада по Чае, «всегда здешних» и «парабельских». Т.К. Кудряшова таким образом выразила общее мнение односельчан о том, что местные жители являются соединением разных групп. Кроме того, она отметила, что у иванкинцев было некое неприятие «Парабели и Васюгана», даже «враждебность какая-то к людям с левобережья Оби».

¹ ПМ Дрёмова В.А. Томск, 1965. С. 87.

² Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.7 – Карта-схема из полевых материалов В.А. Дрёмова (1965 г.).

³ Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327. (см.: Прил.1. Текст 1).

Так, например, она писала: «когда внедряли «Шёшкуй букварь», созданный по языковым материалам Е.В. Сычиной, старики его не приняли, так как Елизавета Варламовна родом из Киярово (Сычина она по мужу, по отцу она Киярова), а кияровцы – это же «парабельцы». Настоящие Сычины – это коренные иванкинцы, но они не шёшкула. Я тоже не шёшкула, а вероятнее всего, кровью своей ближе к *квелям*, тем, кто «всегда здешний»¹.

Далее Т.К. Кудряшова даёт небольшую характеристику всем представителям этих четырёх групп.

Тех, кто «всегда здешний», она описывает следующим образом: «они круглоголовые, крепкие, тёмноволосые, темноглазые. Их фамилии начинаются с каких-то глухих согласных – «К», «Т».

«С Чаи пришли люди с длинными и плоскими лицами, и их фамилии начинались на «И» – Иткуповы, Иткумовы, Испаевы, Истеевы, Иженбины, Ипоковы, Игермаевы и т.д. Есть в памяти, что на Чаю их предки пришли с Урала».

Те, кто пришёл с востока (с Кети), они «тяжёлые, рослые, с очень мощным костяком, выше ростом всех остальных. Многие из них изначально были светловолосы и светлоглазы. Вот Сычины, вероятнее всего, из них. Они светлые».

«Парабельцам» (Кияровцам) Т.К. Кудряшова характеристики внешних данных не дала, зато о тех, кто носил фамилию Кияровых, но корнями был не из самого посёлка Киярово, автор пишет, что «те селькупы не «парабельцы». Они черноволосы, очень темнокожи, поэтому у многих были прозвища *Шег* – «чёрный». «В Иванкино всегда было очень много Кияровых. Именно они-то, вероятнее всего, и есть шёшкула или шёшкупы».

Кроме того, данный автор отметила отдельно остяков Майдасовых, которые были с зелёными глазами и медно-рыжими курчавыми волосами. Они

---

¹Тучкова Н.А. Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. С. 326. (см.: Прил. 1. Текст 1).

были в Иванкино сами по себе и не считались своими: «Они селькупы, но приезжие»¹.

О территории Иванкино и её соседях Тамара Константиновна пишет следующее: «Конерово – Иготкино – Ласкино – это всё Иванкино. Киярово совсем близко (Иванкино и Киярово по Оби разделяют всего 4 км), но родившиеся там считались чужими, «парабельцами». Из Езангино брали жён и мужей, и тамошние жители не считались близкой роднёй, хотя выходцы оттуда также жили в Иванкино»².

По записанным Т.К. Кудряшовой воспоминаниям от местных жителей Н.А. Тучкова делает вывод о том, что в настоящее время потомки селькупов затрудняются однозначно перечислить места расселения шёшкупов именно потому, что эта территория оказалась зоной активного смешения разных локальных компонентов. Особо важно отметить, что даже в самом Иванкино не все жители принимают как данный этноним, так и свою причастность к этой этнолокальной группе, отмечая отсутствие единства как в прошлом, так, тем более, и в настоящем³.

Выводы о смешении селькупских говоров на территории р. Оби между населёнными пунктами Тогур и Нарым, отразились в статье Н.Г. Кузнецовой и Н.А. Тучковой «Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки» (2008). Проведя исследование, авторы делают вывод о том, что «привнесение в топонимику данного микрорегиона чумылькупских структурных элементов, которые наложились на субстратный шёшкупский или сюсюкумский слой, не только хорошо демонстрируется данными топонимики, но и имеет в данном случае документальное подтверждение»⁴.

Определяя границы расселения шёшкупов р. Оби по полевым этнографическим материалам можно сделать следующие выводы:

¹Тучкова Н.А. Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов. Тобольск; Омск, 2002. С. 326.

²Тучкова Н.А. Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов. Тобольск; Омск, 2002. С. 326.

³Тучкова Н.А. Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов. Тобольск; Омск, 2002. С. 321.

⁴Кузнецова Н.Г. Тучкова Н.А. Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 133.

1. По данным полевых материалов Г.И. Пелих в Иванкино местные жители относили себя к этнолокальной группе шёшкуп; «своими» считали жителей из ю. Тебеняк; тесно общались с жителями соседних юрт – Инкино, Зайкино, Киярово, Иготкино, Тяголово, но своими их не считали.

2. Если принять во внимание запись от двух информантов из Иванкино М.Д. Кияровой и Н.Г. Кияровой за основу, то получается, что на Иванкинской земле, помимо самого Иванкино, также стояли: заимка (юрты) Тибинак (Тебеняк) и юрты Кияровы. Иванкинская земля вместе с Чаршиной землёй, где в прошлом стояли юрты Чаршины, входила в состав Пиковской инородческой волости. При этом, кияровцев считали пришлыми на этой земле.

3. Иготкино и Тяголово было «своим местом», т.е. отдельной землей, и хоть промышляли жители Иванкино и жители Иготкино и Тяголово на одной территории, но по рассказам информантов «язык там был другой» (по данным информантки В.А. Дрёмова – «верховский», т.е. сондоровский).

4. Отдельным локусом были юрты Зайкины и юрты Инкины, которые объединились, и говор в этих населённых пунктах отличался как от иванкинского, так и от ласкинского.

5. В.А. Дрёмов на основе своих полевых материалов составил карту о распространение самоназваний, где к этнолокальной группе *шёшкуп* исследователь отнёс только один населённый пункт Иванкино.

6. По данным Т.К. Иткумовой (Кудряшовой) можно сделать вывод, что иванкинцы не были единой и монолитной этнолокальной группой. Жители осознали себя потомками, как минимум, четырёх групп селькупов: « всегда здешних», селькупов пришедших с востока по Кети, с юго-запада по Чае и «парабельские» – кияровцы, пришедшие с левобережья Оби. К территории Иванкино она относит земли юрт Конеровых, а также Иготкино и Ласкино, что не совпадает с данными других информантов.

7. Езангино было «чужой» землей, оттуда «брали жён и мужей».

8. В полевых материалах Г.И. Пелих и В.А. Дрёмова неоднократно от местных жителей Ново-Сондорво и Тайзаково было записано о том, что они

относят себя к этнолокальной группе сюсюгум, но жители этих деревень понимали друг друга с более отдалёнными деревнями Иванкино и Ласкино.

К тому же многие фамилии селькупов Тайзаково и Ново-Сондорово, так же как и Ласкино (не смотря на то, что там звучал совсем иной диалект селькупского языка – чумылкупский¹ присутствуют в Иванкино, например фамилии Иженбины, Тайзаковы, Кайдаловы, Пидогины. Это говорит о том, что между этими населёнными пунктами были родственные связи.

9. Отнесение жителей населённого пункта Тайзакова к этнолокальной группе шёшкупов (в частности остяков Телесовых) не было подтверждено данными полевых этнографических материалов, собранными другими исследователями.

Из вышеприведённых материалов можно сделать общий вывод, что поселки Иванкино, Киярово и Чаршино (входившие в XIX в. Пиковскую волость) являлись центром сосредоточения этнолокальной группы шёшкупов. Жители Иванкино, Киярово тесно контактировали как между собой, так и с соседями из Зайкино, Инкино, Иготкино, Тяголово, Конерово, Езенгино, Ласкино, Мумышево, Басмасово, Сагандуково².

Список приведённых фамилий и информантов с самоназванием шёшкуп подтверждает, что ареал расселения шёшкупов, выявленный по фамильному составу, в целом совпадает с границами, приведёнными по полевым этнографическим материалам.

1.6. Возможность выявления границ расселения шёшкупов по данным топонимики

В ходе сборов лингвистического и этнографического материала была записана большая сумма топонимов разного характера: гидронимы, ойконимы,

¹подробнее об этом см.: Морев Ю.А. Место ласкинского говора в диалектной системе селькупского языка (по фонетическим данным). Новосибирск, 1973. С. 260.

²Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.8 – Определение границ расселения шёшкупов по полевым этнографическим материалам.

дримонимы, лимнонимы, потамонимы¹. Все данные топонимы можно попробовать использовать как источник для решения вопроса о границах расселения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби. Вопрос границ территории расселения диалектно-локальной группы шёшкумов/шёшкупов по топонимическим данным, записанным от носителей среднеобского диалекта, до сегодняшнего дня считался не решённым.

А.П. Дульзон сделал записи по топонимике (прежде всего, были записаны гидронимы) в д. Иванкино от информантов – Ирины Васильевны Чаршиной, Надежды Гавриловны Чаршиной и Романа Сергеевича Тобольжина (1879 г.р., родившегося в д. Иготкино). От И.В. Чаршиной и Н.Г. Чаршиной записаны селькупские названия д. Иванкино и озера Сокулдо. От Р.С. Тобольжина в полевых материалах записаны селькупские названия рек – Обь, Кеть, Пиковка, Пурьянга, проток – Чаршинская, Егорская, Михадеевская, Прямая, Кияровская, курьи – Тебенакская, чворов – Сырковый и Кияровский, озеро – Кашпар и названия деревень – Инкино, Зайкино, Сагандуково².

В 1960-е гг. топонимические исследования территории проживания диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби были продолжены ученицей А.П. Дульзона – Э.Г. Беккер. В июне 1962 г. она собрала материал по топонимам и гидронимам в д. Иванкино³. От информантки Анны Фёдоровны Ижучкиной были записаны названия рек, проток, истоков, озёр, чворов (озёр с выходом в реку), ям (места залегания рыбы в пойменных лугах)⁴.

В 1967–1968 гг. в д. Иванкино побывала лингвист-селькуповед А.И. Кузьмина. От информантов Сычиной Елизаветы Варламовны и Тобольжиной Марии Романовны (1956 г.р.) А.И. Кузьминой были записаны селькупские

¹Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 46–112.

²Архив ЛЯНС ТГПУ. Дульзон А.П. Томск, 1952. Т. 1. С. 217–276. см. Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

³Архив ЛЯНС ТГПУ. Том 10. Томск, 1962. С. 595–645.

⁴Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

названия двух рек – Обь и Пурьянга и названия четырёх деревень – Иванкино, Киярово, Инкино и Тогур¹.

На основе собранного материала от информантов д. Иванкино была составлена карта-схема «гидронимы д. Иванкино по воспоминаниям местных жителей»².

Таким образом, обобщая материал о гидронимах и топонимах, собранный в д. Иванкино, приведённый в таблице в «*Гидронимы и топонимы, собранные в д. Иванкино*»³, можно сделать следующие выводы.

Сбор языкового материала показал, что носители «иванкинских» особенностей в селькупском языке не ограничиваются лишь расселением в самих юртах Иванкиных. По материалам А. П. Дульзона, А.И. Кузьминой, Э.Г. Беккер, представители этого говора проживали и в соседних деревнях: Киярово, Езенгино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково. Исследователями также были упомянуты населённые пункты Басмасово, Мумышево, Тайзаково, Тискино,

Костенькино, Ново-Сондорово, Тогур и Инкино. Возможно, что в этих населённых пунктах исследователи также находили информантов, в чьей речи были черты, характерные для говора иванкинцев.

Информанты, от которых был записан топонимический материал, насчитывает шесть человек: Е.В. Сычина, М.Р. Тобольжина, И.В. Чаршина, Н.Г. Чаршина, Р.С. Тобольжин, А.Ф. Ижучкина. Однако основная часть информации была представлена лишь двумя информантами – Н.Ф. Ижучкиной и Р.С. Тобольжиным. Несмотря на то, что все информанты являются *шёшкупам* / *шёшкумами* и владеют среднеобским диалектом, смешение понятий определения диалектов по самоидентификации и по лингвистическим признакам является нежелательным. Местное население могло относить себя к тому или иному самоназванию под воздействием каких-либо случайных

¹Кузьмина А.И. Dialekt von Ivankino am Ob // Полевые материалы А.И. Кузьминой (1967 г.). Т. 10. Тетрадь № 11. Архив Института финно-угристики / уралолистики Гамбургского университета. С. 6.

²Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.9 – Гидронимы д. Иванкино по воспоминаниям информантов. Сборы Н.В. Сайнаковой (2012 г.).

³Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

факторов: женитьба, переезд и т.д. В свою очередь, *шёшкупы* / *шёшкумы*, основная их часть, говорила, предположительно, на среднеобском диалекте.

Топонимы были представлены изолированным словником, где перемешаны разные лингвистические черты южных и центральных диалектов, причём предложенные одними и теми же информантами. По словам С.В. Ковылина, лингвистический анализ отдельных слов затруднен. Также в словниках обычно не представлена или слабо представлена морфология, позволяющая отнести данные названия к определенному диалекту. Некоторые названия не имеют характерных признаков, позволяющих отнести их к какому-либо диалекту, например, гидроним *qold* - 'Обь' и т.д., либо при интерпретации которых велика степень ошибки, поскольку подавляющее большинство селькупских гидронимов невозможно найти на карте, возникает проблема с определением их локализации. Достоверными данными по расселению шёшкупов / шёшкумов могут считаться только те, которые были напрямую подтверждены информантами.

В дополнение, из представленных названий (и названий зафиксированных в словарях, например, в «Селькупско-русском диалектном словаре» (2005) можно увидеть, что одни и те же топонимические названия присутствуют в разных диалектах, отображая разные лингвистические признаки, но обозначая один и тот же гидроним или топоним. С.В. Ковылин предполагает, что некоторые названия могут носить смешанный стиль:

- 1) *kawejaj to* – Линёвое озеро; Среднеобской диалект¹;
- 2) *qawejal do* (-l – нетипичный суф. ADJz для кетского диалекта) – Линёвое озеро; Кетский диалект²;
- 3) *pi:el-et* – Иванкино; (Предположительно, среднеобской диалект);
- 4) *pi^l-ijet* – Иванкино; (Предположительно сондровские говоры).

С.В. Ковылин сделал попытку выделения некоторых диалектных особенностей собранных топонимов³. Предложенный список топонимов,

¹Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь, 2005б. С. 33.

²Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь, 2005б. С. 61.

³Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

записанный от информантов д. Иванкино, был проанализирован согласно выдвинутому фонологическим критериям¹. Было отмечено, что различия между центральными и южными диалектами селькупского языка проявляются также на уровне морфологии и лексики. Но чётко выделить лексические и морфологические особенности среднеобского говора, отличающие его от других диалектов на данный момент достаточно сложно. Этот вопрос, по словам С.В. Ковылина, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Было выявлено, что в топонимах могло сохраниться более архаическое состояние среднеобского диалекта (иванкинского говора) а так же выявлено присутствие в явном виде как центральных так и южных признаков².

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что метод определения расселения шёшкупов / шёшкумов при помощи диалектных особенностей селькупского языка, отражённых в названиях топонимов, в данном случае не является эффективным.

В ходе исследования были рассмотрены мнения лингвистов и этнографов относительно границ распространения шёшкупов в Приобье. Привлекались лингвистические данные, материалы по топонимике исследуемой территории, по этнонимам, фамильному составу и родственным связям, а также ценными оказались полевые этнографические материалы, где зафиксированы представления шёшкупов о своей территории. Также была рассмотрена история населённых пунктов и динамика численности населения, входившая в их состав.

К сожалению, приходится констатировать, что шёшкупский диалект в работах лингвистов-селькуповедов теряется в общей сумме материалов по диалектам из других мест проживания нарымских селькупов. Это объясняется, вероятно, тем, что ни у одного из упомянутых здесь исследователей не было

---

¹Подробнее см.: Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqr* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С. 24–25.

²Ковылин С.В., Сайнакова Н.В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqr* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С. 24–25.

цели сосредоточить свой исследовательский интерес именно /или только на шёшкупском диалекте.

На основе лингвистических данных удалось выделить некоторые признаки среднеобского диалекта, в которых прослеживается размытость диалектных границ, разные подходы к исследованию (в зависимости от цели), а также разная изученность/систематизированность лексических и морфологических, фонетических и этнонимических признаков. Все это даёт основание для выделения разных диалектных классификаций по тем и или иным признакам.

Обобщая материал по диалектным классификациям и поиску в нём места шёшкупскому (иванкинскому) диалекту (говору) можно сделать вывод, что мнения исследователей были поделены на тех, кто не выделял в своих работах шёшкупский диалект и на тех, кто признавал шёшкупский диалект и видел в нём языковую специфику.

В целом лингвистами было выявлено, что территория Приобья, рядом со Средним (Копыловским) устьем р. Кети является зоной стыковки центральных (чумылькупских) и собственно южных (сюссыкумских) диалектов. Эта территория играла чрезвычайную роль для этнической истории всех селькупов Приобья.

Определение границ по распространению этнонима *šöšqur* по материалам, записанным от информантов-селькупов, и ареала распространения среднеобского диалекта, выделенный исследователями-лингвистами, показали, что данные не совпадают. Причиной стало то, что этноним *šöšqur* был записан на очень малой части этой территории (ю. Иванкины, Кияровы, Езенгины и Тайзаковы).

Далее была предпринята попытка очертить ареал не по принадлежности к населенному пункту, а по фамилиям носителей этнонима, языковым особенностям и данным полевых этнографических материалов. Приведённые селькупские фамилии и информанты с самоназванием шёшкуп подтвердили, что границы расселения шёшкупов, выявленные по фамильному составу

полностью совпали с границами, приведёнными по полевым этнографическим материалам.

Определение границ расселения шёшкупов / шёшкумов при помощи топонимических данных показали, что топонимы, записанные от информантов из д. Иванкино, подвергнутые лингвистическому анализу, несут в себе сохранение архаического состояния среднеобского диалекта (иванкинского говора). К тому же в собранных топонимах было выявлено присутствие центральных и южных признаков. Но метод определения расселения шёшкупов / шёшкумов при помощи топонимов, в данном случае не был эффективным.

На основании собранных данных, можно определить следующие ареал расселения шёшкупов: Иванкино, Киярово, Чаршино, Тяголово, Иготкино, Конерово, Езенгино, Испаево, Островные, Инкины, Ромашкины, Зайкины.

Список фамилий из похозяйственных книг за 1949–2012 гг. показывает, что д. Иванкино во второй пол. XX в. стала центром, куда стекалось селькупское население из соседних деревень, таких как Киярово, Езенгино, Иготкино, Тяголово. На сегодняшний день местом сосредоточения потомков шёшкупов, носителей в прошлом шёшкумского диалекта, являются п. Иванкино и г. Колпашево.

Глава 2. Формирование селькупского населения на исследуемой территории

Процесс формирования шёшкупского населения на исследуемой территории происходил достаточно длительный период времени (фактически всё второе тысячелетие н.э.), и начальный его этап далеко выходит за пределы хронологических рамок диссертационного исследования – XIX–XX вв. Однако собранный автором материал (полевые и архивные записи, а также редкие сведения из опубликованных источников) позволяют сделать некоторые выводы относительно процесса формирования особой этнографической группы – обских шёшкупов – в Приобье.

Этот процесс раскрывается через историю некоторых селькупских семей (фамилий) и историю населённых пунктов, находящихся между верхним и средним устьями Кети: юрты Иванкины, Кияровы, Чаршины, Иготкины, Тяголовы, Езангины, Конеровы, Островные, Испаевы, Инкины, Зайкины; а также через анализ динамики численности населения на данной территории.

2.1. История населённых пунктов

На основе собранных полевых записей, с привлечением опубликованных материалов по истории данной местности, будут рассмотрены населённые пункты, находящихся между верхним и средним устьями Кети, входившие в диалектно-локальную группу шёшкупов р. Оби – юрты Иванкины, Кияровы, Чаршины, Иготкины, Тяголовы, Езангины, Конеровы, Островные, Испаевы, Инкины, Зайкины.

Полученные данные были сгруппированы в тематические блоки: сведения о появлении посёлков, селькупские названия посёлков, территория села.

Иванкино. Юрты Иванкины входили в состав Пиковской инородческой волости, которые располагались на правой стороне речки Пурьянги, впадающей в р. Обь. Единого мнения о происхождении д. Иванкино нет. На этот счёт есть

лишь материал А.Ф. Плотникова об инородческих юртах и воспоминания, записанные уроженкой с. Иванкино Т.К. Кудряшовой.

О первых поселенцах на иванкинской земле и иванкинских князях. По мнению Т.К. Кудряшовой, наиболее удобные места вокруг Иванкино были заняты Сычиными. Из этого она делает вывод, что именно они первыми заселяли эту местность. «Чуть позднее на этих землях обосновались Иткуповы, Тайзаковы, Тупогины, Кияровы, Ижучкины, Самсоновы, Иванкины, Емелькины»¹.

О происхождении фамилии Сычиных и их высоком статусе среди жителей этих мест есть следующая широко известная информация от А.Ф. Плотникова. Автор писал, что в половине XVII столетия инородцами Пиковской волости управлял князец Сидза Иванка, бывший язычником, но первым принявший крещение в начале 1700 г. (1700–1710) вместе со своим семейством, состоявшим из сыновей Опука и Иванка; при св. крещении эти язычники были названы: Сидза – Иваном, Опук – Ефимом и Иванко – Иваном.

Народ волости, по примеру своего правителя, так же принял крещение, за что всё семейство Сидзи Ивана получило благодарность государя и благословение митрополита. После крещения Сидза с семейством принял фамилию Сычиных, из поколения которых в Иванкиных юртах есть шесть человек, считающихся «восьмым коленом от Сидзи»².

Кроме того, А.Ф. Плотниковым была выдвинута следующая гипотеза о происхождении жителей Пиковской волости: он (на основе устной информации, сообщенной ему «старожилами»), в частности, писал, что «жители Пиковской волости, считают себя происходящими от самодийского племени и что предки их вышли из Архангельской губернии в Березовский уезд, а затем уже перешли и в Нарымский, что было в начале 1600 гг., а в 1629 г. Пиковская волость упоминается уже в окладных книгах, как лежащая

---

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 190–191.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 151–152.

между средним Тогурским и Кетским устьями, с лучшим в ней человеком князем Сонгу и ясачными людьми в числе 16 человек»¹.

Данный фрагмент текста не поддаётся комментариям, так как никаких иных данных, подтверждающих или опровергающих информацию А.Ф. Плотникова об установлении точного места, откуда именно пришло селькупоговорящее население в бассейн речек Пиковки и Ташунде, никем более из исследователей собрано не было.

По мнению краеведа Т.К. Кудряшовой именно Сычины «когда-то давно, уж лет 300 тому назад» заселили эти места. Однако пришли они из Севера (т.е. из юрт Сиверских) на Кети, т.е. «из села Сиверс (Север) по Кети», где их потеснило русское население². Таким образом, она считает иванкинцев выходцами с Кети, и в своих высказываниях нередко противопоставляет иванкинцев обскому чумылькупскому населению.

Местом первого поселения Сычиных Т.К. Кудряшова считает рч. Ташунде, где затем «...к ним и другие присоединились, они (представители других фамилий) пришли на территорию Иванкино, вероятно, лет 200 тому назад»³. Однако до появления иванкинцев на данной территории, по её мнению, здесь уже обитали люди иного племени. С этими людьми, ушедшими, «как гласит людская молва», в верховья Пурьянги, был связан и «Старый город» на берегу Оби⁴.

А.Ф. Плотников также считал, что на данной территории было смешанное население, он писал: «Племя, населявшее прежде Пиковскую волость, называлось «Сезь-гула» (народ), в отличие от других инородцев, например, «Кер-гула», «Кы-луг»⁵. В термине *Сезь-гула* отчетливо усматривается этноним *Süsse-qula*, известный как этноним кетских селькупов.

Т.К. Кудряшова дополняет эти сведения преданием, бытовавшее среди Сычиных: «Когда-то очень давно здесь жил князь. Было ему уже лет 50.

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 151.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 132.

³Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 189.

⁴Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 190.

⁵Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 152.

Волосы были у него чёрные, волнистые, сам плотный, сильный. Лошадь у князя была примечательная – пегая (цвет песка) с длинной шерстью, небольшая лошадка, на ногах не высокая, но очень выносливая и сильная. Этот-то князь и водил в очень давние времена воинов на Тобол (а может сам с Тобола пришёл). Князь этот (*варг амдель кок*) был похоронен там, где была старая пристань. Там у леса было несколько небольших курганчиков, упавших в реку в конце 1960-х гг. Находок много было именно там, где стоял *старый город*»¹.

А.Ф. Плотников также описывает некий археологический памятник следующим образом: « В трех верстах от Иванкиных юрт заметны следы бывшего жилья, о котором жители передают, что это была *крепость*, окруженная рвами, еще заметными до настоящего времени. Там будто бы хранилось оружие»².

Впервые селькупское название юрт Иванкиных записал Г.Ф. Миллер в своих полевых материалах. Он упоминает «остяцкую деревню на 17 юрт» (т.е. дворов) и пишет, что их название – Иванкины юрты – это русское название, а по-остяцки они назывались *Pi-jet* или *Pigl-et*. «Отсюда возникло также название Иванкина волость, поскольку она [деревня] к ней относится»³. Вероятно, от остяцкого названия этих же юрт возникло и второе (остяцкое) название волости – Пиковская волость.

А.Ф. Плотниковым селькупские юрты Иванкины были записаны как – «ерта Сидза – юрта Сидзы»⁴.

В материалах Э.Г. Беккер д. Иванкино на селькупском языке записана как, *Пи:l-et* – д. Иванкино (ср. *Пи.* «осина», т.е. «осиновая деревня»)»⁵. Этот перевод был продублирован Я.А. Яковлевым в его статье «Географические названия Колпашевского района. Что они означают?» (2000), написанной на основе исследований Э.Г. Беккер. Он пишет, что селькупское

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 187 (информанты Т.К. Кудряшовой: Л.С. Езангина, Н.И. Сычина, Е.С. Сагандукова).

²Плотников А.Ф. Нарымский край. С. 153.

³Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г..., Новосибирск. 1996. С. 182.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 152.

⁵Беккер. Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири... Томск, 1965. С. 76.

название д. Иванкино – «*Pig et, Pиль эт* – Осиновое поселение (*пи* – «осина», *пиль* – «осиновый», *ет* – «поселение, деревня»)»¹.

Помимо Э.Г. Беккер, селькупской топонимикой (в частности, названиями селькупских поселений) занималась Н.А. Тучкова. В статье «Топонимические модели в названиях селькупских поселений» автором в качестве приложения была предложена таблица «Список названий стационарных селькупских поселений (юрт) конец XIX – начало XX в.», составленная на основе сведений из работ А.Ф. Плотникова (1901), С.К. Патканова (1911), В.Я. Нагнибеды (1927), П. Хайду (1952), Э.Г. Беккер (1965) и своих полевых материалов.

В таблице автор дает селькупское название д. Иванкино, бытовавшее одновременно с официальными и перевод на русский язык:

- 1) «ерта» (юрта) Сидза², назвалось по имени князца Сичи (Сидзы);
- 2) Пилет (*Piel-jet*) – переводится на русский, как «Осиновый посёлок» (сельк.: *пи* – осина);
- 3) *Пигль-эт; Pigel-jet*, (по Папаи: *Pik-hylet*³) – возможный перевод на русский по названию р. Пиковки»⁴.

Варианты названия посёлка и народные этимологии (интерпретации) данного названия были собраны также Т.К. Кудряшовой:

Пуроб этт – город при слиянии Пура и Оби. Слово *этт* Т.К. Кудряшова переводит как «город», т.е. огороженное поселение; однако в селькупском языке есть иной устойчивый термин для обозначения «города»: кваччэ (об. С, Ш) (СДС, 2005. С.79).

Пург этт – город на Пуре (ведь Пурьянга – это устье Пура).

Пуроб этт – Город при впадении Пура в Обь.

Пипл этт – Совиный город (ср. *пия* – сова, *пияй* или *пипл* – совиный).

Наименование зафиксировано в XX в. у Сычиных.

¹Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 90.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 152.

³Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke... Budapest, 1952. L. 179

⁴Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений // Томский журнал лингв. и антр. иссл-й. 2013. С. 106.

Пиль этт, Пиледы, Пилед – Осиновый город (ср. *пи* осина, *пиль* – осиновый). Вариант наименования *Пилед* был дан жителями д. Киярово (судя по сведениям, полученным от Елизаветы Варламовны Сычиной, урожденной Кияровой, которая родилась и провела детство в Киярово, на левом берегу Оби, напротив старого города).

По мнению Т.К. Кудряшовой, «если наименование *Пил этт* – Совиный город – можно связать с фамилией первых обитателей Иванкина – Сычиными (сыч – птица отряда сов), то название *Пиль этт, Пиледы, Пилед* – Осиновый город – вызывает недоумение: остров порос березами, ветлами, осокорем, а осины же тут растут плохо, их почти нет»¹.

Мы видим, что в интерпретациях Т.К. Кудряшовой присутствует попытка связать русское слово *сыч* с фамилией Сычиных; морфологический элемент в слове *Пуроб этт* – со словом Обь (русским названием этой реки). Лингвистами все эти версии всерьез не рассматриваются.

О том, как и почему посёлок получил русское название Иванкино, также есть несколько версий. По одному из преданий, сохранившемуся в роде Сычиных, название селу дал атаман Иванка, от него якобы пошли и Иванкины². По другому преданию, записанному от Н.А. Тобольжина, будто бы со Старого Иванкина (это по зимнику там, где видно много ям от старинных землянок) приехала старуха Иванки. Она была белая, высокая и осваивала долину, которую стали называть Иванкино»³.

Расположение д. Иванкино. Свою деревню иванкинцы воспринимают как стоящую на острове, т.е. фактически как природную крепость, окружённую со всех сторон водой, хотя реально она находится на правом обском берегу у устья Иванкинской протоки иначе называемой Пурьянгой. Однако информанты всякий раз подчеркивают: «...деревня Иванкино стоит на острове»⁴.

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 188.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 187–188.

³Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 188.

⁴ТМА. Томск, 2012–2015. С. 53.

Окрестности деревни жители характеризуют следующим образом: «По левую сторону от деревни согра (тальник, осинник). За согрой находятся озёра: Педа, Большая и Малая Кастя, Игнашка, Ленза-то. По правую сторону деревни протекает р. Пурьянга, которая уходит в Кеть. Вдоль острова Иванкино – р. Полой, которая входит в Обь¹.

Любопытно отметить, что иванкинцы проводят некую параллель, упомянутую краеведом Т.К. Кудряшовой, о связи местных рек с крупными войнами. «По воспоминаниям жителей села Л.С. Езангиной, М.С. Сычиной, А.Ф. Ижучкиной и др., с приходом большой войны Обь или Пурьянга меняли свои русла. Во времена гражданской войны вдруг течение Оби намыло остров, и образовалась Курья, которая когда-то была прямым руслом Оби до Колдельнака (название местности при слиянии Оби и Пурьянга по данным А.Ф. Ижучкиной). В Отечественную войну Пурьянга намыла остров при впадении в Обь. Теперь уже на острове, возникшем в гражданскую, смородину берут, а в Отечественную – там тальник ещё прутиками рос»².

Размер поселения и значимые места. Пространство поселения жители определяли следующим образом: «Иванкино была большая деревня – от Оби до Тебенацкого Полоя – где-то 1,5 км. Протяжённость деревни считалась от пристани до пилорамы. У пристани – начало деревни, там обычно вся молодёжь собиралась. На этом месте был высокий яр и его хорошо обдувало ветром. Серединой деревни считался бугор около дома Сычиных. Сейчас там Сельсовет, библиотека, школа. Там, где пилорама, был конец деревни» (Ю.Ф. Чаршин)³.

Центр Иванкино – это бугор, сформированный навозной кучей, где сейчас живут Сычины. Дальше была «засольная» у Оби и рыбоприёмный пункт. Конец деревни – это кладбище⁴.

¹ПМА. Томск, 2012–2015. С. 53.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 195.

³ПМА. Томск, 2012–2015. С. 60.

⁴ПМА. Томск, 2012–2015. С. 60–64.

Таким образом, всё Иванкино делилось на три части, узловыми пунктами были: пристань (начало деревни), бугор около дома Сычиных (середина деревни) и пилорама (её конец). Названий у частей деревни никаких не было. Вместо дорог были тропинки. Улица была одна, но названия у неё не существовало¹.

Действительно, улицы в Иванкино никаких названий не имели вплоть до конца XX в., и только в 2000 г., по словам С.Н. Сычина (бывший глава Иванкинской администрации), в Иванкино официально появились названия улиц – Береговая, Школьная, Учительская². Улица Береговая считается центральной. Своё начало она берёт от пристани и тянется до медпункта (сейчас там живёт семья Морозовых). Она разделялась ещё на две части: в народной топонимике одна улица называлась «Поперечная», вторая – «Вдоль магазина». От дома Сычиных Андрея Ильича и Леонида Ильича (они живут в двухквартирнике) начинается улица Школьная, которая заканчивается домом семьи Барановых. Параллельно улице Школьной идёт улица Учительская. На сегодняшний день на этой улице располагаются дома учителей³.

Иванкино окружают небольшие безымянные озерки⁴. Посреди Иванкино есть озеро, которое иногда называлось «Полойчик», однако в последнее время местные жители начали его называть «Озеро бабы Кати» или «Бабы Катина лива» – по имени утонувшей в этом озере осенью 2000 г. пожилой женщины (Самсоновой Екатерины).

Около местной электростанции образовывается озерцо, которое во время разлива соединялось с озером «бабы Кати» и по форме напоминало «хвостик». Ещё одно маленькое озеро образовалось на кладбище, на месте бывшей часовни, которая «ушла под воду» и на её месте образовалась ямка⁵.

---

¹ ПМА. Томск, 2012–2015. С. 6, 51.

² Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.10 – Карта-схема д. Иванкино 1990–2014 гг.

³ ПМА. Томск, 2012–2015. С. 53.

⁴ Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.10 – Карта-схема д. Иванкино 1990–2014 гг.

⁵ ПМА. Томск, 2012–2015. С. 60–64.

В Иванкино из-за постоянной затопляемости деревни местными жителями было построено два мостика¹. Первый мост (длина примерно 7 м) находится в середине деревни и соединяет две улицы – Береговую и Учительскую. Эти две улицы разделяет небольшое озеро без названия. Второй мост по размерам больше (длина примерно 12–13 м). Мост соединяет две части Школьной улицы и проходит через «Бабы Катину ливу». Предположительно эти мосты были построены в 1940-х гг. Когда главой администрации в Иванкино стал С.Н. Сычин, мосты были отстроены заново².

Места для застройки домов жители выбирали на возвышенностях (на буграх), так как во время разливов пространство деревни нередко уходило под воду. Поэтому дома были построены в хаотичном порядке³.

Ю.Ф. Чаршин (1936 г.р.), уроженец д. Иванкино, вспоминал, что раньше в деревне были большие двухэтажные «резные» дома. Хозяйственные постройки для скота в своих дворах местные жители старались не сооружать, все они стояли около Согура, прямо за деревней. Скот пасся на лугах за пристанью и за пилорамой: «За пристанью было много озерьев, которые тянулись до самого Тебенака»⁴.

Места захоронений иванкинцев. В записях В.А. Дрёмова, сделанных в 1965 г. в д. Иванкино, во время антропологической экспедиции есть интересная запись от информантки Сычиной Елизаветы Варламовны: «У домов Иженбина, Каладжи, Сычина Ильи Кузьмича – очень маленькое кладбище. Считали, что если кладбище сделать больше, то станет больше народу умирать. При новом захоронении местные жители часто выкапывают кости черепов»⁵.

Собранные от разных информантов сведения по поводу старого кладбища и того, которое существует по сей день в Иванкино, не совпадают: Ю.Ф. Чаршин говорил, что пока жил в деревне (до 1954 г.), кладбище всегда было на одном месте. Оно находилось за мостом, в конце деревни. Один из

---

¹ Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.10 – Карта-схема д. Иванкино 1990–2014 гг.

² ПМА. Томск, 2012–2015. С. 54.

³ ПМА. Томск, 2012–2015. С. 31.

⁴ ПМА. Томск, 2012–2015. С. 60–64.

⁵ ПМ Дрёмова В.А. Томск, 1965. С. 88.

старожилов – Виктор Кияров (дядя Ю.Ф. Чаршина) – рассказывал ему, что кладбище раньше располагалось на мысу на другой стороне Пурьянги, а позже было перенесено в саму деревню¹.

По словам других информантов – В.Т. Былина, С.Н. Сычина и С.А. Мурзина – на территории Иванкино было два кладбища: «то, которое расположено в деревне – это второе кладбище, а первое находилось напротив Тишундейки, которое смыло со временем. На этом месте жители деревни видели человеческие кости. Весной кладбище, которое и сейчас является действующим в Иванкино, затопляет так, «что только кресты видно». Именно поэтому, поясняют информанты, могилы приходится делать глубиной примерно 80 см. При выкапывании свежей могилы жители каждый раз находят от двух до трёх старых захоронений. Таким образом, одна могилка выкапывается («накладывается») над другой. Обычно местные жители отодвигают кости в сторону и хоронят нового умершего, как бы подхоранивая его к предшественнику»². По данным, предоставленным из личного фонда С.Н. Сычина³ была составлена карта-схема культовых мест в окрестностях д. Иванкино.

Киярово. Об инородческом селении Киярово информации немного. Юрты Кияровы, так же как и Иванкино входили в Пиковскую инородческую волость. Располагались юрты на речке Кияровой, впадающей с левой стороны в р. Обь⁴.

О расположении Киярово Т.К. Кудряшова писала следующее: «за Обью, в 2–3 км ниже по течению, было небольшое сельцо Киярово, тоже, как и Иванкино, как бы спрятанное в протоке недалеко от её устья»⁵.

На селькупском языке д. Киярово записано Э.Г. Беккер, как *Кыарл-ет* – д. Киярово⁶. Этот перевод был продублирован Я.А. Яковлевым. Он пишет, что

¹ПМА. Томск, 2012–2015. С. 63.

²ПМА. Томск, 2012–2015. С. 45–53.

³Личный фонд С.Н. Сычина. Постановление №211, 2002, Л. 2. См.: Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.11 – Культовые места в окрестностях д. Иванкино.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 151.

⁵Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 192.

⁶Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири..., Томск.1965. С. 120.

у юрт Кияровых (Киярово) селькупское название *Кы-арл-ет* (поселение). Этимологизируется вторая часть ойконима сельк.: *-ет-* (поселение, деревня)¹.

В таблице, составленной Н.А. Тучковой, селькупское название Киярово, записанное венгерским исследователем К. Папай, звучит как *Kiaren-et*² и указано им без перевода.

В материалах А.Ф. Плотникова есть информация о том, что недалеко от Иванкиных юрт находится курган, который измерялся автором следующим образом «вышиною аршина в 2 и сажень в 25 длиною»³. На этом месте, по преданию обитали предки жителей юрт Кияровых, которые были вынуждены бежать в другое место – «версты за четыре от Иванкиных юрт, вследствие того, что кияровцы умирали от ужаления змей, водившихся там, в большом количестве. В настоящее время на этом месте также попадает большое количество змей»⁴.

Н.А. Тучкова в своей статье «Шёшкупы реки Оби» также упоминала о Кияровской земле. Это место, считалось «змеинным», так как здесь водилось множество змей, от которых часто гибли люди. Известны рассказы местных жителей о нашествии змей, когда люди спасались от них в высоких амбарах на столбах⁵.

Планировка д. Киярово. Материалы о расположении д. Киярово и его жителях были записаны Н.А. Тучковой от уроженки д. Киярово Е.М. Тузаковой (Кияровой) (1934 г.р). Она говорила, что в 1930-е гг. (до 1939 г.) в д. Киярово насчитывалось 9 домов. В самой деревне было две улицы. Вдоль улиц все дома стояли в ряд. На первой улице стоял дом моей бабушки Тузаковой Прасковьи, дальше жили мы. Следующий дом принадлежал Кайдалову Роману, рядом с ним стоял дом Колмаковых (Кайдаловых), далее шёл двухквартирник. Одна половина в этом двухквартирнике принадлежала моей бабушке по маминной

¹Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района..., Томск, 2000. С. 92.

²Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke...Budapest, 1952. L. 179; Цит. по: Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 106.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 153.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 153.

⁵Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 162–186.

линии, а с другой стороны был магазин. Через улицу жили Игермаев Иван Авифович (он родом из Зайкино, что за Тебенаком не доезжая Инкино), в следующем доме жил Истеев (он был женат на сестре Романа Кайдалова, на Нюрке Наумовой). Далее от дома Истеева, шёл дом Тобольжина Паши и его матери Евлалии Тобольжиной (они с Тяголово переехали). Последний дом по второй улице принадлежал Кайдаловой Шуре»¹.

Переселение в д. Иванкино. В 1939 г. все жители д. Киярово переселились в д. Иванкино. Информантка Е.М. Тузакова-Киярова вспоминала, что «кияровцам пришлось переехать в д. Иванкино по причине нежелания вступать в колхоз. Говорили, что в Иванкино колхоза не будет, однако и там его сделали»².

О массовом переезде жителей д. Киярово в д. Иванкино вспоминал информант Ю.Ф. Чаршин (1936 г.р.). Он говорил, что «все кияровцы приехали в 1939–40-е гг. на праздник Ильин день (была Троица), с детьми в Иванкино. Вернувшись после праздника в Киярово, они увидели, что все дома сгорели. Говорили, что их сожгли коммунисты. После этого все жители Киярово были вынуждены переехать в Иванкино. После того как деревни не стало, по словам Ю.Ф. Чаршина, иванкинские рыбаки спускали в погреба сгоревших домов рыбу для хранения»³.

Чаршино. Юрты Чаршины входили в состав Пиковской инородческой волости. Об этом свидетельствует запись в дневнике Г.Ф. Миллера: «Чарсины юрты, по-остяцки Wendschun-ai-et, которые располагались на восточном берегу в 12 верстах от предыдущей деревни на устье курьи Wendschun. Входили в состав Пиковской (Иванкиной) волости»⁴. Юрты Чаршины стояли на рч. Чаршане – притоке Большой Пурьянги⁵. С 1796 г. по материалам А.Ф.

¹ПМ Тучковой Н.А. Томск, 1995. С. 3. см.: Приложение Б. Карты расселения шёшкупов р. Оби. Рисунок Б.12 – Карта-схема д. Киярово по воспоминаниям Е.М. Тузаковой (Кияровой).

²ПМ Тучковой Н.А. Томск, 1995. С. 2.

³ПМА. Томск, 2012–2015. С. 59.

⁴Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. Новосибирск, 1996. С. 182.

⁵Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск. 2014. С. 143.

Плотникова юрты Чаршины вместе с юртами Кармашкиными перестали существовать¹. Местные жители переехали в Иванкино.

Информант Ю.Ф. Чаршин о юртах Чаршиных слышал от своей матери Ирины Васильевны Чаршиной (Невсогиной). Она ему говорила, что «в царское время в ю. Чаршиных (рч. чвор Чаршин) у предков её мужа было свое угодье, которое называлось Чаршинка»². Селькупское название и возможный перевод данной местности не были выявлены.

Тяголово. Юртовое селение Тяголово принадлежало к Нижне-Тогурской волости и располагалось на левом берегу р. Оби. «Жители-старожилы Нижне-Тогурской волости рассказывали, что селения их волости изначально принадлежали к Тогурско-Порубежной волости, а затем в 1700-х гг. были отделены. Так образовалась самостоятельная волость, названия которой Нижне-Тогурская, так как она лежит по течению р. Оби ниже Порубежной волости»³. Подтверждает факт единой Тогурской волости путевые описания Г.Ф. Миллера, где он отмечал 6 селькупских поселений, относящихся к данной волости – юрты Островные, Испаевы, Есендины, Конирские, Тяголовы и Игиткины⁴.

О расположении и селькупском названии юрт Тяголовых в своих путевых записях впервые упоминает Г.Ф. Миллер. Местность юрт Тяголовых он описывает следующим образом: «Тяголова протока, по-остяцки *Kyss-sundsche*, маленький рукав реки Оби на западной стороне, берёт начало в 4 верстах от предыдущей деревни и оканчивается возле нижеследующей деревни Тяголовой. Из-за прямого течения этой протоки движение осуществляется по ней. Тяголовы юрты, по-остяцки *Tschegol-et*, на западном берегу, возле места впадения Тяголовой протоки в Обь, в 6 верстах от устья р. Чаи. Имеет 7 юрт Тогурской волости»⁵.

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 151

²ПМА. Томск, 2012–2015. С. 58.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149.

⁴Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г. М. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 120.

⁵Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г... Новосибирск, 1996. С. 182.

А.Ф. Плотников называл юрты Тяголовы, или как называли их в старину «Кы-зокъ-эть», что в переводе на русский язык означает: *Кы* – чая – название реки, находящейся недалеко от юрт, *зокъ* – мыс и *эть* – юрта (юрты, расположенные около речки *Кы*, на мысу). По объяснению инородцев юрт «Тяголовых» это название дано, по тому, что место, расположенное под юртами, окружает один тальник¹.

Этимология названия юрт Тяговых точно не была установлена. Есть лишь разные варианты перевода данного топонима, который приводит Я.А. Яковлев.

Э.Г. Беккер переводит топоним Тяголого, как Гусиная голова (*сельк.: твег* – «гусь», *ол* – «голова»). Г.И. Пелих определяет название местности по самоназванию местных селькупов: тегула, чегула, чугула – «заячьи люди». Второе название *Кызокэт*, *Кысокэт* – Речного Мыса поселение (*сельк.: кы* – «река», *сок* – «мыс, возвышенность», *ет* – «поселение, деревня»²).

Перевод на русский язык названия юрт Тяголовых (*сельк.: твег/тъег* – гусь; *ол* – голова - Гусиной головы [поселение]); кроме того, Н.А. Тучковой было записано и иное название юрт: *Кысок-эт* – (К. Папай записал это название иначе: *Küssok*) – «На мысу реки поселение»³.

А.Ф. Плотников собрал сведения о том, что эти юрты существовали задолго до прихода сюда русских жителей. По преданию, записанному от старожилов говорится, что жители юрт Тяголовых приняли крещение ещё при Петре Великом, но половина селения, по преданию, избегая крещения, в числе около 70 человек сбежали или в Мангазею, или в Обдорск. Во время покорения русскими края один из бывших тогда главных лиц из среды инородцев, по имени Бигодя (которому русские присвоили родовое звание князца за то, что он встретил завоевателей с честью и с большими подарками), взамен своей

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149–150.

²Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района..., Томск, 2000. С. 101.

³Hajdú P. Párai Károly szelkup szójegyzeke..., Budapest, 1952. L. 180. Цит. по: Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 106.

фамилии он получил фамилию «Тобульдзинь», что значит «добыль-честь»¹. Эта фамилия сохранилась и в наши дни.

По мнению Н.А. Тучковой история о происхождении фамилии, написанной у А.Ф. Плотникова существовала на уровне легенды, как и другая, в которой говорилось, что Тобольжины пришли с Тобола, потому и фамилия такая». Коренной фамилией и практически единственной в юртах Теголовых вплоть до конца XIX в. оставалась фамилия Тобольжиных/Тоболдиных. Князец Тоболда был реальной исторической личностью. Он выступал от имени ясачных людей всей Тогурской волости (и Верхней, и Нижней) с 1630 г. по 1661. За 30 лет своего управления этот князец заверил более 10 документов одной и той же подписью-тамгой – изображением человека, которого он всегда рисовал полностью, часто в горизонтальном положении, нередко обозначая на лице глаза и нос. Род князца Тоболды, действительно, продолжается и поныне. Тобольжины – известная фамилия в Колпашевском районе².

Иготкино. Юрты Иготкины, так же как и Тяголовы, принадлежали к Нижнее-Тогурской инородческой волости. Располагались юрты на правом берегу р. Оби на низком водотопном месте³.

Впервые Иготкины юрты (Игиткины юрты) записанные на по-остяцки *Igiten-et*, встречаются в исследовании Г.Ф. Миллера. Расположены юрты Иготкины, по материалам Г.Ф. Миллера, на западном берегу, в 6 верстах от предыдущей деревни. Имеет 7 юрт, относящихся к той же волости, граничащие с юга с Иванкино⁴.

На селькупском языке, по материалам Э.Г. Беккер название д. Иготкино записано как, *Игитен-жет* и *Тјј гар* – д. Иготкино⁵. На основе материалов Э.Г. Беккер этот перевод был продублирован Я.А. Яковлевым, где он пишет, что селькупское название д. Иготкино *Тёгур, Тогур* (точная

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149

²Тучкова Н.А. Шёшкupy реки Оби. Томск, 2000. С. 174.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149.

⁴Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.М. Миллера..., Новосибирск, 1990. С. 120.

⁵Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири..., Томск, 1965. С. 119, 202.

этимология не установлена)¹. В таблице Н.А. Тучковой селькупские названия посёлка Иготкино записаны как *Tëzur*, *Tj-{}or* и *Takki-jet* (*Takki* – «нижний»)².

По данным А.Ф. Плотникова, жители юрт Иготкиных о своем появлении на данной территории рассказывали ему следующее: «лет 400 тому назад предки их выехали сюда из Берёзова или Сургута, но откуда именно – утвердительно сказать не могут»³. О расположении юрт Иготкиных известно лишь то, что юрты эти стояли на втором месте. Прежние находись в 3-х верстах от нынешнего селения.

Н.А. Тучкова от информантки М.Ф. Тобольжиной записала материал об основании посёлка. М.Ф. Тобольжина говорила, что основателем посёлка считали остяка Иготку, приехавшего из Тяголовых юрт на эти земли. Сопоставив сведения о появлении Иготкино записанные А.Ф. Плотниковым и современные сведения, Н.А. Тучкова сделала вывод, что современные информанты сообщают об ю. Иготкиных как об относительно молодом посёлке (возникшем в середине XIX в.), жители которого помнили об основателе его Иготке как о современнике их дедов и прадедов, тогда как в материалах А.Ф. Плотникова говорится о старом поселении (что подтверждается и материалами Г.Ф. Миллера).

Сведения, которые даёт А.Ф. Плотников, возможно, были им получены от иготкинцев, покинувших в XIX в. весьма старую (по общим воспоминаниям) д. Тяголово⁴ или же у юрт Иготкиных была история «старого» поселения; и своя история была у новых юрт с тем же названием.

О появлении д. Иготкино есть предание, записанное от М.Ф. Тобольжиной в 1997 г. в г. Томске: «Когда нашёл Иготка подходящее место для житья, то в тот момент увидел в небе колесницу, а в ней мужика с рогатиной. Несётся эта колесница мимо и кричит стоящий в ней мужик: «Ты чего пришёл сюда?». «Жить пришёл», – отвечает Иготка. Я тебе дам богатство,

¹Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района..., Томск, 2000. С. 90.

²Hajdú P. Párai Károly szelkup szójegyzéke..., Budapest, 1952. L. 180. Цит. по: Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений... 2013. С. 106.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 149.

⁴Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 171.

ты богатый будешь, – пообещал мужик в колеснице, – озеро видишь?» И сбросил он с колесницы бочонок будто бы с золотом. Старик не поверил, решил, что ему привиделось. Семью выгрузил из лодки на берег, начал карамо строить, начал жить. Из Тяголовой привёз лошадь, корову, овечку. Место оказалось очень хорошим. Луга заливные, кругом озёра рыбные. На Оби песок был, где в августе рыба белая поднималась – муксун, нельма, осётр, сырок, костерик тупорылый. За Иготкой поселились здесь и другие. Приехал, в частности и мой дед. Во времена моего детства ещё многие пытались искать этот бочонок с золотом в озере. Озеро, якобы в которое он упал, так и называли «Золотая ямка»¹.

С конца XIX в. через юрты Иготкины пролежала зимняя дорога Томск – Инкино – Парабель – Каргасок. В.К. Киргеев в своих воспоминаниях о родном посёлке писал: «Каждую зиму с низовьев Оби через Иготкино тянулись длинные обозы с мороженной рыбой, пушниной, орехом. А из Томска в северные районы везли муку, сахар, ткани. Требовалось много сена лошадям, и каждое лето, как вызревали травы, все, кто мог держать в руках косу, заготовливали сено. Зимой, с наступлением холодов, его подвозили к избам и принимали ямщиков на ночлег. Сено дорожало. У тех остяков, что имели хорошие избы, появились хорошие заработки»².

Информант В.П. Медведев, рассказывал, что в 1920–30 гг. в Иготкино оставалось 5–6 семей (по рассказам селькупа Егора Колманакова), а когда он там был сам, то видел 2 дома. Потом эту деревню яром снесло, и получилась старица Иготкина³.

Информант Ю.Ф. Чаршин говорил, что «как-то вёз односельчанку Нюру Колмакову в д. Зайкино и по пути пришлось заехать в Иготкино (это было в 1940–50 гг.). Там почтовая станция стояла, в деревне всего 2–3 домика

---

¹Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 172.

²Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 172

³ПМА. Томск. 2012–2015. С. 16.

оставалось. Иготкино на таком месте стоит, там берег срывает водой. Позже все местные жители в Иванкино переехали»¹.

«Вблизи юрт находятся два больших кургана, в которых, по преданию, похоронены богатыри племени, павшие в битве, но с кем именно и когда – инородцы сказать не могут. Жители волости – обруселые, живут лучше других инородцев»².

Конерово, Езангино, Испаево, Островные. По данным А.Ф. Плотникова юртовые селения Конеровы, Езенгины, Испаевы и Островные принадлежали к Тогурско-Порубежной инородческой волости. Наименование «Порубежной» волость получила потому, что находится на границе – рубеже – с Томским уездом. Волость граничит с одной стороны с Больше-Чурубаровской волостью 4 стана Томского уезда, с другой – Кетской волостью, с третьей – Пиковской волостью и с четвёртой стороны – 3-й Парабельской отдельной волостью Нарымского края.

Все юрты за исключением Испаевых, расположены на левом берегу р. Оби, на «сору» – местах водотопных, а Испаевы на правом берегу речки Безымянки, впадающей в Обь, в боровом возвышенном месте³.

Также А.Ф. Плотниковым было записано историческое предание, рассказывающее, что жители юрт Конеровых, Езенгиных, Испаевых и Островных, бывшие в то время язычниками, проживали на том самом месте, где в настоящее время находится с. Тогурское (Кетской волости). На этом месте были их юрты, называвшиеся «*Керенань-эть*» (Тогурская юрта). Кроме Кетского острога, никаких русских селений в то время не было. И когда воеводы стали расселять русский народ (ссылных) с рваными ноздрями – «порками», как говорят инородцы, предки их, испугавшись безобразного вида людей, бывших к тому же очень грубыми, – отодвинулись вниз по течению р. Оби и поселились в 8 верстах от селения, ныне с. Тогурского, образовав юрты Конеры, в которых оказалось жителей до 200 душ обоего пола.

---

¹ПМА. Томск. 2012–2015. С. С. 60.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 150.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 146.

Конеровы. Многие из прибывших на новое место остяков, пожив здесь немного времени, в виду принуждения «больших» (начальства) стали разъезжаться по разным речкам, вглубь тайги, на р. Кеть. С ними уехал и князец Арач, не желавший подчиниться ни новой власти, ни новой вере¹.

Креститься инородцы начали во время царствования Императора Петра Великого, при старании Сибирского митрополита Филофея, что относится к началу 1700 г. После убежавшего от них князца Арачи, не хотевшего креститься, идёт восьмое колено. Особенное влияние на крещение жителей Тогурско-Порубежной волости оказал князец Итку, чем заслужил расположение русской администрации. От этого князца берет начало коренная и фактически единственная до 1870-х гг. фамилия в посёлке Иткумовы. Селькупское название юрт Конеровых – *Kon'erna-jet, Konernak*², что в переводе на русский *сельк.*: «конер» – овца³.

А.Ф. Плотниковым на расстоянии 100 сажень от селения юрт Конеровых были обнаружены ямы. Автор предполагает, что найденные им ямы – это «карамо» инородцев – конеровцев. «Ям этих по одной береговой линии около 80, но многие из них уже смыты водой, так как всё старое жильё было расположено близко к берегу. В двух верстах от селения находится небольшой курган, о времени образования которого инородцы объяснить ничего не могут; в этом кургане ранее, по их словам, находили какие то предметы из глины, вроде стаканов, рюмок, чашек»⁴. После исхода населения из крепости Киринан-этт, кроме Конеровых юрт, образовались также следующие поселения.

Езангины. Юрты Езангины располагались на левом берегу р. Оби на рч. Езенге. Про юрты известно лишь, что их второе название *Казранет* – «Кедровкино поселение» (*казра* – птица кедровка, *н* – *суфф.род. надежа, эт* – поселение)⁵. В таблице Н.А. Тучковой селькупские названия юрт Езынгиных

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 148; Тучкова Н.А. Шёшкupy реки Оби... Томск, 2000. С. 176–177.

²Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke..., Budapest, 1952. L. 180.

³Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 106.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 147–148.

⁵Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района..., Томск, 2000. С. 90.

(варианты: Езенгиных/Езангиных, Езенгуловых; Ежениных/Едеженных) записаны на селькупском как *Kozarbare*t – *Kozar*, что в переводе на русский означает «мамонт» и *Kazpanget* – Кажпан – рыболовная ловушка – мешок (*коджа* – мешок, *по* – палка)¹.

Испаевы. Известно, что юрты Испаевы располагались на правой стороне рч. Безымянки – правом притоке Оби. Юрты Ипаевы, Испаевы по материалам К. Папай были записаны им *N'urgajat (N'urga-j) N'urga* – «сор», т.е. «заливной луг»².

Островные. В своих записях Г.Ф. Миллер упоминает юрты Островные, которые по-остяцки были записаны *Karüntab-jet* (или *-et* или *-ete*) и располагались на верхнем конце острова, заключённого между р. Обью и предыдущей протокой³. По данным К. Папай юрты Островные были записаны им *Khal'an-raijet (Xal'anpari-j)* и переведены им на русский язык *Khal'at* – «ясак»⁴.

Юрты Инкины. Юрты Инкины входили в 3-ю Парабельскую инородческую волость. Эта волость состояла из двух селений юрт Инкиных и Ромашкиных.

В прежнее время (в 1770-х гг.) волость эта, до раздела и выделения из неё 3-й Парабельской волости, состояла из 5 юртовых селений. Юрты Инкины были расположены на левом берегу р. Оби, на водотопном месте. Из предания, записанного А.Ф. Плотниковым, известно, что селение Инкино в конце 1700-х гг. имело более 100 человек мужского пола, из которых много утонуло во время бывшего большого наводнения, а затем в 1820-х гг. в селении стало 80 человек мужского пола, из числа которых более половины умерли от бывшего в то время сильного жара (наверное, от солнечного удара).

¹Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke...Budapest, 1952. L. 179–180; Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 106.

²Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 107.

³Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г..., Новосибирск, 1996. С. 180.

⁴Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 107.

По оценке А.Ф. Плотникова, как в Инкиных, так и в Ромашкиных юртах, судя по пришедшим в ветхость старым домам, можно предположить, что первые владельцы их жили когда-то состоятельно¹.

Неподалеку от юрт в XIX – начале XX вв. находилось неводное рыбопромышленное заведение купца А.Ф. Колесникова на арендуемом им у инородцев Инкинском песке, за который он ежегодно выплачивал им 200 рублей. Своё название юрты получили от инородца Секенака Инкова.

Второе (селькупское) название юрт Инкиных – *Тюалет, Кюал ет* – Берестяное поселение (сельк.: *тюал, кюал* – «береста», *ет* – «поселение, деревня»).

В таблице Н.А. Тучковой есть запись юрт Инкиных на селькупском языке, но без перевода на русский – *Кюалет, Куялет, Тюалет* и запись К. Папай – *Küel'-khara*².

Русские жители с. Инкино, располагавшегося рядом – 2,5-3 км от остяцкого поселка (юрт Инкиных) называли их просто «Юрты». Медведев Василий Петрович, с пятнадцати лет рыбачил в Юртах (юртах Инкиных). Он говорил о том, что в 1959–1972 гг. в Юртах жили два остяка – Колмонаков Егор, приехавший из Иготкино, и бабушка Макрина Тугоякова, остальные все жители были русские³.

Юрты Ромашкины. Юрты Ромашкины были расположены на левой стороне р. Оби и состояли из 8 домов. По данным А.Ф. Плотникова юрты Ромашкины получили своё название от первого, поселившегося на этом месте инородца «Ромашки» (Романа)⁴. Селькупского названия данной местности не зафиксировано. Данное селение перестало существовать с 1899 г., так как все его жители переехали в близлежащие юрты Инкины.

Юрты Зайкины. Чуть выше юрт Инкиных и Ромашкиных, на правом берегу Оби, располагались юрты Зайкины, входившие в кон. XIX в. в 3-ю

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 155–157.

²Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 106.

³ПМА. 2012–2015. С. 16–17.

⁴Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 156

Отдельную Парабельскую инородческую волость, которая не имела компактно расположенной территории. Юрты Зайкины/Сайкины, Заикины по мнению этнографа Г.И. Пелих, названы так русскими старожилами по самоназванию местных селькупов «заячьи люди»¹ (однако селькупские термины, которые она приводит, – тегула, чегула, чугула никак с «зайцем» (по сельк. заяц «нева»/ нё² – не соотносятся: эти термины, напротив, делают отсылку к самоназванию этногруппы чумылькуп; данный этноним иногда произносят как чугула).

К. Папай эти юрты называет Заимкины юрты, что еще больше указывает на то, что это название было дано русскими. Однако неплохо документально зафиксировано селькупское название этих юрт *Квенигол эт, Квайниго* – Берёзовой реки поселение (сельк.: *кве* – «берёза», *квенал* – «берёзовый», *ет* – «поселение, деревня»)³.

По данным К. Папай юрты Зайкины были записаны им *Kveni-ko, Kvyjnigoe-jet* и переведены на русский язык *Kvet* – «сосна», *ko* – «остров»⁴.

Информант Ю.Ф. Чаршин рассказывал, что мама его Ирина Васильевна Чаршина (Невсогина) была уроженкой Зайкино. Она была селькупкой и рассказывала, что Зайкино было большим – от Оби до Тебенацкого Полоя где-то 1,5 км, там жили селькупы⁵.

За последние четыре столетия, как видно из вышесказанного, многое менялось в описываемых местах: иным стало русло Оби и расположение посёлков, появлялись и исчезали культовые объекты и места захоронений, росли и крепили одни фамилии и исчезали, растворяясь в истории других семей, семьи среднеобских селькупов. По насыщенности информации о юртах Иванкиных можно говорить о том, что именно на данную территорию съехались селькупы из многих окрестных юрт и посёлков которые исчезли с карты и перестали существовать – Иготкины, Тяголовы, Кияровы, Езангины, Конеровы, Островные, Испаевы, Ромашкины, Зайкины, Сагандуковы, ю.

¹Пелих Г.И. Селькупы XVII века..., Новосибирск, 1981. С. 10–11.

²Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 144.

³Яковлев Я.А. Географические названия Колпашевского района..., Томск, 2000. С. 90.

⁴Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений..., 2013. С. 107.

⁵ПМА. 2012–2015. С. 58.

Инкины (Юрты), Тебеньяк. Именно Иванкино в начале XX века стало местом сосредоточения этнолокальной группы шёшкупов. Тем не менее, потомки жившего здесь самодийского (шёшкупского) населения до настоящего времени не покидают эту территорию, считая её своим родовым местом, и хранят в памяти немало сведений о ней.

2.2. Изменение численности населения на территории проживания шёшкупов

Установление численности населения на территории проживания диалектно-локальной группы шёшкупов является одной из важных исследовательских задач в вопросе истории её сложения и развития, так как именно знание численности населения позволяет решить ряд проблем, связанных с изучением ключевых аспектов традиционной культуры селькупов: определение плотности населения, характера взаимоотношений между населением и окружающей его природной средой, условий этнокультурных контактов с русским населением. К тому же достоверные данные могут лечь в основу реконструкции этнокультурных процессов в регионе в обозначенный хронологический период.

Основными источниками в определении численности населения стали путевые записки Г.Ф. Миллера (1739–1740 гг.)¹, «Списки населённых мест»² за 1854, 1899, 1911 гг., «Сведения об инородцах края, собранные земским заседателем 5-го участка Томского округа А.Ф. Плотниковым для окружного исправника 5 декабря 1897 г.», «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (1904)³, «Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды» (1927), «Материалы о социально-экономическом

---

¹Элерт. А.Х. Экспедиционные материалы Г.М. Миллера... Новосибирск, 1990. 247 с.

²Списки населённых мест 1868. С. 26; 1899. С. 138–189; 1911. С. 124–125.

³Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г... 1904. С. 150.

положении инородцев за 1923 г.»¹, сборник документов и материалов «Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.)»², Похозяйственные книги с. Иванкино, Иготкино, Инкино, Тебенак Колпашевского района³ и Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 2008–2012 гг.⁴.

Н.М. Ядринцев и С.К. Патканов занимались изучением численности населения Сибири с точки зрения проблемы «вымирания» или «вырождения» аборигенного населения Сибири. Н.А. Сборовский приводит очень подробные данные по XIX в. (на каждое десятилетие), однако он оперирует только термином «остяки» и фактически не отделяет хантов от селькупов (остяков от остяко-самоедов Нарымского края).

Несмотря на отмеченные недостатки, данные переписи населения 1897 г. в обработке С.К. Патканова прочно вошли в научный оборот как ценный источник сведений о численности, расселении и родном языке населения Сибири. На них опирались в своих построениях Г.И. Пелих, Л.Т. Шаргородский, Н.А. Тучкова.

Особо хотелось бы отметить исследование о численности населения Сибири Б.О. Долгих (1960), так как именно он предложил свою методику реконструкции численности аборигенного населения. Согласно его методике на одного взрослого мужчину охотника-рыболова (Б.О. Долгих определяет его как одного плательщика ясака) приходится по четыре человека иной возрастной и половой группы. Его метод неоднократно был использован другими исследователями и признан весьма удачным.

---

¹ГАТО. Ф. р. 28. Оп. 1. Д. 1278 : Материалы о социально-экономическом положении инородцев за 1923 г. Л. 92.

²Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. Государственный архив Томской области. Томск, 2006. 446 с.

³Муниципальное казённое учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3.: Похозяйственная книга с. Иванкино Колпашевского района 1949–1951, 1952–1954, 1955–1957, 1958–1960, 1961–1963, 1964–1966, 1967–1970, 1971–1975, 1976–1979, 1980–1981 гг.

⁴Архив администрации Иванкинского национального, сельского поселения Колпашевского района. Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 2008–2012 гг.

Н.Ф. Емельянов в своей работе «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Состав, занятия и повинности» (1980), считал, что цифровые показатели на XVII в. занижены и пытался доказать, что количество селькупов было значительно выше указанных цифр.

С.М. Малиновская, опираясь на данные Н.Ф. Емельянова, характеризует количественный состав селькупов на XIX в.

Более подробный историографический обзор проблемы численности селькупского населения изложен в работе А.Г. Тучкова «К вопросу о численности южных (нарымских) селькупов (XVII – начало XX в.)» (2007). На основе данных из источников разных лет А.Г. Тучков, пользуясь формулой В.М. Медкова (2002)¹, показывает динамику численности всех групп южных селькупов от начала XVII в. до 1930-х гг.

Существует множество работ, где исследователи определяют численность населения южных селькупов в целом, но в них инородческие юрты, которые составляют этнотерриториальную группу обских шёшкупов, упоминаются лишь в совокупности со всеми инородцами Нарымского края. Исключение составляет историко-статистический очерк А.Ф. Плотникова, который рассматривает каждую инородческую волость и входившую в неё юрту, а так же достаточно подробно освещает вопрос численности населения на данной территории.

Определение численности населения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби.

В исследовательской работе Б.О. Долгих (1960) главной задачей было установление племенного и родового состава коренного населения Сибири в XVII в., ко времени прихода в эту страну русских. Списки этнографических группировок каждого сибирского уезда устанавливались в основном по «ясачным книгам», то есть по тем документам, которые составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для сбора со всего взрослого мужского населения

---

¹Медков В.М. Демография: [Учебное пособие для вузов и учреждений повышения квалификации по экономическим и социальным специальностям]. Ростов-на-Дону, 2002. С. 156.

Сибири натурального налога-ясака. Как правило, эти сведения составлялись по родам, улусам, волостям, редко по деревням и юртам.

В своём исследовании Б.О. Долгих предложил методику, согласно которой на одного взрослого мужчину охотника-рыболова приходится по четыре человека иной возрастной и половой группы.

На основе данных Б.О. Долгих была составлена таблица «Численность плательщиков ясака Нарымского уезда», где имеется численный состав населения исследуемых населённых пунктов за 1629–1632, 1635, 1641, 1661, 1670, 1681, 1693, 1702 гг.¹

В таблице нами отмечены Тогурская, Пиковская, 3-я Парабельская, 3-я Отдельная Парабельская волости. По формуле Б.О. Долгих в этих юртах за 1629, 1630, 1631, 1632, 1635, 1641, 1661, 1670, 1681, 1693, 1702 гг. получают следующие результаты:

Таблица 2 – Численность плательщиков ясака Тогурской, Пиковской, 3-я Парабельской, 3-я Отдельная Парабельской волостей по формуле Б.О. Долгих (1629–1702 гг.)

Волости	1629	1630	1631	1632	1635	1641	1661	1670	1681	1693	1702
3-я Парабельская	8	0	0	8	7	4	6	2	3	0	0
3-я Отдельная Парабельская								2	0		
Пиковская	6	0	0	0	9	7	6	1	1		
Тогурская	0	2	2	1	9	4	3	9	8	2	4
Общее численность плательщиков ясака	4	2	2	9	5	5	5	4	2	8	0
Сумма по формуле (умножаем на 4)	36	68	68	56	40	00	00	16	08	52	60

Обратимся так же к анализу численности селькупов, проведённому Н.Ф. Емельяновым (1980). В составленной автором таблице «Численный состав

¹Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ..., М., 1960. С. 88.

коренного населения Среднего Приобья в феодальную эпоху» о численности населения исследуемой территории имеются следующие данные¹:

Таблица 3 – Анализ численности селькупов по данным Н.Ф. Емельянова

Волости	Плательщики ясака									Души мужского пола						
	1623	1630 1632	1641 1642	1661	1670 1672	1680 1681	1691 1694	1699 1702	1710 1711	1720	1751	1764	1795	1806	1820	1824
Тогурская		1	24	23	19	18	12	14	14					111	76	67
Пиковская		20	17	16	11	11	7	7	7					152	131	111
3-я отд. Парабельская					12	10	9	9	9					150	78	68
3-я Парабельская		38	34	36	12	13	10	10	10					89	134	136
		89	75	75	54	52	38	40	40					502	419	382
Сумма по формуле Б.О. Долгих		356	300	300	216	208	152	160	160							

В ведомости, полученной Г.Ф. Миллером в 1740 г. из Нарымской канцелярии, приводится список ясачных волостей с указанием количества плательщиков ясака в каждой из них. В Тогурской волости отмечено 25 плательщиков ясака, в том числе 11 «вновь приверстанных».

Если, основываясь на данных этой ведомости, применить предложенный Б.О. Долгих коэффициент 4, который в отношении селькупов применяют и другие исследователи, то получим примерную численность жителей Тогурской волости – 100 человек. Г.Ф. Миллер в путевом описании 1740 г. отметил шесть селькупских поселений, относящихся к данной волости, – юрты Островные, Испавы, Есендины, Конирские, Тяголовы и Игиткины (Иготкины). Всего в этих поселениях насчитывалось 45 юрт-семей. В Пиковской волости того же Нарымского уезда в 1740 г. было 11 ясачных, из них отмечено 4 вновь приверстаных, а Г.Ф. Миллер отметил в ней в этом же году 20 юрт-семей².

Согласно методике Б.О. Долгих получается, что в 1740 г. в Тогурской волости по данным ведомости Нарымской канцелярии насчитывалось 100, по

¹Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху..., Томск, 1980. С. 240–241.

²Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера..., Новосибирск, 1990. С. 120.

подсчётам Миллера – 180 человек. В Пиковской волости 44 человека ($11 \times 4 = 44$), а по подсчётам, отмеченным Г.Ф. Миллером – 220 человек ($55 \times 4 = 220$).

Численность населения в юртах Иванкиных, Кияровых, Чаршиных, Островных, Конеровых, Испаевых, Езенгиных, Тяголовых, Иготкиных, Ромашкиных, Инкиных, Зайкиных по данным списков населённых мест Томской губернии за 1859 г. составила 642 человека. За 1893 г. информации о численности исследуемых населённых пунктов нет. В 1899 г. данные о численности тех же юрт, за исключением Чаршиных, составили 578 человек. Количество проживающих инородцев за 1911 г. составило 586 человек¹.

Будучи чиновником – земским заседателем (приставом) 5-го стана Томского уезда, А.Ф. Плотников имел доступ к документам по численности населения Нарымского края. В таблице «О числе наличных душ инородцев мужского и женского пола, сколько в этом числе ревизских и не ревизских» автор приводит данные о численности за 1897 г. Общая численность населения исследуемой территории по материалам А.Ф. Плотникова составила – 563 человека².

Н.А. Тучкова, основываясь на подсчётах А.Ф. Плотникова о каждой волости, дает более подробную информацию о численности каждой юрты, входившие в изучаемую территорию³. Таким образом, «в 1897 г. в ю. Иванкиных было 44 хозяйства – 199 жителей селькупов и 22 русских, в ю. Кияровых 4 хозяйства – 19 человек жителей. В ю. Иготкиных было 8 хозяйств – 35 человек жителей, в Тяголово 7 хозяйств – 34 человека, Конеровых 4 хозяйства – 17 человек жителей, ю. Езенгины 8 хозяйств – 33 человека селькупов и 2 русских жителя, в Испаевых 7 хозяйств – 21 человек селькуп и 7 русских жителей. В ю. Островных было 11 хозяйств – 45 селькупов и 1 русский, в ю. Инкиных 10 хозяйств – 23 человека селькупов и 11 русских

---

¹Списки населённых мест 1868. С. 26; 1899. С. 138–189; 1911. С. 124–125.

²Вехи патернализма. Томск, 2006. С. 72.

³Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 142–145.

жителей, Ромашкиных 8 хозяйств – 23 человека, Зайкиных – 12 хозяйств – 41 чел селькупов и 16 чел русских»¹.

Общее количество инородцев по материалам Н.А. Тучковой составило – 490 человек.

С.К. Патканов был редактором комитета первой всеобщей переписи населения в 1897 г. В своём исследовании «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев» (1911) по численности населения исследуемых волостей, он привел численность жителей каждого поселения: юрты Иванкины – 199 человек, юрты Кияровы – 19 человек, Островные – 45 человек, Конеровы – 17, Испаевы – 21 человек, Езенгины – 33 человека, Тяголовы – 34, Иготкины – 35, Ромашкины – 23, Инкины – 23, Зайкины – 41 человек².

Общая численность селькупов по статистическим данным 1897 г., приведённым С.К. Паткановым составило – 523 человека.

В 1910–1911 гг. в результате статистико-экономического исследования В.Я. Нагнибеда собрал материалы по Нарымскому краю. В 1927 г. результаты исследования были опубликованы под названием «Списки населённых мест Нарымского края», где автор приводит списки русских и инородческих селений и заимок Нарымского края, что так же является важным источником для изучения этнолокальной группы шёшкупов. В списке «Инородческих селений и заимок Нарымского края», по результатам исследования 1910–1911 гг. общее количество инородцев составило – 569 человек³. В материалах о социально-экономическом положении инородцев за 1922 г. приводятся сведения о количестве селькупов проживающих на рассматриваемой территории. Их общее количество за 1922 г. составило примерно 459 человека⁴.

За 1936 г. известны данные о численности населения д. Иванкино из информации Колпашевского райисполкома Нарымского округа в Нарымский

---

¹Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена..., Томск, 2014. С. 142–145.

²Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири..., СПб., 1911, т.2. С. 151–156.

³Нагнибеда В.Я. Нарымский край..., Томск, 1927. С. 14, 26.

⁴Вехи патернализма. Томск, 2006. С. 172–173.

окрисполком о работе туземных советов Колпашевского района. Численность дворов составила 122, едоков 489 человек¹.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. конкретных данных об исследуемой территории нет. Динамика численности народов Севера в 1939–1989 гг., в частности селькупов, приводится по всей Томской области (1939 г. – 805 чел., 1959 г. – 2064 чел., 1970 г. – 2093 чел., 1979 г. – 1250 чел., 1989 г. – 1347 чел.)².

Похозяйственные книги населённых пунктов Иванкино, Иготкино, Тебенак, ю. Инкины в муниципальном казённом учреждении «Архив» г. Колпашево имеются только с 1949 г. За период с 1949 г. по 1951 г. в Иванкино проживало 348 человек, из них в графе национальность остяками себя назвали 147 человек, включая женщин и детей. Большую часть население на этой территории составили русские жители, проживали также украинцы, татары и молдаване. В Иготкино оставалось на этот период 6 селькупов. В д. Тебенак было 2 хозяйства³.

За период с 1952 г. по 1954 г. численность Иванкино составила 356 человек, из них 132 остяка. В Иготкино на этот период осталось 5 селькупов⁴. С 1961 г. по 1963 г. численность населения значительно снизилась до 148 человек, из них 73 селькупа⁵.

Таким образом, мы видим, как основная масса представителей этнолокальной группы шёшкупов сформировалась в ю. Иванкиных, которые по численности за исследуемый период всегда превосходили соседние юрты. В 1950–1990 гг., по данным похозяйственных книг, местные жители начинают разъезжаться в Чажемто, Озёрное, Новогорное, Тогур, Колпашево, Парабельский район, Инкино, Тискино, Зайкино, Копыловку, Петропаловку, Томск.

---

¹Вехи патернализма. Томск, 2006. С. 369.

²Население Западной Сибири. 1997. С. 161.

³Похозяйственная книга 1949–1951. С. 1–51.

⁴Похозяйственная книга. №1–9. 1952–1954. С. 1–48.

⁵Похозяйственная книга. №1. 1961–1963. С. 1–58.

Итоги Всероссийской переписи населения за 2002 г. показали, что в графе перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «ваша национальная принадлежность» шёшкучами себя назвали всего лишь 3 человека¹.

По переписи 2008 г. в национальном поселении Иванкино было зафиксировано 105 человек, из них в графе национальность 35 человек указали, что они селькупы.

Итак, в XVII в. – по подсчётам Б.О. Долгих и Н.Ф. Емельянова численность населения с 1630-х гг. до начала 1660-х гг. меняется, но не значительно. К концу XVII в. 1670-е гг. и начало XVIII в. численность населения рассматриваемой территории резко падает до 152 человек.

Если к данным Г.Ф. Миллера применить формулу Б.О. Долгих, то численность населения в 1740 г. составила 400 человек, но это только Тогурская и Пиковская волости. В середине XIX в. (1859 г.) численность составила 642 человека, по данным переписи населения, проведённой в 1897 г. в исследованиях А.Ф. Плотникова – 563 чел., в исследованиях С.К. Патканова – 523 чел. В начале XX в. по статистико-экономическим исследованиям В.Я. Нагнибеды численность составила – 569 чел. В 1922 г. численность составила – 459 чел.

В обозначенный хронологический период (с 1629 по 1922 гг.) по приведённым выше материалам можно проследить прирост населения. Он составил: примерно 123 чел.

В XVII в., по общим подсчётам, численность жителей изучаемой территории низкая (относительно середины XIX века, когда численность населения составила 642 чел.), к середине XVIII в. прослеживается относительная устойчивость населения (относительно данных за 1859 г., когда численность населения составила 642 чел.).

На данной территории численность шёшкучов всегда находилась в пределах от 300 до 642 чел.

---

¹Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т 4. Кн. 1. С. 937.

Если в источниках на период с XVII – первой половины XX вв. мы можем встретить численный состав отдельных селькупских поселений, которые относятся к этнолокальной группе шёшкупов, то на период второй половины XX в. многие посёлки перестают существовать, а местные жители разъезжаются в соседние более крупные сёла и города. Так, большинство жителей Киярова, Иготкино, Тяголово, Езенгина, Конерова, Тебеняк были вынуждены переезжать в соседнее Иванкино или уезжали в Колпашево, Тогур. Жители юрт Ромашкиных и Зайкиных перебрались в соседние юрты Инкины и с. Инкино.

В ходе проводимого исследования удалось собрать дополнительные сведения о появлении селькупских посёлков в исследуемом регионе, их селькупских названиях, описать территорию основного шёшкупского населённого пункта – юрт Иванкиных, выявить на ней исторические и культовые памятники. Всё это существенно обогатит историю этнолокальной группы шёшкупов.

Кроме того, на выделенной для исследования территории были произведены подсчёты численности жителей (с XVII – первой половины XX в.), результаты которых показали устойчивость населения группы селькупов на данной территории: не больше 650 и не меньше 300.

Практически обо всех населённых пунктах, выявленных как, возможно, шёшкупские, имеется устная информация жителей о происхождении этих посёлков.

В административном плане данные населённые пункты (юрты/деревни) не принадлежали к одной волости, но были не просто территориально близки друг к другу: жители этих посёлков вступали в брачные отношения друг с другом, считали соседей родственниками.

Можно предположить, что юрты Иванкины, а также юрты Чаршины, Тяголовы и Иготкины (старые) были «самыми древними» из вышеперечисленных населённых пунктов. При этом Иванкино однозначно воспринимается как «резиденция» Сычиных (они считают себя самыми

первыми и «главными» поселенцами на данной земле), а Тяголово – «место Тобольжиных». Однако во второй половине XX в. и Сычины, и Тобольжины совместно проживали в д. Иванкино.

Если сослаться на легенды о происхождении населённых пунктов, видно, что все жители (т.е. все «фамилии») были пришлыми в этих местах, например жители Иванкино, Тебенак, Тяголово, Иготкино постоянно упоминают, кто, откуда и «за кем» (т.е. в каком порядке) прибыли на эту землю. Однако селились они здесь не на пустой территории: есть упоминания о «старом городе» рядом с юртами Иванкиными, существовавшими до прихода Сычиных на эти земли.

Жителей юрт Езангиных, Конеровых, Островных можно считать выходцами из одного насленного пункта – *Керенан-эт* – в верхнем устье Кети (*Таринанг* – по Г.Ф. Миллеру).

Жители Киярово, несмотря на то, что территориально располагались ближе всего к Иванкино, переехали в эту деревню позже жителей д. Иготкино, Тяголово, Езангино, Конерово. У таких близких соседей существовала некая оппозиция (противопоставление) друг другу (частое подчеркивание: «мы не такие, как они»), несмотря на дружеские и родственные отношения. Жители юрт Зайкиных переехали в юрты Инкины (ныне Юрты), которые сейчас входят в состав Инкинского (русского) поселения.

В конце XIX – начале XX в. на изучаемой территории население по численности было достаточно устойчивым, и породненным между собой через брачные связи, что явно вело к складыванию единой этнолокальной группы. Также этому способствовало восприятие юрт Иванкиных как «главного» поселка на данной земле, своеобразного «этнического центра».

Однако со второй четверти XX в. начались процессы интенсивной русификации Нарымского края (спецпереселенческая ссылка, Великая Отечественная война, послевоенные годы) и, соответственно – активные ассимилятивные процессы (подробнее об этом – Л.Т. Шаргородский (1994)¹). В

---

¹Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. 187 с.

конце XIX в. на исследуемой территории исчезли юрты Ромашкины, Чаршины, Островные, Испаевы. В XX в. юрты Инкины, Зайкины, Конеровы, Езангино, Тяголово, Иготкино, Киярово, Тебенак.

Основная масса жителей из этих поселков в поисках лучшей доли переезжало именно в д. Иванкино. Всю вторую половину XX в. этот населенный пункт играл (и продолжает играть) роль центра притяжения обских селькупов (во второй пол. XX в. – уже не только шёшкупов), и является местом концентрации селькупской этничности.

Глава 3. Этническая культура обских шёшкупов

3.1. Хозяйственная деятельность шёшкупов

По общему мнению исследователей, кто занимался изучением хозяйственных занятий селькупов, наиболее важную роль для них в хозяйстве играло рыболовство, так как оно было самым стабильным источником обеспечения пищей. Этому способствовала сама территория проживания селькупов: бесчисленное множество различных водоёмов больших и малых озёр, а также р. Обь с её притоками, курьями и старицами, богатыми рыбой различных пород. Именно наличие обильных рыбных запасов на данной территории было основным фактором активного рыбного промысла, которое являлось основой хозяйственной деятельности местного населения.

Б. Шостакович, не выделяя отдельных населённых пунктов, где ему доводилось собирать материал, дал общее описание рыболовных и охотничьих ловушек и способов их применения на территории всего Нарымского Приобья. Кроме того, данным исследователем был описан процесс изготовления некоторых из них. Говоря о занятиях жителей Нарымского края, автор писал: «здесь нет никаких отхожих промыслов; всё, чем может заняться здешний житель, даёт ему Обь и тайга»¹.

В хозяйственном укладе между остяками, проживающими по Оби, и жителями ее притоков, Б. Шостакович видел существенную разницу. Обских инородцев он называл рыбопромышленниками, а инородцев, проживающих в населённых пунктах от юрт Баранковых к Томску (это тоже жители Оби, но не ее притоков), считал «переродившимися в русское население», тем самым отмечая высокую степень обрусения аборигенного населения края. Обрусение, по мнению автора, выражалось в том, что в населённых пунктах, в особенности выше Нарыма, иногда можно было встретить корову и возделанный огород².

---

¹Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1882. С. 3–4.

²Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1882. С. 8.

Между обскими инородцами и русскими рыбаками автор также находил различия в хозяйственном укладе, несмотря на схожесть основных занятий. Главное отличие между ними заключалась, по его мнению, в том, что «русский также, прежде всего, был рыбопромышленником и только там земледелец, где это, по местным условиям, возможно, ходил он иногда и на звериные промыслы, но никогда не удалялся вглубь урманов по притокам Оби, как инородец-речник»¹.

Хозяйственным занятиям жителей Нарымского края – рыболовству, охотпромыслу, собирательству и др. – посвятил 5 глав в своем исследовании А.Ф. Плотников.²

Важным источником для исследования хозяйственной деятельности обских шёшкупов являются также данные, опубликованные в книге «Нарымский край» (1927) – статистико-экономическом обследовании за период 1910–1911 гг. В данной работе приведены подробные статистические данные по всем населённым пунктам, входившим в исследуемый отрезок Приобья. В поселенческо-групповых таблицах имеются сведения по количеству населения, проживавшего в каждой «инородческой юрте» – посёлке (старожилы в инородческих селениях, новоселы в инородческих селениях, инородцы в инородческих селениях). Также имеется фактический материал по наличию у населения домашних животных (лошадей, коров, овец, собак), посевных площадей, сенокосных угодий, орудий охоты и рыболовства.

Для изучения хозяйственной деятельности обских шёшкупов были рассмотрены материалы, относящиеся к населённым пунктам, находящимся в границах очерченной нами в первой главе территории, – это юрты Иванкины, Кияровы, Езангины, Испаевы, Конеровы, Островные, Тяголовы, Иготкины, Инкины, Зайкины. Данная информация дает достаточно объективное представление о хозяйственных занятиях инородцев перечисленных выше

---

¹Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. С. 10.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 104–111, 291–343.

инородческих юрт (результат анализа таблиц В.Я Нагнибеды см. Гл, 3. Раздел 3.1.1 – 3.1.5).

Основные направления хозяйственной деятельности селькупов (рыболовство, охота и собирательство) рассматривала Г.И. Пелих в своей работе «Происхождение селькупов» (1972). Она посвятила им отдельные разделы в главе «Древние элементы в материальной культуре нарымских селькупов»¹.

Подробное описание хозяйственных занятий селькупов, прежде всего охотничьего и рыболовного промыслов, представлено в разделе А.В. Головнёва и Н.А. Тучковой «Хозяйство» в энциклопедическом издании «Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты» (2005)². Данный материал позже вошёл в монографию «Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка» (2013)³.

Для того, чтобы понять, какие способы лова рыбы и способы охоты были распространены на исследуемой территории во второй половине XX в., и попытаться выявить хозяйственную специфику населения данной местности, обратимся к полевым материалам этнографов.

Г.И. Пелих и студентами (Н.А. Томиловым, Н.В. Лукиной) – участниками её экспедиции 1961 г. – были записаны сведения о рыбном и охотничьем промысле. Записи были сделаны от информантов-селькупов д. Иванкино и д. Киярова: М.Д. Кияровой, Н.Г. Кияровой, А.Ф. Ижучкиной, М.С. Былиной, Р.М. Тобольжина (результат обзора этих записей см.: Раздел 3.1.1., 3.1.2., 3.1.4.).

Полевой материал про охотничий промысел и животноводство жителей д. Киярово был записан Н.А. Тучковой от информантки Е.М. Тузаковой-Кияровой (1995)⁴.

---

¹Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 10–60.

²Головнёв А.В., Тучкова Н.А.. Селькупы. Хозяйство // Народы западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 317–328.

³Тучкова Н.А. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. 318 с.

⁴ПМ Тучковой Н.А. Томск, 1995. С. 1–6.

Кроме того, при написании данной главы обнаружилась острая нехватка конкретных данных о местах добываемой рыбы в окрестностях Иванкино, способах рыбодобычи и орудиях лова, используемых иванкинцами, сведения об охотничьем промысле в изучаемом регионе и др. Поэтому автором данной работы в 2012–2016 гг. были осуществлены поездки в п. Иванкино, Инкино, Тогур, г. Колпашево для поиска этих данных¹.

Полевой материал о хозяйственной деятельности жителей д. Иванкино, а также жителей д. Юрты (юрт Инкиных), с. Инкино был собран для данного диссертационного исследования от потомков шёшкупов и русского населения, тесно контактировавшего с ними.

Информантами были местные рыбаки и охотники: Б.М. Пушкарёв, В.П. Медведев, В.Б. Пушкарёв, В.Е. Мурзин, Л.А. Мурзин, С.А. Мурзин, Ю.Ф. Чаршин, В.Т. Былин, А.А. Анисимов, С.Н. Сычин. О собирательстве и земледелии материал был собран от Н.П. Иженбеной, Н.Н. Тайзаковой, А.И. Сычиной.

Для написания разделов 3.1.1–3.1.5 все собранные данные о хозяйственных занятиях иванкинцев-кияровцев-инкинцев мною были суммированы. В этих разделах принципиально не использован материал, полученный от представителей каких-либо иных локальных групп селькупов (т.е. собран только «иванкинский» материал).

Для сравнения и выявления этнографических особенностей шёшкупов использовался материал по нарымским чумылькупам из публикации Г.И. Пелих² и Н.А. Тучковой³, по кетским сюссыкумам из работы Е.Н. Орловой⁴, а также записи от местного (русского) старожильского населения с. Иванкино, с. Инкино, п. Юрты.

---

¹ПМА. 2012–2015. 77 с.; 2016. С. 23.

²Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 10–60.

³Тучкова Н.А. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. 318 с.

⁴Орлова Е.Н. Население по р.р. Кети и Тьму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 55. Вып. 4. 55 с.

3.1.1. Рыболовство

О своеобразии рыболовного цикла среднеобских селькупов и видах добываемой рыбы. Данный раздел написан практически полностью на полевых авторских материалах¹ с небольшими (но ценными) вставками данных Г.И. Пелих, полученных ею от иванкинцев в 1961 г.

По данным полевых материалов автора, жители Оби, включая Иванкино, хорошо знали сроки миграции и нереста рыбы в течение года. Активный лов рыбы начинался весной, со времени вскрытия р. Оби и её притоков. В апреле – начале мая такая рыба как щука, язь, чебак, елец, окунь поднимается на нерест. В конце апреля – начале мая добывали чебака, окуня, щуку, язя, судака, леща, ельца, плотву. В зависимости от времени вскрытия реки (обычно с 25 апреля) рыбодобыча была запрещена во время нереста. Период нереста длится в течение месяца (с 25 апреля по 25 мая). После нереста рыбы (с 1 июня до ледостава) осуществлялся промысел рыбы².

Во второй половине мая рыбаки готовили ловушки (плели юнги³ для заповров, готовили магаи, подготавливали сети). В конце мая – начале июня уровень воды в реке падает и «нажировавшаяся» рыба начинает выкатываться в более крупные водоёмы (в русло Оби). В это время стриж идет на убыль и начинается активная фаза для лова рыбы, которая нерестилась в пойме. Для рыбодобычи в этот период применяли сети, атарму⁴ и «ряжовки»⁵ разных видов⁶.

В конце июня – начале июля добывали ельца, язя и чебака. Эту рыбу солили, вялили и заготавливали рыбий жир. Когда вода достигала уровня

¹ Выражаю сердечную благодарность моему отцу В.Б. Пушкарёву – жителю с. Инкино, рыбаку с 45-летним стажем – за помощь в поиске информантов-рыбаков и сборе материалов для написания раздела «Рыболовство».

² ПМА. 2016. С. 1–2.

³ Юнги – тонкие, выстроганные из сосновой дранки длинные плашки шириной до 1,5 см, которые переплетают, соединяя друг с другом. Из них сооружают рыбозаградительные щиты в заповрах. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... М., Новосибирск, 2000. С. 717; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 10.

⁴ Атарма – рыбозаградительное сооружение (селькупское название запора – городьбы через реку) См.: Аникин Е.А., 2000. С. 101. Однако русские рыбаки атармой называли чердак, только в уменьшенном размере.

⁵ Термин «режовка» – т.е. редкочейстая сеть – в Нарымском крае стабильно произносят как «ряжовка» (со звуком «я») – это местная диалектная (русская) особенность произношения этого термина.

⁶ ПМА. 2016. С. 2.

берегов, в истоках¹ ставили запоры. Разновидность запоров определялась в зависимости от глубины водоема. Запор использовали для перекрытия истока и удержания рыбы в озере до появления льда в ноябре. На озёрах также ставили однокрылые вентили для добычи карася².

К середине лета рыбаки переходили для лова рыбы на р. Обь. В это время ставили «язёвые» мелкие сети в край тальников, «сырковые» ставили в более глубоких местах, где есть улово (воронка). На Оби в местах, где есть яр для добычи стерлядей, рыбаки устанавливали морды. На песчаной стороне р. Оби, в более мелких местах (косы, закосы) рыбачили бреднем и неводами. Бреднем и неводом добывали щуку, чебака, налима, нельму, сырка, ельца, редко, но попадалась также стерлядь, кастрюк (мелкая стерлядь) и осётр³.

В августе к сетям-ряжовкам, мордам, неводу и бредню добавлялись самоловы, которые изготавливались для лова стерлядей, кастрюков и осетров.

Такие виды ловушек, как морды, фитили, котец (таур)⁴ не требовали постоянной проверки улова (кроме времени замора рыбы). Морду и таур в это время проверяли один раз в три дня, фитили один раз в неделю. Бредень и невод использовали по надобности, поэтому в августе у рыбаков было больше времени для других домашних дел – занимались покосом, сбором дикоросов. Все эти виды рыбной ловли применялись до середины октября – начала ноября, до появления «шуги» – мелкого льда и снега в воде. В сентябре – начале октября шёл активный лов сырка и муксуна. Рыбаки ставили сети в курьях и ловили рыбу ряжевкой (плавежной сетью) с ячейкой размером 40–45 мм⁵.

В конце лета (август) до середины ноября применяли стриж-невод. Название данной рыболовной снасти произошло от мест добычи. Невод выкидывался на большую стрижь и подтягивался к берегу. В XX в. перед

---

¹Исток – место, где начинается водный источник (река, ручей).

²ПМА. 2016. С. 2.

³ПМА. 2016. С. 3.

⁴Котец – запоры открытого типа из деревянных решеток, сооружаются в любое время года, чаще осенью-зимой после первых крепких заморозков (на озере и реке у ключей). Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 73.

⁵ПМА. 2016. С. 3–4.

началом промысла этим неводом русло реки прочищали двумя катерами. Длина невода достигает 500–700 м. Его используют для добычи любой обской рыбы.

Активная рыбодобыча заканчивается до ледостава. Во второй половине ноября и в декабре для ловли карася на озёрах использовали сети и фитили. На истоках и озёрах для добычи карася, ельца, щуки, чебака ставили фитили, сети и тауры. В курье, на р. Оби для лова щуки, нельмы, сырка, муксуна, язя, ельца, чебака и налима ставили сети¹.

На протяжении всей зимы (ноябрь–март) в курьях и на озёрах осуществляется подледный лов рыбы неводом. В декабре и январе речными фитилями добывают налима. Для добычи ценных пород рыбы на Оби, ставили самоловы². Место, где рыбаки ставили самоловы, замечали ещё осенью. Считалось, что если рыба выпрыгивала в определённом месте, то в зимнее время она залегала там, в ямы³.

В январе–феврале идёт замор рыбы на озёрах, курьях, истоках. Рыба от нехватки кислорода скапливается в живцах (места, где бьют ключи и повисает лёд). На этих местах ставят тауры. В феврале–марте рыбодобыча идёт на спад. Рыбаки готовятся к весеннему сезону, подготавливают рыболовные снасти и обласки. Но иногда в это время для добычи рыбы использовали «батушки» (сеть в виде кошеля длиной до 7 м). Она ставится на истоках и узких речках⁴.

По данным Г.И. Пелих⁵ (запись со слов информантки М.С. Былиной), рыболовный цикл жителей д. Иванкино и д. Киярово начинался с июля, а не с апреля, когда наступало оживление рыбного промысла по вскрытии водоемов ото льда. Нельму рыбаки д. Иванкино и д. Киярово в 1950–1960-е гг., по словам названной информантки, добывали, начиная с Ильина дня⁶.

---

¹ПМА. 2016. С. 3–4.

²Самоловы – острые крючки с маленькими поплавками, привязанные на расстоянии друг от друга к кожаной или веревочной тетиве. Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013, С. 76.

³ПМА. 2016. С. 5.

⁴ПМА. 2016. С. 6.

⁵Информантами Г.И. Пелих по рыболовству были местные женщины (М.Д. Киярова, Н.Г. Киярова, А.Ф. Ижучкина, М.С. Былина), оставшиеся в послевоенное время без мужей, которые погибли на фронте (1941–1945 гг.).

⁶ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16.

Также М.С. Былина рассказывала, что в начале сентября иванкинцы начинали добычу осетра. Со второй половины сентября начинал «нершиться» (нереститься) сырок, потом муксун. В декабре–январе в д. Иванкино ловили налима. Самый последний лов рыбы осуществлялся в конце января. С января у местных жителей были свои заморные места, где ловили чебака, язя, щуку. В период с января по апрель добывали карася¹.

Другая информантка Г.И. Пелих – А.Ф. Ижучкина – о периодах рыболовного цикла у жителей д. Иванкино вспоминала следующее: «иванкинцы раньше весной промышляли ряжовками (плавежной сетью). Летом в начале июня, когда истоки высыхали и «нажировавшаяся» рыба возвращалась с заливных лугов в реки, они продолжали рыбачить. К концу лета (в августе) местные жители не промышляли, а ставили сено и ехали заготавливать орехи. После заготовки ореха, приезжали и начинали «неводить» рыбу и «садить в садки». Неводили по двадцать человек. Когда река застывала, начинали ломать ямы². В январе – феврале рыбаки не промышляли, а возили сено и дрова. Когда река «вставала» – они [рыбаки] сразу самоловы кладут и ставят сети. В марте начинали опять промышлять ряжовками»³.

По материалам, записанным Г.И. Пелих от информантов М.С. Былиной и А.Ф. Ижучкиной, было выявлено, что рыбопромысел у иванкинцев был не круглогодичный. Существовали периоды интенсивной ловли рыбы (июль, сентябрь–декабрь, декабрь–апрель) и периоды, когда рыбу почти не добывали (январь–февраль, май–июнь, август).

К концу XIX – нач. XX в. ситуация изменилась. По данным полевых материалов автора, собранных в 2013–2016 гг., рыболовство стало фактически круглогодичным (без существенных перерывов), но с выделением четырех сезонов, в каждый из которых несколько менялся сортовой состав рыбы и способы ее добычи. Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие

---

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16–17.

²Ломанье ям – способ лова рыбы в период замора воды, своеобразная облава на рыбу, которая залегала в «зимовальные ямы» (глубокие участки русла Оби). Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 73.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 23.

сезоны внутри рыболовного цикла на данной территории: весенне-летний, летне-осенний, осенне-зимний и период замора.

Никто из современных информантов-рыбаков д. Иванкино, д. Инкино не назвал такие особенности рыболовного цикла, какие упомянуты в материалах Г.И. Пелих. Можно предположить, что информантки Г.И. Пелих вспоминали период первой половины XX в. Эту особенность – прерывистость рыболовного цикла – можно оценить как утраченную, и рыболовный цикл в настоящее время можно назвать круглогодичным. В каждый из выделенных рыболовных сезонов (периодов) рыболовство не прекращается, а лишь сменяется с озёрного на речное, и наоборот. В зависимости от времени года, погодных условий и местности менялись и орудия лова.

Месяцами наиболее интенсивной рыбодобычи можно считать летний период: июнь–июль, осенний: сентябрь–ноябрь, зимний: декабрь и первая половина января, весенний период:– март–апрель. Более пассивными месяцами для рыбодобычи считают период со второй половины января, февраль и август.

Жители д. Иванкино добывали в июле нельму, в начале сентября стерлядь и осетра, во второй половине сентября сырка и муксуна, в декабре ловили налима, в январе – чебака, язя, щуку, в феврале, марте и апреле – карася, ельца. Основными способами добычи рыбы были сетевой лов, неводной лов, ломание ям в период замора рыбы¹. Основными орудиями лова у жителей д. Иванкино были ряжовка (плавая сеть), сети, невод, самоловы.

Внедрение плановой экономики в 1930-е гг. привело к тому, что задействованными остались только те способы добычи рыбы, которые давали большой улов. В послевоенные годы рыбодобыча окончательно перешла в руки государства, рыба стала добываться в больших (промышленных) масштабах. Рыбаки (шёшкупы и местные русские жители) были разделены на бригады, и

---

¹Замор рыбы – массовая гибель рыбы от удушья в результате кислородного голодания, вызванного недостатком или полным отсутствием растворённого в воде кислорода. Чаще замор происходит в зимний период (январь-апрель) и связан с продолжительными сильными морозами, которые способствуют замерзанию воды, заливающей все трещины ледяного панциря водоёма, что сопровождается массовой (практически стопроцентной) ежегодной гибелью промысловой рыбы и её молоди во многих замерзающих водоемах (<http://bioword.narod.ru/Z/Z016.htm>).

для выполнения плановых заданий они, как правило, использовали только невода, сети и запоры. Именно поэтому многие способы лова, традиционные для шёшкупов, к середине XX в. перестали быть востребованными либо использовались крайне редко.

З.П. Соколова, побывав в с. Иванкино в 1958 г., также отмечала следующие изменения: «...сейчас распространён в основном способ лова рыбы сетями, а также неводами. Рыбаки имеют моторные лодки, катера, снабжены капроновыми сетями; невода вытаскивают лебедки, рыбу принимают рефрижераторы. Здесь на базе колхозов созданы государственные и кооперативные промысловые хозяйства»¹.

Термины для разных видов рыб. Лингвистами были собраны шёшкупские названия видового состава рыб. Эти термины могут дать представление, какую рыбу иванкинские шёшкупы ловили и употребляли в пищу. На основе выявленных названий по селькупско-русскому словарю² (1994), подготовленному В.В. Быконя и представляющему лексику именно шёшкупского диалекта, была составлена таблица «Названия рыб на шёшкупском диалекте». Наименования, зафиксированные в данном словаре, показывают, что видовой состав рыбы, характерный для шёшкупов, совпадает с видовым составом, типичным для всего Нарымского Приобья. Исключение составили термины для чебака³ и ерша: их не оказалось в словаре В.В. Быконя (1994). Однако в «Селькупско-русском диалектном словаре» (СДС, 2005) термин для чебака на шёшкупском был представлен в форме *пяде (об.Ш.)*⁴.

Термин для обозначения такой рыбы как ёрш на шёшкупском диалекте не зафиксирован ни в одном из известных словарей. В «Селькупско-русском диалектном словаре» (2005) название для ерша записано только на сюссыкумском и чумылькупском диалектах (об. С. *нарса*; об. Ч. *нарша*)⁵. В

¹Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982. С. 121.

²Быконя В.В. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский [шёшкупский диалект]. Томск, 1994. 93 с.

³Чебак или сибирская плотва – подвид плотвы, лучепёрой рыбы из семейства карповых, распространённый в Сибири и на Урале.

⁴Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 144.

⁵Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 142.

таблице, составленной Н.А. Тучковой «Селькупские названия рыб», ёрш представлен только в графе нарымского (чумылкупского) диалекта в форме *nerša*¹.

В целом, сопоставив таблицу «Названия рыб на шёшкупском диалекте», составленную мною, и таблицу «Селькупские названия рыб» Н.А. Тучковой, где представлены названия рыб на кетском, нарымском и тазовском диалектах селькупского языка, можно сравнить и выявить совпадения, а также, что особенно важно, несовпадения терминов. Итак, совпадают названия на шёшкупском и нарымском: язь (Ш. *lā* / Н. *lã*), карась (Ш. *тод* / Н. *tod*), елец (Ш. *кванд* / Н. *qwende*), налим (Ш. *ню* / Н. *ñü*), осётр (Ш. *қвэгыр* / Н. *qwegir*), стерлядь (Ш. *нōдык* / Н. *nōdek*), муксун (Ш. *кōр* / Н. *qōr*), нельма (Ш. *вандж* / Н. *wandž*), сырок (Ш. *шыд* / Н. *šed*)².

Не совпадают с нарымским диалектом термины для чебака (Ш. *пяде* / Н. *päž'e*) и щуки (Ш. *пеття* / Н. *piča*);

Названия для пескаря и линя не были записаны ни в шёшкупском, ни в тазовском диалекте, но записаны в нарымском (чумылкупском) и кетском (сюссыкумском).

Исходя из представленных терминов, записанных на шёшкупском диалекте, можно сделать вывод, что названия для таких рыб как язь, карась, елец, налим, осётр, стерлядь, муксун, нельма, сырок не отличалась от названий их ближайших соседей – чумылкупов. Перечисленная рыба считалась «благородной», шла на продажу и употреблялась в пищу местными селькупками. Для таких рыб как чебак и щука существовали диалектные отличия в названиях (и это можно учесть как диалектную специфику – результат диалектной дивергенции).

Шёшкупские названия для таких видов рыб как пескарь, линь и ёрш вовсе отсутствовали в словарях. Информанты утверждают, что пескаря и линя нет в местных водоёмах, они такую рыбу «не знают». При этом ёрш в некоторых

¹Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013, С. 66.

²Быконя В.В. Словарь..., Томск, 1994. 50–93; Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 66.

иванкинских водоёмах присутствует, и отсутствие термина для него в словарях можно объяснить тем, что для шёшкупов эта рыба была мало значимой. О ней, как минимум, не вспоминали при беседах с лингвистами. Можно предположить, что эту рыбу местные жители не ловили и, вероятно, не употребляли в пищу.

Таблица 4 – «Названия рыб на шёшкупском диалекте»¹

Рыбы	Название рыб на шёшкупском диалекте
Карповые	
Язь	лā
Карась	тод
Елец	кванд
Чебак (плотва)	пяде ²
Окунёвые	
Окунь	каза ³
Щуковые	
Щука	пеття
Тресковые	
Налим	ню
Осетровые	
Осетр	қвэҗыр
Стерлядь	нōдык
Сиговые	
Муксун	кōр
Нельма	вандж
Сырок	шыд

О соотношении речного и озёрного рыболовства. У среднеобских селькупов рыболовство было представлено двумя видами – речным и озёрным. На исследуемой территории самым стабильным источником обеспечения пищей были р. Обь, протока Полой, которая впадает в Обь, протока Пурьянга, которая впадает в р. Кеть через Прямой исток и множество озёр.

В р. Обь промысловыми являются осётр, стерлядь, чебак, окунь, щука, нельма, муксун, сырок, елец, налим. В озёрах добывают карася, щуку, окуня, чебака, язя. Всю вышеперечисленную рыбу также добывали в р. Кеть и в р.

¹Быконя В.В. Словарь..., Томск, 1994. С. 53–93.

²Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 184.

³Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 144.

Шудельке, но особо ценные породы рыб ловилась в малом количестве. В речке Пурьянге жители д. Иванкино добывали стерлядь «дёнками» – «мелкостенными» сетями с одним или двумя режаками («окошки» из толстых ниток). Такие сети ставили на любую стреж. В протоке Полой ставили сети, а также рыбачили бреднями и неводками (небольшого размера неводы для лова мелкой рыбы). Таким способом добывали ерша, щуку, чебака, леща¹.

В.Е. Мурзин, проработавший в рыболовецкой бригаде д. Иванкино более 20 лет, говорил, что иванкинские рыбаки для промышленного лова рыбы неводили в основном в протоке Чаршино (все лето) и ставили запоры в Киярихе (Кияровский чвор²). Эти два места давали самый большой улов по сравнению с другими рыболовными угодьями. В Киярихе и в чворе Ковольё рыбаки устанавливали в основном тауры. На р. Пурьянга неводили в основном осенью. На озёра, которых в окрестностях д. Иванкино было много, ездили неводить карасей³.

В период 1930–1970-х гг. основными местами рыбодобычи для жителей д. Иванкино и д. Тебенак были: Тебенацкая курья, озеро Русалево, Кажпар (Мамонтово озеро), Линёво озеро, Развилостое озеро. К территории д. Иванкино относились также Чаршинская протока, Егоркинская протока (Чаршино), Миходеевская протока (Чаршино), Прямая протока, Сырковый чвор, Кияровский чвор, Кияровская протока, Маркин чвор, Змеинное озеро, Дедушкино озеро, Камышовое озеро, Ломовое озеро, Песчанное озеро, озеро Скрипка, озеро Кривое⁴.

На территории проживания обских шёшкупов от информантов, проживающих в д. Иванкино, А.П. Дульзоном и Э.Г. Беккер было зафиксировано более 100 селькупских названий озёр, проток, чворов, а также названий для курьи и истоков (подробнее см. раздел 3.1.4).

---

¹ПМА. 2012–2015. С. 6.

²Чвор – озеро с выходом в реку.

³ПМА. 2016. С. 3.

⁴ПМА. 2016. С. 4–8.

Не случайно названия местных водоёмов связаны как с географией местности, так и с жизнедеятельностью людей – озёра выглядят как «отделы» в рыбном магазине: куда (на какое озеро) нужно поехать, чтобы добыть ту или иную рыбу: «Язевый исток», «Красное карасевое озеро», «Малое озеро», «Озеро, куда морду ставят», «Сырковое озеро», «Окунева ямка», «Чебачий исток»¹.

В 1933 г., в связи с образованием в Иванкино промартели «Ударник», были определены следующие рыболовные участки, которые входили в границы поселения: «Березовая курья, Киярова курья, протока Чаршино, Пурьянга, Квеж с истоками и чворами, Пядегвеж, Шиндегвеж. Кроме Иванкинского острова в пользовании артели оставался остров, образованный Малой и Большой Пурьянками, Мучи, Тебеньякская сторона (остров между Полоем и Пурьянками)»².

Способы рыбной ловли у селькупов можно разделить на активные и пассивные. В связи с таким делением определяется и набор рыболовных орудий.

Б. Шостакович все принадлежности для промыслов, в том числе и для рыбной ловли называл «созданием инородческого ума» и разделял орудия на две группы: «орудия, важные по лову и интересные по способу установки их». Ловушка, удобная или выгодная в одном месте, могла не иметь никакого значения в другом. Рыбу инородцы добывали разными способами, носящими свои особые названия: «неводили, чердашничали, самоловничали, переметничали, котиярничали, перничали, запирали, ловили фитилями, колыданами, атармами, сежами, ызами, заызками»³.

Таким орудиям лова, как невод, чердак, переметы, сети, самоловы, ызы, фитили, вентиля, морды, ряжовки, марамжа (тауры), лума, удочки, жерлицы

¹Приложение А. Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино. Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова А.Д., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 203.

³Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. С. 7, 10.

Б. Шостаковичем были сделаны подробные описания их устройств и особенности их применения¹.

Кроме того, им были описаны такие приемы рабодобычи, как «кривдывание» и «котьярный», о котором современные информанты не имеют никакого представления².

А.Ф. Плотников в книге «Нарымский край» основными хозяйственными занятиями инородцев в конце XIX в. называл зверо- и рыбопромыслы. При этом исключительно промысловым видом им был назван неводной способ рабодобычи. «Неводные заведения», которые содержали местные купцы или другие богатые люди на арендованных у инородцев и крестьян песках, осуществляли основной промысел рыбы, причем главную рабочую силу составляли нанятые инородцы. Из инородческих территорий, которые входят в ареал расселения шёшкупов р. Оби, автор называет только Инкинские пески³.

По данным В.Я. Нагнибеды, исходя из зафиксированных им орудий рыбной ловли, можно отметить рыболовный инвентарь для собственного потребления в ближних водах и рыболовный инвентарь на продажу. К инвентарю для собственного потребления автор относил все известные на тот период сети, невода (т.н. вязку), переметы, чердаки и атармы, морды, кривды, фитили и другие ловушки⁴.

Так же им были отмечены юрты, где рыболовством занимались только в промышленных масштабах. К ним относились юрты Тяголовы, Кияровы, Зайкины и Конеровы. В юртах Иготниных, Инкиных, Езангиных, Испаевых и Островных промысел рыбы носил товарный характер, однако некоторые хозяйства ловили рыбу и для собственного потребления.

Набор рыболовного инвентаря, независимо от того, осуществлялся ли лов рыбы для себя или в промышленных масштабах, был одинаков: селькупы использовали в основном сети, невода, самоловы. Жители юрт Езангиных,

---

¹Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. С. 10–33.

²Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. С. 10–33.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 104, 108–109.

⁴Нагнибеда. В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. С. 16–25.

Иванкиных, Кияровых, Инкиных и Зайкиных во время рыбопромысла практиковали такие рыболовные ловушки, как чердак, морда и фитиль; осуществляли также и атарменный лов¹.

А.Ф. Плотников у нарымских селькупов отмечает следующие орудия лова: небольшие невода, сети (сети-ряжевки), чердаки, атарена (атарма), сежа, кривда, запоры, переметы, самоловы, колыданы, езы, фитиль или вентиль, марамжа (тауры, котец)².

Г.И. Пелих было выявлено 8 орудий лова, самыми распространенными из которых у нарымских селькупов были котцы и сети³.

Во всех уголках Нарыма, заселённых селькупками, от самых южных районов до северных Г.И. Пелих выделяла такие орудия лова рыбы как (котец (тавур), старинный деревянный невод (мазанг), сети (пок, понг), запоры, атарма, квэж, фетиль (магай), и способ лова рыбы пюрманчу («замор», «ломание ям»))⁴. Способы лова рыбы выделялись автором преимущественно на южном материале, в том числе и на материалах этнографической экспедиции 1961 г. в д. Иванкино. Г.И. Пелих в своем исследовании отмечала, что «рыболовство занимало одно из первых мест в хозяйстве всех нарымских селькупов. При неудачной охоте на зверя рыба оставалась единственным спасением от голода. Только обеспечив хозяйство рыбой, селькупы могли заняться пушным промыслом»⁵.

Н.А. Тучкова выделила следующие способы лова, известные у селькупов: промысел сетями (сети (плавные, ставные), неводом, самоловами, промысел городьбой или запорами (летний, зимний), подледный лов, глушение рыбы, «ломание ям», лучение рыбы)⁶.

Таким образом, из всех публикаций, посвященных рыбодобыче, были выявлены следующие рыболовные снасти, зафиксированные в разных группах

---

¹Нагнибеда. В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. С. 14–37.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 312–323.

³Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 10–17.

⁴Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 10–14.

⁵Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 14.

⁶Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 64–77.

нарымских селькупов: невод (большой, маленький, деревянный старинный (мазанг)), чердак (сельк.: кожпан), перемёты, сети (плавные, ставные; они также классифицировались по размеру ячеи, среди которых особо выделялись «режовки» – крупноячеистые (т.е. редкочечистые) сети), самоловы, фитиль (магай) или вентиль, морда, котец (сельк.: тауры), удочки, жерлицы, атарма.

Способами добычи рыбы у нарымских селькупов были: котцовый способ, промысел городьбой или запорами (летний, зимний) (сельк.: квэж), к запору можно отнести и земляную плотину – пюрманчу¹. Особым способом добычи считалось «ломание ям» в период замора рыбы (добывали её самоловами), глушение рыбы, лучение рыбы).

Сетевые снасти (ряжовка, невод, бредень).

Неводами² добывали (с июля по сентябрь) нельму, стерлядь, сырка, щуку, язя и прочую мелкую рыбу, осётр попадался редко. Более ценная рыба не солилась (стерлядь, муксун, осётр), а после улова отпускался в сады (устраивались там, где есть озёра с проточной водою, которые загоразивались юнгами)³.

В д. Иванкино, по воспоминаниям рыбачки М.С. Былиной (родом из Тяголого), для активного лова рыбы весной использовалась ряжовка «двухрядка» (плавежная сеть) и «сырковые» сети, ширина, которых составляла 2 сажени, а длина достигала 15 м. Также использовали «язёвую» сеть⁴, которая была мельче и называлась «лайбок». Задняя стенка «язёвой» сети состояла из крупных ячеек (22 на 22 см), а передняя – частая (4,5 см). Сети ставили, где хотели, а летом ловили рыбу «бродником» (бреднем)⁵. Рыбаки д. Иванкино изготавливали и использовали ряжовки для лова сырков и язей, невода и

¹Пюрманчу – земляная плотина, перекрывавшая реку, т.е. затапывание реки.

²Невод – большая сетевая снасть (до нескольких сот метров в длину), используемая в основном летом, после спада большой воды, когда обнажаются отлогие берега – пески. Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 68.

³Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 104, 108–109.

⁴Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.8 – Язевая сеть.

⁵ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16–18

бредень. Стандарт сети ряжовки был 25 м, но в Иванкино, по воспоминаниям М.С. Былиной, длина такой сети достигала 15 м¹.

Для пассивного («обманных») способа лова использовали запоры, котцы (таур), атарму, фитили (магай), морды, чердаки.

О запоре. Для того чтобы рыба не ушла из пойменных озёр в реки весной – в начале лета рыбаки перегораживали небольшие речки, протоки, старицы запорами. Запор изготавливался из деревянных пластинок, скреплённых друг с другом металлической нитью (проволокой). Эти деревянные пластины (юнги)² изготавливались из прямослойной сосны (мелкослойного дерева). Примерная ширина одной юнги составляла 2–3 см, высота 1–1,5 м. Установка запоров зависела от ширины и глубины водоёма. Длина запора могла быть от 5 до 100 м. Колья (юнги) вбивались крест-накрест, между ними проходил канат, к которому крепилась «дель» (верхняя часть запора, чтобы рыба не перепрыгивала через верх), а на низ привязывалась железная цепь, которая перекрывала любые неровности³. Юнги применяли также при установке магай и таура.

Котец (таур). Местные русские жители с. Инкино Б.М. Пушкарёв и В.П. Медведев, которые сами занимаются рыбной ловлей уже более 60-ти лет, считали, что «котец (таур) был придуман остяками. Местные остяки всегда знали, как и где правильно устанавливать орудия лова. Для изготовления таура практически ничего не было нужно, только правильно его поставить»⁴.

Таур ставили на истоках и озёрах, в основном для добычи щуки и чебака. Исток перегораживался юнгами от одного берега до другого. Когда на истоке застывал тонкий лед, рыба подходила к юнге и проходила в таур через заходы (5 см) в «бочонки» (часть таура собиралась из юнг в виде полукруга). Чтобы сделать 1 «бочонок» требовалось от 65–70 юнг. Бочонок устанавливали в три

¹Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.8 – Язевая сеть.

²Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.14 – Изображение юнг для запора.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16, 21; ПМА. 2012–2015. С. 5.

⁴ПМА. 2012–2015. С. 2–3.

переплета – верх и низ конструкции составлял по 15 см, и посередине был переплет. Чтобы поставить один таур могло уйти 3–6 бочонков.

На озере таур ставился от края берега с использованием обмана в виде двух «бочонков», так как рыба в озере заходит в бочонки от края берега у живцов (место, где бьют ключи). Отличие установки тауров в истоках и озёрах заключалось в их установке. На истоке таур перекрывался юнгами от берега до берега, а в озере ставилась поперечная юнга, и бочонки уходили в озеро.

Тауры ставят с периода покрытия озёр льдом. Мелкие озёра «загорают» рано (ноябрь–декабрь) рыба начинает идти в берега и «задыхается», а глубокие озёра «загораются» в марте-апреле и не каждый год, если зима тёплая, то рыба может вся выжить, если зима холодная, рыба вся может погибнуть¹.

Атарма. Б. Шостакович в своем исследовании «Промыслы Нарымского края» (1882) такую ловушку как атарма выделял только около с. Инкинского. Её применяли в то время, когда р. Обь очищалась ото льда. Устройство атармы было сходно с чердаком, который ставится у яра на незначительной глубине. На р. Кеть такая ловушка, напоминающая чердак в малых размерах называлась сежей².

Селькупы под атармой понимали иную снасть: атарма – это запор, его изготавливали из длинных прутьев и ставили до прихода воды через протоку и в маленьких перегороженных речках. Протоки и маленькие речки перегораживали кольями от берега к берегу. Посредине оставляли ход для ловушки (фитилей). Когда протоку затопляло, рыба там задерживалась.

*Фитиль*³ (*магай*⁴) использовали для загородки на стреже, для добычи чебака, окуня, щуки, язя. «Летом на озёрах устанавливали «карасёвые» фитили, весной на реке «налимьи» фитили. «Налимий» фитиль был с юбкой (труба из

¹ПМА. 2012–2015. С. 2–3; ПМА. 2016. С. 5.

²Шостакович Б. Промыслы Нарымского края...Омск, 1882. Кн. 4. С. 25. Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.13 – Атарма.

³Фитиль – сетевая ловушка. В селькупском языке нет термина для названия ловушки типа «фитиль». Г.И. Пелих даёт термин магай в значении «фитиль». Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 73. Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.9 – Фитиль однокрылый; Рисунок В.10 – Фитиль двукрылый; В.11 – Фитиль с юбкой.

⁴Магай – длинный сетяной рукав, в основании которого вставляется деревянная квадратная рама, а в середину – три деревянных обруча (диам. 60 см). От основания магая расходятся в разные стороны сетяные крылья. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 12.

крыла), его устанавливали парами. Были «двукрылые» фитили, когда одно крыло опускалось в реку, а другое оставалось на берегу. Русские рыбаки фитиль также называли *вентелем*. Рыбу из фитиля вытаскивают через низ, т.е. распускают шнуры в самом низу¹.

*Чердак*² (*кажпан*) – сетяной мешок на длинном бревне – ставили на реке весной (в апреле). Место для него выбирали там, где стреж была быстрая и от берега примерно в 20 м. Во льду долбили отверстие, ширина которого была примерно 30 см. Длина должна была быть не больше самого чердака. Чердак крепился лесинами – длинными бревнами (6 м). Бревно опускалось в воду вертикально на 1,5 м. Чердак привязывали на арчу (арча) – жердь, на которой держится чердак. Привязывали вплотную к лесинам жерди, на которые был прицеплен чердак. Двое рыбаков с двух концов, опуская жерди в воду, топят ловушку. Верхний конец жердей был привязан у самого льда к лесинам, чтобы арча не поднималась. Мешок (длина сети – 12 м, ширина горловины – 10 м) располагается вдоль течения и прижимается к мешку сильным течением и выплыть не может. Таким способом добывали нельму, муксуна, стерлядь, налима, сырка, язя)³.

*Морды*⁴ (*селье.*: *кар*; *русс.*: *корчажки*) плелись круглые «стерляжки» и продолговатые для соровой рыбы (чебак, щука, окунь, ёрш). Морды для соровой рыбы отличались своей длиной (не длиннее 1 м), а также просветами между прутьями. В Инкино и Иванкино оубаки для изготовления морд брали только природные материалы и не применяли в плетении проволоки. Таким природным материалом служили прутья краснопрутника⁵. Морду плели с «язычком», его длина достигала до 1,6 м. Мордами рыбачили весной, опускали их на дно реки и, таким образом, добывали по 7 центнеров стерлядей.

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 19–20; ПМА. 2012–2015. С. 3, 17.

²Чердак – сетевой мешок длиной около 12 м с горловиной 3×10 м, опускаемый на жердях под лед. Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 73.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 21. См.: Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.12 – Чердак.

⁴Морда (корчажка) – ловушка плетеная из прутьев с квадратным или круглым основанием. Разновидностью морды была корчажка для мелкой рыбы. Пелих Г.И. Томск, 1972. С. 12.

⁵Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино. Рисунок В.12 – Морда.

Мастером по плетению морд в д. Юрты (юрты Инкины), по воспоминаниям В.П. Медведева, был селькуп Егор Колманаков (родом из Иготкино). Колманаков Егор был удачливым, опытным рыбаком. Он мог поставить ловушки в двух местах и добыть «целую ванну» стерлядей. Осенью он садился изготавливать морды для продажи (плёл по 200–300 шт.)¹. Мордами в 1950–1960 гг. в д. Иванкино, по воспоминаниям В.Е. Мурзина, уже не промышляли. Изготавливали морды и промышляли ими только в д. Тебенак, и в основном – рыбаки из семьи Мурзиных².

Ломанье ям. Г.И. Пелих в своём исследовании в качестве примера старинного способа лова «ломание ям» называла места, где находились ямы с особо богатыми уловами. Такими местами были ямы на Оби у юрт Баранаковых, Тайзаковых, Иванкиных, Иготкиных, Тяголовых, Инкиных, Парабели.

В разгар зимы, когда начинался замор воды, и рыба из-за нехватки кислорода залегала в «зимовальные ямы» (глубокие участки русла Оби), селькупы проводили своеобразную облаву на рыбу, называемую «ломаньем ям».

Богатыми уловами славились ямы на Оби у юрт Тайзаковых, Баранаковых, Иготкиных, Теголовых, Иванкиных, Инкиных, Куяльцевых.

В старину день ломания ям назначался заранее. На места, где проходила рыбодобыча съезжались рыбаки из соседних деревень. Лед над ямой делился на участки и распределялся по жребью. Жеребьевку проводили с вечера, а утром все по сигналу бросались к месту ломания ямы. Количество добычи зависело не только от места (к центру ямы было больше рыбы), но и от быстроты опускания невода. Кто начинал первый, тот добывал больше рыбы»³.

Более подробное описание такого способа лова рыбы в д. Иванкино дает Р.Д. Сычин. Он вспоминает применение другой снасти (самолов-«стяжек») в день ломанья ям в 1920-е гг.: «В Иванкино было три ямы: большая, средняя и малая. Старики делят лед на порядки. Начинают по выстрелу: долбят пешней

---

¹ПМА. 2012–2015. С. 16–18.

²ПМА. 2016. С. 3.

³Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 13.

поды (проруби) и опускают самоловы. Женщины помогают мужчинам тем, что сачком вычерпывают лед¹. Мужчины пропускают через проруби «стяжки», укрепляют и тянут по воде. Все торопятся – скорей-скорей. Стерлядь от шума поднимается вверх и попадает на крючки. Почти на каждом крючке бывает рыба. Проверяют самоловы несколько раз за день, а также оставляют их на ночь. Дети около дома расчищают место для рыбы, помогают взрослым ее сортировать для продажи и укладывать по размерам: 20 штук на пуд, 30 штук на пуд, 40 штук на пуд. Пока рыба замерзает, мальчишки отгоняют собак. Вечером хозяйки варят стерляжью уху. Наутро все собирают свои самоловы – ломанье ям закончилось. Рыба, пережившая этот день и ночь, может до весны больше не беспокоиться»².

Ю.Ф. Чаршин, уроженец Иванкино, о таком способе лова рыбы слышал от своей мамы И.В. Чаршиной (Невсогиной). У ее отца, который жил в Зайкино, был свой стрепесок (примерно 650 м)³.

Лов рыбы удочкой и лучение рыбы. В детстве способ лова рыбы острогой и удочкой для местных мальчишек были забавой. «Удочками рыбачили только дети. Сети и обласки были в доме у каждого и рыбы в водоемах было большое количество, так что рыбалку удочкой и острогой никто в серьез не воспринимал. Считали, что это отнимало много времени»⁴.

Информантка Н.Н. Тайзакова вспоминала, как дети из д. Иванкино и Тебенак ловили стерлядь руками. Когда пересыхала протока и рыба не могла пройти, дети вылавливали ее руками. Стерлядь вылавливали и ели ее еще живой (стерлядки были небольшого размера)⁵.

Средство передвижения во время рыбалки. В связи с развитием рыболовства, большую роль в хозяйстве селькупов играла лодка, как средство передвижения. Во всех ареалах проживания селькупов таким средством

---

¹Приложение В. Рисунки. Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961. г. Иванкино. Рисунок В.6 – Черпак для льда; В.7 – Ледокол.

²Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 74.

³ПМА. 2012–2015. С. 16–18. Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 73.

⁴ПМА. 2012–2015. С. 6; 2016. С. 1.

⁵ПМА. 2012–2015. С. 3.

передвижения являлась лодка-долблёнка – обласок. Самым распространённым типом лодки была легкая долблёная или берестяная лодка, которую селькуп на водоразделах переносил на себе на расстоянии 1,5–2 км¹.

Инструмент для изготовления обласков назывался «сукол» и «кюр»². Таким инструментом сначала прорубали борозду. При вырубке обласка применяли также обычный топор и инструмент «кюр»³.

По словам рыбаков – Б.М. Пушкарёва, В.М. Медведева, В.Е. Мурзина, которые сами изготавливали обласки и вёсла, специфики в изготовлении в соседних друг от друга деревнях Иванкино, Инкино, Юрты, Круглое, Мысовая не было. Также не отличались обласки для передвижения по озёрам и рекам. Длина обласка была от 3,5 м до 5 м. Высота бортов зависела от толщины ствола дерева. А толщина определялась по объёму дерева двумя руками, чтобы руки друг друга не доставали на 20–25 см. Для изготовления обласка должна быть одинаковая толщина стенок и дна у заготовки. Дерево ошкуривалось – убиралась «болонь» (кора и слой под карой дерева), на обласок шла только сердцевина.

Перед тем, как начинали долбить, будущему обласку придавали форму и через определенные участки сверлили отверстия шириной 2,5 см. Из балберы (дерево или кора черного тополя) изготавливались пробки и вбивались в эти отверстия. После этого начинали долбить внутри обласка и заканчивали когда доходили до пробок. Уже выдолбленный обласок начинали разводить. Разводка при теплой погоде занимала 1–2 дня, при холодной погоде одну неделю. При низкой температуре заготовку для обласка нагревали (разводили костер). Для развода обласка в большом количестве готовили палочки, сделанные из прутьев. Заканчивалось время разведения бортов обласка по решению мастера (если нужен был широкий обласок, то держали дольше по времени).

---

¹их описание см.: Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 15; Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 95.

²Сукол и кюр – виды тесел для обработки дерева. Пелих. Г.И. Томск, 1972. С. 15.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 55.

Посадка – ширина обласка была от 70 до 90 см. Нос лодки заостренный, а корма (зад), где сидел человек, шире на 5–10 см. Обласок мог поднять до 3–3,5 центнеров рыбы. Обласки местные жители изготавливали обычно из ветлы – ивы (это дерево широко росло по берегам Оби), так как это дерево лёгкое: 1 куб. м. ветлы весит 550–600 кг.¹

Если не было ветлы, то обласок изготавливали из осины, но он был заметно тяжелее. Обласки перетаскивались рыбаками с озера на озеро. Его брали за борта, поднимали вверх на голову (голова была опорой), и перетаскивали или тащили волоком. Переднюю часть обласка делали заостренной, в ней сверлили отверстие и вставляли круглую палочку (длина 20–25 см, толщина 25–30 см), за которую было удобно тянуть при переноске волоком².

Чрезвычайно ценной является информация, собранная Г.И. Пелих, о бытовании у иванкинцев в прошлом берестяных лодок. Устные, довольно подробные рассказы о такой лодке были записаны в д. Иванкино и г. Колпашево от информанта Б.А. Потапова. На таких берестяных лодках будто бы ездили деды современных селькупов. В подтверждение своим словам, Б.А. Потапов сделал рисунок такой лодки, которую он видел у своего деда из рода Сычиных. Он вспоминал, что «дед на лодке не ездил, а остатки ее просто валялись в сарае»³.

Берестяную лодку такого типа он описывал следующим образом: «Ее размеры были как у маленького обласка. Каркас лодки делался из черемухи. Вверху шел черемуховый обруч, согнутый в виде удлинённого овала, суживающегося к носу и корме. К верхнему обручу привязывались черемуховые прутья в виде полукругов, которые образовывали каркас дна лодки. Полотнища бересты прикреплялись только к верхнему большому обручу, свободно провисая под обручами днища. Лодка делалась двойной. Сверху в нее вставлялась точно такая же вторая лодка. Это делалось для того,

---

¹ПМА. 2016. С. 8.

²ПМА. 2016. С. 4–5.

³Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 16.

чтобы лодка не затонула, если наружный слой бересты прорвётся. На обручи днища верхней лодки клали тонкие деревянные дощечки. На них садились сами и клали груз»¹.

Передвижение на обласке. Если дно было хорошо разведено при изготовлении, то в обласке можно было ехать стоя. В корме и в носу изготавливались две беседки для двух человек, но при изготовлении большого обласка, который достигал 5 м в длину и до 90 см в ширину, могли усаживаться 3 рыбака². Е.М. Тузакова-Киярова, уроженка д. Киярово, вспоминала, что когда первый раз в обласок садилась, ей – ребёнку, макушку водой мочили, чтоб «водяной в воду не утащил»³.

Вёсла. Весло каждый рыбак изготавливал себе сам индивидуально. Высота весла зависела от роста будущего владельца. Его размер определяли от уровня подбородка до ступней человека. Весло изготавливали прямое, либо с загибом лопасти. Считалось, что полузагнутым веслом (слегка загнутая лопасть) было легче грести и управлять обласком. Для изготовления весла брали в основном черёмуху, так как она была прочной и легкой в применении. Весло обрабатывали топором или горбатиком (рубанком).

Вёсла в д. Инкино и Иванкино были однолопастные (двухлопастных не отмечены; информанты о таких вёслах не знают). На конце весла делали «мульгу» (верхняя часть весла). Его делали также индивидуально. Оно было необходимо для того, чтобы ловить из воды сеть и при этом не мочить и не мозолить руки⁴.

Как хранили улов рыбы. О способе сохранения живой рыбы рассказывал уроженец д. Иванкино Ю.Ф. Чаршин. В юртах Зайкиных, где жила его мать, находилось песчаное оз. Круглое. Озеро стояло прямо рядом с домами и соединялось ручейком, из которого всегда бежала свежая вода. Рыбаки забрасывали в озеро стерлядей, осетров, а когда Обь замёрзала, рыбу из этого

---

¹Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 16–17.

²ПМА. 2016. С. 4–5.

³ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 3.

⁴ПМА. 2016. С. 4–5.

озера выгребали неводом и делили её между собой. Затем собирали каждой семьёй по возку рыбы и обозами везли эту рыбу в Томск на продажу¹.

3.1.2. Охота

Ситуация с охотничьим промыслом в изучаемом регионе. Считается, что охотничий промысел для селькупов изучаемой территории играл в прошлом важную роль (так же как и для всех групп селькупов). Однако на период второй половины XX в. большинство селькупов в д. Иванкино занимались только рыболовством. Охотников было мало. Об этом нам сообщают С.Н. Сычин, Ю.Ф. Чаршин, С.А. Мурзин, В.Е. Мурзин². Такая же ситуация была в д. Киярово: Е.М. Тузакова назвала лишь одного охотника, которого она знала в д. Киярово – это А.А. Кияров (дед Виктора Киярова). Он был, по её словам, «знатным охотником»³.

Эту картину подтверждает и бывший председатель иванкинского сельского совета В.Т. Былин. Он говорил, что «в д. Иванкино в послевоенное время уже не было охотников, а те, кто пришёл с фронта были рыбаками»⁴.

На сегодняшний день ситуация в д. Иванкино не изменилась. Местные жители редко практикуют охотничий промысел и в основном занимаются рыболовством⁵. Однако при этом поставить ловушку на горностая или лису, петли на зайца или подстрелить белку и сейчас могут некоторые местные жители.

Охотничьи места. Б. Шостакович писал про всех инородцев-зверопромышленников Нарымского края, что «в конце XIX в. они отправлялись в тайгу на промысел 2 раза в год – весной и осенью. Начинали охотиться с

---

¹ПМА. 2013. С. 62.

²ПМА. 2012–2015. С. 45–65; 2016: С. 1–9.

³ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4.

⁴ПМА. 2012–2015. С. 32.

⁵ПМА. 2012–2015. С. 31–32.

половины великого поста и продолжали до тех пор, пока возможно ходить на лыжах или голицах по снегу; второй от поздней осени до Рождества»¹.

В.Е. Мурзин (1935 г.р.), уроженец д. Тебенак, говорил, что жители д. Иванкино и д. Тебенак на охоту далеко не ходили. Местные мужчины и мальчишки-подростки охотились на зайца, лису, колонка в лесу между двумя деревнями². Информант А.А. Анисимов, напротив, говорил, что охотничьих угодий рядом с Иванкино не было и поэтому приходилось ходить в более отдалённые места. Таким местом для охоты была Кияриха [т.е. местность около юрт Кияровых].

С.Н. Сычин, проработавший егерем в д. Иванкино более 10 лет, рассказывал о том, что зимой лоси водились в Инкинской тайге, а летом они приходили на пойму в окрестности Иванкино. Лосей летом нельзя было убивать, так как самки выкармливают детёнышей. Зимой лоси уходили, но оставались зайцы, лисы, белки, колонки. Поэтому иванкинцы на лосей не охотились, зато охотились на мелких пушных зверей.

На большую охоту (такой считалась охота на лосей) ходили в Росолёвскую тайгу, которая находится вниз по р. Пурьянге, ближе к р. Кети (между большим Квёшем и маленьким). В этой тайге зимовали лоси. В 1980–1990-е гг. там каждую зиму добывали большое количество лосей. Есть ещё одно таёжное место, упоминаемое иванкинцами как место для охотничьего промысла: его сейчас называют Хлебница. Лет 7–8 назад эта тайга сильно выгорела; там тоже водились лоси.

Кроме того, осенью иванкинские охотники уходили белковать в Алёшкину и Вороновскую тайгу. В местной согре (т.е. в пойме Оби, заросшей травой и тальником) рядом с посёлком охотились только на мелкого зверя – колонка, белку, выдру и др.³

Орудия охоты. Б. Шостакович предложил следующую классификацию орудий охоты: он сделал описание «звериных» ловушек и ловушек «птичьих».

---

¹Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. Кн. 4. С. 33.

²ПМА. 2016. С. 8.

³ПМА. 2012–2015. С. 36, 48.

К звериному орудию охоты, встречавшимся очень редко, им был отнесен ручной лук с двумя видами стрел (тупыми и острыми). К звериным ловушкам, расставленным на местах ожидаемого появления зверя, были также отнесены петли, кулемы, черканы и слопцы, кляпцы, лук-самострел. К птичьим ловушкам относились орудия весенней добычи утки – перевесы, пленницы, кружки. Для добычи зверя и птицы использовали ружьё¹.

Данная классификация орудий охоты позднее была в этнографических исследованиях вытеснена иной, при которой их стали разделять на «орудия пассивной охоты» и «орудия активной охоты». Становится не важным объект охоты – зверь или птица, так как главным классификационным критерием становятся действия охотника.

В.Я. Нагнибеда в статистическом исследовании «Нарымский край» у жителей юрт Иванкиных, Кияровых, Инкиных, Зайкиных, Тяголовых, Иготкиных, Езангиных, Испаевых, Конеровых, Островных фиксировал два вида ружей (пистонные и патронные). На изучаемой территории в середине XX в. насчитывалось порядка 74 пистонных и 20 патронных ружей. В ю. Иванкиных на 61 хозяйство приходилось 33 пистонных ружья и 7 патронных. В основном селькупы данной местности охотились ловушками, которых в каждом хозяйстве было в достатке: ловушки на зверей (черканы, капканы, клепцы), а для охоты на птиц использовались петли-пленницы. Охотились в основном на белок, колонков, горностаю, выдру и разную птицу. Охота на лисиц, соболя, медведя, лося практиковалась только в инородческих юртах Иванкиных. В ю. Иванкиных на 61 хозяйство (247 человек) было зафиксировано: 2015 черканов, 157 капканов, 34 клепцов, 290 пленниц².

Г.И. Пелих в исследовании «Происхождение селькупов» (1972) писала, что охота занимала в прошлом ведущее место в хозяйстве лишь некоторых групп нарымских селькупов, но не назвала каких. Охотились селькупы с

---

¹Шостакович Б. Промыслы Нарымского края..., Омск, 1882. Кн. 4. С. 34–37.

²Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. С. 14–37.

помощью ружья, лука, ловушек и пальмы. Наиболее распространёнными ловушками были черкан, самострелы, кулёмки, клепцы, петли, плашки¹.

Н.А. Тучкова называет основным орудием охоты селькупов до середины XIX в. лук и стрелы. Стрелы изготавливались специально для охоты на уток, пушных зверей, лосей и медведей. Ружья начали вытеснять лук и стрелы со второй половины XIX в. Ружьям селькупы предпочитали ловушки (слопцы, петли, кляпцы, кулёмы, плашки), луки-самострелы, капканы, пальму² для охоты на медведя. На водоплавающую птицу охотились с помощью «перевеса», слопцов и петель³.

Всего у нарымских селькупов по данным Б. Шостаковича насчитывалось порядка 9 видов звериных ловушек и 4 вида птичьих ловушки. По классификации способов охоты: 9 видов ловушек для пассивной охоты, и 3 орудия (лук, ружьё и пальма) для активной охоты.

На территории проживания шёшкупов р. Оби на период начала XX в., по данным В.Я. Нагнибеды, для охоты использовались два вида ружей (пистонные и патронные), ловушки на зверей (черканы, капканы, клепцы) и для охоты на птиц использовались пленницы. Во второй половине XX в. охота у шёшкупов, как промысел, практически перестала существовать.

Охота на перелетную водоплавающую птицу. Такой вид охотничьего промысла был развит у иванкинских шёшкупов. Он считался в большей степени женским занятием. «На перелетных водоплавающих птиц охотились пленницами (ловушка-петля), сообщает Е.М. Тузакова-Киярова. Пленницы плелись из конского волоса. Таким способом, со слов информантки, они с бабушкой охотились в окраинах д. Иванкино, на оз. Кастя и в Тебенацком полуе. Пленницами могли поймать по пол обласка уток»⁴.

Запреты, связанные с охотой. Важной информацией являются собранные материалы Г.И. Пелих в д. Иванкино о запретах местных жителей, связанных с

---

¹Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 17–18.

²Пальма – это большой, односторонне заточенный нож жднной 30-40 см, укрепленный на длинном древке (1,5–2 м.). Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 84.

³Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 78–85.

⁴ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 3.

охотой. Об этом местные охотники говорили: «ворону селькупы не стреляли и не ели ее мясо, так как оно у нее считалось черным, как у кинярки. Считалось, если убить ворону, то испортится ружье. Сороку не трогали, боялись, что проклянет. Сорока – это нехорошая птица, она сплетница. «Черную» утку (большую гагару) тоже не ели. Если в утку первую выстрелить, то не будет удачи на охоте. Нельзя было убивать лебедей, иначе было разорение дому. Кровью дятла ружье чистят, тогда удача будет на охоте. Иволгу видели редко, но если увидишь, то будет удача. Это хорошая птица. Если её убить и прибрать, то будет удача. В мешочек завязывали и хранили в ящике. Трогать ее не нужно»¹.

Зайцев охотники били, но не ели. Медведя, по словам информантов, ели кочующие остяки, а в д. Иванкино нет. На медведя не охотились, потому что считали его человеком (когда его «разденут», он на человека похож). Даже про убийство медведя вспоминать было нельзя. Собака также произошла от человека, и считалось, что у остяцкого народа отец был «смешанный». Поэтому, говорили, что волк (он как собака) человека зря есть не будет².

Об охотничьих собаках. В обследовании В.Я. Нагнибеды наравне со всеми ловушками учитывались в промысловом хозяйстве остяков и охотничьи собаки, которые были для селькупов необходимы в тайге. Это обследование выявило количество охотничьих собак в каждом хозяйстве, занимающемся охотой: «ю. Иванкиных (31 хозяйство) – 72 собаки, ю. Кияровых (7 хозяйств) – 9 собак, ю. Иготкины (5 хозяйств) – 21 собака, ю. Тяголовы (7 хозяйств) – 8 собак, ю. Инкины (6 хозяйств) – 7 собак, ю. Зайкины (8 хозяйств) – 9 собак, ю. Конеровы (3 хозяйства) – 11 собак, ю. Островные (2 хозяйства) – 10 собак»³. Как мы видим, на каждого охотника приходилось по 1–2, а то и 3 охотничьи собаки. По словам Т.К.Кудряшовой «к концу 1940-х гг. собак в Иванкино извели. Лайки были здоровые, они были крупнее обычных собак»⁴.

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 15–16.

²ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 15–16, 19–20.

³Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Томск, 1927. С. 14–37.

⁴ПМ Новосельцевой Т.В. Колпашево, 2003. С. 5.

3.1.3. Собираемость

Сбор ягод и заготовка ореха. В июле главной ягодой, заготавливаемой впрок, была черная смородина. Ее собирали все жители деревни в большом количестве. Смородину сушили, а также варили из нее варенье. Сахар покупали, но знали способ, как варить ягоду и без сахара. Хранили варенье в деревянных тесках. Запасы такого варенья из смородины всегда оставались до следующего лета.

В 1960–1970-е гг. смородину сушили и сдавали в приемные пункты. Наравне со смородиной местные жители собирали и заготавливали плоды шиповника, которые сушили и при необходимости запаривали как чай.

Особое отношение у иванкинцев было к плодам черемухи. Ягоду черемухи собирали не каждый год, так как урожай ее был нестабильным. Собранную ягоду мололи на жерновах, сушили или перекручивали (на мясорубке; с 1960-х гг. покупные металлические мясорубки были широко распространены в поселках всего Нарымского края). Перекрученную ягоду варили с сахаром, и такое варенье добавляли в пирожки. Вкус черёмухи считался особенным, и черёмуховое варенье было любимым лакомством. Кроме того, плоды черемухи и кору от неё сушили в лекарственных целях и запаривали, используя от диареи.

Смородину, черемуху и шиповник в больших количествах иванкинцы собирали за р. Пурьянгой и в Тебенаке. Однако самое ближайшее место, где росла смородина и черемуха – это была Согра рядом с посёлком.

С конца августа до начала сентября собирали клюкву и бруснику. За клюквой ездили не все жители Иванкино, так как нужно было знать клюквенные места на различных болотах, и такие болота располагались не близко от Иванкино. Обычно на болото ездили семьями, но не слишком большими коллективами. Информантка Н.Н. Тайзакова рассказывала, что клюкву они «никогда не видели», а бруснику собирали в бору (в Копыловке). Другая информантка А.И. Сычина говорила, что они семьей ездили на

Кияровские болота за черникой. Клюквы на этих болотах было мало. Брусника росла на болотах со стороны Киярово, ближе к Иванкино (его так и называли «брусничное болото»). Этой ягоды заготавливали много – «каждый сколько мог». Клюкву, бруснику, а также калину хранили в бочках (морозили) и ели с сахаром.

Дикой малины в Иванкино не было, росла только садовая у тех, кто ее выращивал специально на появившихся после войны огородах. Малину ели «с куста» пока она росла, специально для варенья ее не собирали и не варили.

Для заготовки кедрового ореха иванкинские шёшкупы ездили в Пиковку (в бассейн р. Пиковки) и Шудельку. Собранные кедровые шишки шелушили и сушили орехи. После засыпали их в мешки и хранили в амбарах. Орехи заготавливали в большом количестве, так как они шли для собственного потребления и на продажу. Наталья Платоновна Иженбина вспоминала, что зимой жили на орехах, ягодах и рыбе¹.

Сбор трав. Иванкинские женщины в больших количествах собирали разные съедобные и лекарственные травы. Дикий хрен высушивали и толкли (он был «очень крепкий», его использовали как приправу, а также считали хорошим антисептиком). Крапиву рвали и делали из нее «крапивную нить», которую также использовали как антисептик. Собирали дикий «гусиный» полевой лук, его солили и сушили впрок. Мята росла по берегам рек (помогала от головной боли, ее добавляли также в чай для вкуса). Собирали дикий тмин, ромашку, смородиновый лист, иван-чай (все эти растения добавляли в чай). Шиповник считался противочинготным средством. Всегда в доме были заготовлены березовые почки. К тому же все дети школьного возраста в Иванкино весной собирали березовые почки и сдавали их в школу (для школ это было мероприятие по заданию аптек).

Для приготовления закваски для теста, а также для настаивания браги иванкинцы собирали дикий хмель².

---

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 22; ПМ Новосельцевой Т.В. 2003. С. 2; ПМА. 2016. С. 1, 12, 22.

²ПМ Новосельцевой Т.В. 2003. С. 3–5; ПМА. 2016. С. 2, 8, 23.

До середины XX в. в Иванкино заготавливали «обувальную» траву – озёрную осоку. Такая «озёрная осока» росла на лугах около некоторых озёр. По воспоминаниям местных жителей эта трава только внешне напоминала осоку с ее острыми и жесткими листьями, но на самом деле была мягкая и не кололась. Ее либо подкладывали как стельки при ношении обуви (чирков), либо использовали как обмотку для ног (как «портянку»)¹.

К сожалению, нет точной информации, где именно росла эта трава около Иванкино и как она называлась; не сохранились также и сведения о том, каким был способ обмотки ног и способ плетения из нее. Остались лишь воспоминания, что такую траву действительно использовали, как «обувальную» (обмоточную или подкладочную).

3.1.4. Животноводство

Постепенно, под влиянием русской культуры, в Иванкино стали появляться новые виды хозяйства, осваиваемые селькупам. Прежде всего, это были животноводство и земледелие.

В конце XIX в. (1892–1898 гг.) А.Ф. Плотников в волостях Тогурско-Порубежной (юрты Конеровы, Езангины, Испаевы, Островные), Нижне-Тогурской (юрты Тяголовы и Иготкины), Пиковской (юрты Иванкины и Кияровы), 3-й Парабельской (юрты Инкины и Ромашкины) и 3-й Отдельной Парабельской (юрты Зайкины) дает сведения не только о числе жителей, но и о наличии у них скота. Однако, подводя итоги, А.Ф. Плотников называет количество скота не отдельно по каждой юрте, а приводит данные в целом по волости. У инородцев исследователь упоминает о лошадях, крупном рогатом скоте, овцах и собаках. Далее будут приведены статистические данные за 1892 г.² из публикации А.Ф. Плотникова (1901). По приведённым

---

¹ПМА. 2016. С. 15.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 146–161.

статистическим данным можно сделать вывод, что в инородческих волостях скот держали не просто в каждом селении, а фактически – в каждом дворе.

Таблица 5 – Статистические данные по наличию скота в инородческих волостях, по данным А.Ф. Плотникова

Инородческая волость	Количество дворов	Лошадь	Крупный рогатый скот	Овцы	Собаки ¹
Тогурско-Порубежная	32	107	102	106	38
Нижне-Тогурская	15	44	42	28	19
Пиковская	45	154	166	88	121
3-й Парабельская	16	25	22	18	29
3-й Отдельной Парабельская	15	28	11	10	30

Обследование в 1910–1911 гг. В.Я. Нагнибеды также подтвердило, что в инородческих юртах, входивших в территорию расселения диалектно-локальной группы шёшкупов, жители держали коров, гужевой скот, овец, свиней, коз и домашнюю птицу в начале XX в. держало только русское население².

Таблица 6 – Статистические данные В.Я. Нагнибеды по наличию скота в инородческих юртах (1910–1911 гг.)

Юрты	Количество хозяйств в юрте	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот
Тяголовы	9	111	54
Иготкины	15	145	89
Иванкины	61	574	205
Кияровы	7	65	8
Инкины	16	104	54
Зайкины	13	189	81
Конеровы	4	21	19
Езангины	6	58	39
Испаевы	25	59	46
Островные	7	28	6

¹А.Ф. Плотников учитывал наличие собак в хозяйстве инородцев, как и прочих домашних животных, – отдельной графой.

²Нагнибеда В.Я. Нарымский край. 1927. С. 14–37.

Полевые материалы второй половины XX в. подтверждают наличие большого количества домашних животных, находившихся в хозяйствах жителей в данном районе Приобья.

По собранным мною сведениям, местные жители вспоминали о большом количестве скота в д. Иванкино и Киярово. У многих в семьях было по 15 голов. В основном держали коров, лошадей и овец. Овец старались держать в каждой семье, так как из них женщины делали «мерлушки» – это шкурки от молоденьких овечек¹, используемые для изготовления верхней одежды.

До середины XX в. свиней и домашнюю птицу (покупных куриц) селькупы не разводили и не ели, но держали диких уток, которых ловили, подрезали им крылья и затем, когда утки вырастали, использовали их мясо в пищу. Свиньи, по воспоминаниям местных жителей, появляются в Иванкино, начиная с 1960-х гг.

Стайки для свиней и другого скота строили недалеко от дома – «не под одной крышей» с жилым строением. Кроме того, стайки были летние и зимние. Для такого большого количества «голов» в стайках (загонах) ставили большие ёмкости с водой (для овец и свиней выдалбливали корыта из дерева²), чтобы животные могли пить. Для этого приходилось натаскивать более 20 ведер воды ежедневно. Воду возили из речки или (начиная с 1970-х гг.) ждали «колхозную» машину, которая развозила по дворам воду для хозяйственных нужд.

О покосах. Местные жители для заготовки сена объединялись семьями. Сено заготавливали в большом количестве (неделями жили на покосе). Женщины ежедневно на обласке через сеть пойменных водоёмов приезжали в деревню стряпать хлеб и затем возвращались на заготовку сена обратно. На покосе по мере надобности рыбачили и варили уху³.

Т.К. Кудряшова приводит сведения об общем объёме земельных угодий вокруг Иванкино: «[Всего] земли в фактическом использовании – 704 га,

---

¹ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 3–4.

²ПМА. 2012–2015. С. 33–34, ПМА. 2016. С. 4–5, 13, 15.

³ПМ Пелих Г.И. С. 23; ПМА. 2012–2016. С. 34.

сенокос – 400 га, пастбищ и выгонов – 30 га, приусадебных участков – 4 га»¹. Кроме того, она подробно описывает распределение хозяйственной территории между местными жителями: ...«за Пурьянгой, по самому берегу Ташунде был покос И.С. Сычина, а после гибели хозяина – [земли для покоса] его жены Дарьи Иудовны и его сестры Липестиньи Степановны. Угодья располагались в Большой Муче, очень близко к селу: сел в обласок, переплыл Пурьянгу – и уже на покосе. Вдоль участка пролегал тракт на Колпашево. Рядом, за трактом, вплоть до Оби, были покос Д.Ф. Ижучкина и С.И. Иткупова. Это территория старого поселения на Ташунде. По другую сторону Ташунде, в Маленькой Муче, тоже были покосы, принадлежавшие Сычиным, но уже другим – И.М. Сычину, И.А. Сычину»².

На сегодняшний день местные жители рассказывают, что для заготовки сена они ездят за р. Пурьянгу. Технику для сенокоса с помощью местного парома переправляют на правый берег р. Пурьянги, после чего уже на ней, в окружную, мимо озёр едут на сенокосные поля. В настоящее время сенозаготовка проходит на левом берегу Пурьянги (где и расположено с. Иванкино). Чтобы попасть туда, жителям приходится преодолевать значительное расстояние – около 10 км, проезжая мимо местных озёр. Название покосы (пойменные луга) приобрели от названий озёр, расположенных рядом, например: «у Коволья», «у Тюдди»³.

3.1.5. Земледелие

По статистическим данным В.Я. Нагнибеды инородцы юрт Тяговых, Иготкиных, Иванкиных, Инкиных, Испаевых, Конеровых, Островных в конце XIX в. занимались земледелием и выращивали картофель, морковь, капусту, огурцы. В ю. Кияровых огородов не было, а в ю. Зайкиных выращивали только

---

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 203.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 190.

³ПМА. 2012–2015. С. 8, 44, 54.

картофель¹. Таким образом, следует подчеркнуть, что земледелие развивалось прежде всего в форме огородничества. И только у Т.К. Кудряшовой есть упоминание, что некоторые селькупы, которые держали коней, сеяли немного овса и ячменя².

Основной причиной развития огородничества исследователи называют русское культурное влияние. Как пишет Н.А. Тучкова, «огороды вошли в жизнь селькупов вместе с русскими жёнами, появившимися в их семьях. Массовые селькупско-русские браки начинают отмечаться в Нарымском крае с 1930-х гг.»³.

В 1930–1940-е гг. в д. Киярово и д. Иванкино огороды были уже у всех. Как и во многих других домашних и приусадебных делах, основная нагрузка по уходу за огородами ложилась на плечи женщин⁴.

На приусадебных огородах выращивали в основном картофель, капусту, брюкву. Е.М. Тузакова-Киярова вспоминала, что когда их семья переехали в д. Иванкино, то они долго не могли привыкнуть к местной картошке. «В Иванкино картошка росла плохо или рождалась мелкая»⁵. В 1950–1960-е гг. селькупы Иванкино садили в огороде «все как у русских»: картофель, горох, репу, брюкву, огурцы, тыкву, свёклу, чеснок, лук, кабачки, капусту.

Огородным растением считался мак. Специально его никто не выращивал, но он «сеялся сам» и присутствовал в небольших количествах хаотично практически на всех огородах. Когда мак созревал, головки от него собирали и сушили. Высушенные семена добавляли в булочки⁶.

Таким образом, в конце XIX в. иванкинские шёшкупы начинают заниматься земледелием (огородничеством) и выращивают картофель, но ещё не во всех юртах. Так, например, в юртах Кияровых, Испаемых, Островных огородов в тот период не было вообще. В начале XX в. огороды становятся

---

¹Нагнибеда В.Я. Нарымский край. 1927. С. 14–37.

²ПМ Новосельцевой Т.В. 2003. С. 4.

³Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 162.

⁴Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 201.

⁵ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4.

⁶ПМА. 2016. С. 6.

массовым явлением у шёшкупов, а в послевоенное время (вторая половина XX в.) огородничество становится неотъемлемой частью их хозяйственной жизни.

3.2. Материальная культура шёшкупов

Исследователи, занимавшиеся изучением материальной культуры селькупов, интересовались, прежде всего, общей картиной, характеризующей культуру всех селькупов; локальная специфика хотя и отмечалась, но акцент делался именно на составлении единого «полотна» селькупской культуры.

В данном разделе главными исследовательскими задачами являются 1) описание различных компонентов материальной культуры иванкинцев-шёшкупов и 2) выявление местной специфики в изготовлении одежды, приготовлении пищи и домашней утвари. Решение этих задач крайне важно для обоснования доказательства самого существования этой группы, так как она не была выделена предшественниками по этнографическим особенностям; их материальная культура всегда рассматривалась в совокупности с культурой всех других групп южных селькупов.

К сожалению, на сегодняшний день исследователи не располагают большим объемом материала, репрезентирующего этнографические реалии этой группы. Есть лишь воспоминания нескольких информантов-селькупов из д. Киярово, д. Иванкино, собранные в этнографической экспедиции Г.И. Пелих (1961), Н.А. Тучковой (1995) и этнографические сведения, опубликованные в статье А.А. Ким и Д.А. Кудряшовой «О традиционной пище нарымских селькупов» (1998)¹.

Небольшой, но ценный материал о быте и хозяйственных занятиях жителей Иванкино, записанный в 2003 г. от Т.К. Кудряшовой, есть в дневнике Т.В. Новосельцевой².

---

¹Кудряшова Т.К. Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 186–190.

²ПМ Новосельцевой Т. В. «Полевой дневник (запись от Т.К. Кудряшовой)» Колпашево, 2003. 11 с.

Для того чтобы дополнить уже имеющиеся данные о специфике материальной культуры шёшкупов, в 2016 г. автором данного исследования был осуществлён сбор полевой информации в г. Колпашево и г. Томске от потомков шёшкупов – Н.П. Иженбиной (Иванкино), А.И. Сычиной (Иванкино) и Н.Н. Тайзаковой (Тебенак).

Дальнейший текст об особенностях материальной культуры написан именно на совокупности сведений из различных полевых материалов – Г.И. Пелих, Н.А. Тучковой, Т.В. Новосельцевой и автора данной работы.

3.2.1. Одежда

Материалы и способы изготовления одежды у жителей д. Иванкино. По этнографическим публикациям известно, что основным материалом для изготовления традиционной одежды селькупов в прошлом являлись шкуры: у северных – шкуры оленя, у южных – зайца, белки, собаки. Яркой особенностью верхней одежды всех подгрупп южных селькупов было умение изготавливать ее из «сборного меха». Сам такой мех готовился селькупскими женщинами-мастерицами долго и искусно. Для его изготовления брали от пушных зверей только шкурки с ног – камусы. Из них шили меховое полотно, из которого потом делали верхнюю одежду, а сами шкурки пушных зверей уходили на уплату ясака, позднее – на продажу¹.

В д. Иванкино женщины также знали технологию изготовления «сборного меха» и составляли его из шкурок с лапок (камусов) белок и лисиц и из «кончиков» (т.е. хвостов) горностаев, белок, соболей. Использовали также шкурки кинярки (утки, которая ныряет за рыбой) и шкурки с утиных голов. Основную часть самих шкурок белок, лисиц, а также шкурки кротов, шёшкупы старались сдавать в магазин².

---

¹Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 167

²ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 7; ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 5–6; ПМА. 2016. С. 2.

Н.П. Иженбина говорила, что заячьи шкурки не использовали для изготовления меховых изделий¹, в том числе не использовали его лапки для «сборного меха». Возможно, это было связано с тотемным отношением к зайцу.

Из целых шкур овец и собак в д. Иванкино местные жители делали шубы и тулупы. Сначала шкуры обдирали, затем выделывали и обрабатывали их. «Для обработки кожи существовала специальная «остяцкая» мялка для кожи. Эта конструкция состояла из трех досок (по форме, как перевернутый стол). Нижняя доска в длину была 70 см, две доски с зубчатой поверхностью также по 70 см в высоту (каждая). Эти доски вбивались параллельно друг другу (расстояние между ними 30 см). Кожу накидывали сверху на обе доски, продавливали в середину между досками и, таким образом, мяли»².

При выделке овчины обратную сторону шкуры – «мездру» – выделывали до светлого оттенка, так как именно эта сторона была потом на виду.

Шёшкупы в XIX–XX в. не использовали олений мех для изготовления верхней одежды. Нет ни одного свидетельства, что они его добывали на охоте, покупали или приобретали каким-либо иным способом.

Рыбьи кожи. По этнографическим описаниям (Н. Спафария, Г. Миллера) известно, что в прошлом для изготовления некоторых деталей одежды южные селькупы использовали рыбью кожу. О процедуре подготовки материала есть сведения, что рыбью кожу сушили в растянутом состоянии, смазывали жиром и мяли руками. Из стерляжьей кожи шили рукавицы, из осетровой кожи – голенища для обуви³.

В конце XIX в. – нач. XX в. одежда из рыбьих кож у остяко-самоедов Нарымского края не встречается; о ней, по словам Н.А. Тучковой, упоминают краеведы и этнографы, приводят краткие описания от информантов, но документально не было зафиксировано ни одного образца. Однако есть лаконичная информация, записанная Г.И. Пелих в д. Иванкино от

---

¹ПМА, 2016. С. 23.

²Пелих Г.И. 1961. С. 29. См.: Приложение В. Рисунки. Предметы материальной культуры иванкинских селькупов. Рисунок В.16 – Остяцкая мялка для кожи.

³Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 168.

А.С. Иткуповой, по словам которой жители ее деревни раньше «носили налимьи штаны, шили стерляжьи рукавицы и налимьи чирки (женские и мужские). Такую одежду шили из рыбьих лоскутов. Налимьи кожи выделывали руками и мяли их с жиром»¹.

Таким образом, сведения, записанные именно в Иванкино, подтверждают информацию о рыбьих кожах как материале для изготовления деталей одежды.

Крапивное волокно и нити из крапивы. Об изготовлении ниток из крапивного волокна современные информанты в д. Иванкино (опрос 2016 г.) практически ничего не помнят, многие не знают об этом и никогда таких ниток не видели, поэтому они ничего не могли сказать об их изготовлении на практике.

Однако в записях Г.И. Пелих и Т.К. Кудряшовой есть сведения от информантов из д. Иванкино, что *шоошкунт-сам(ч)* – «остяцкую крапиву» (букв. шёшкупскую крапиву) использовали для изготовления сетей и неводов. Стебли крапивы для изготовления нитей выбирали высокие, собирали её под осень, вымачивали, затем сушили, мяли, освобождали крапивные волокна от кострики. После чего из добытого волокна начинали прясть нить «на коленке». Такие нити получались прочными и не гнили².

Таким образом, можно сделать вывод, что в прошлом представители этнотерриториальной группы шёшкупов, так же как и все южные селькупы, всё-таки практиковали изготовление крапивных ниток, однако к концу XX в. эта технология была забыта; из памяти населения исчезли даже сами знания о том, что крапиву когда-то использовали для добычи из неё волокон.

Конский волос. В XIX – начале XX в. парабельские селькупы (чумылкупы), живущие с русскими на Оби, освоили процедуру ткачества и изготавливали на кроснах ткань из шерстяных ниток и из конского волоса. Такую материю на русском языке называли «шабуриной» и использовали для создания верхней одежды в виде халата, называя ее *шабур*. Волосяной или

---

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 8.

²Пелих Г.И. 1961. С. 7, 8; ПМ Новосельцевой Т.В. 2003. С. 5.

суконный шабур надевали поверх одежды «как плащ». Рыбаки особенно ценили шабуры из конского волоса как непромокаемую одежду – «они не впитывали влагу и становились почти сухими после встряхивания»¹.

В Иванкино ткацких станков для изготовления самотканого шерстяного полотна или полотна из конского волоса не было. Ткать иванкинские женщины не умели. Однако нити для вязания из конского волоса иванкинские женщины умели изготавливать, и затем из такой ссученной нити вязали чулки и носки.

Как пишет журналист и краевед Е. Залогина: «В д. Иванкино способ вязания из конского волоса был хорошо известен... Местные женщины из конского волоса вязали. Раньше мастерицами в д. Иванкино были многие женщины, но в 1990-е гг. такая осталась только одна – Анна Андреевна Балабанова. Она делала пряжу и вязала для местных рыбаков чулки (носки с длинной голяшкой) из конского волоса. Ремесло было непростое. С начала нужно было настричь конского волоса (именно из гривы, так как они мягче, пружинистей). Для одного изделия необходимо было напрядь не меньше двух клубков, так как вяжется чулок в две нити. И только после этого можно было начинать работу. Конская пряжа была изготовлена специально для рыбацких чулок, которые вязались на всю ногу. Такие чулки были незаменимы, так как пропускали воздух (значит «дышит» кожа), и при этом они практически не промокают. Даже если попала вода в бахилы, достаточно снять такие чулки, встряхнуть и все, сушить не надо. Есть у конского волоса, а значит и изделий из него, еще одно свойство: при трении о ногу, возможно из-за особых электростатических разрядов, снимает ревматическое явление»².

По опросу 2016 г. три мастерицы из д. Иванкино ещё умеют вязать чулки из нитей конского волоса – Устинья Васильевна, Зинаида Платоновна и Наталья Платоновна Иженбины.

«Устинья Васильевна вспоминала, что, несмотря на то, что прясть шерсть и вязать умела с детства, техникой вязания из конского волоса овладела, будучи

---

¹Пелих Г.И. 1961. С. 23; Тучкова Н.А. Селькупы: Очерки..., Томск, 2013. С. 168.

²Залогина Е. Чулок из конской гривы // Красное знамя. 1991. (24 августа). С. 8.

замужней женщиной и мамой. Мужу – заядлому рыбаку понадобились теплые, прочные чулки»¹.

А.А. Балабанова говорила, что за долгие годы в д. Иванкино у нее не было ни одной ученицы, пожелавшей перенять навыки и мастерство. Возможно, этот факт отражает шёшкупскую специфику в передаче традиционного опыта: у старых людей, по словам Н.П. Иженбиной, было правило «учить». Говорили: «садись и смотри, как я делаю, только молча» – ключевое правило «остяцкой» педагогики². Передавать знания «словами», через «уроки» и «правила» было не принято.

Несмотря на утрату во многих селениях Колпашевского района техники изготовления нитей из конского волоса, именно иванкинские мастерицы до сегодняшнего дня продолжают хранить знания об этом необычном материале и практиковать вязание из нитей, spunенных из конского волоса³. Занятия по вязанию проходят в творческом объединении «Туссайока»⁴ под руководством Н.П. Иженбиной в г. Колпашево.

Шерстяные нитки. В начале XX в. овцы были уже широко распространены в селькупских хозяйствах в поселках на р. Оби, однако на обских притоках содержание овец пратиковалось меньше. В Пиковской волости (и конкретно – в Иванкино) овцы даже в конце XIX в. составляли значительную часть домашнего поголовья скота (подробнее см. выше: раздел 2.1.4. «Животноводство»). В конце XX в. Е. Залогина пишет: «Шерстяные нитки (из овечьей шерсти) у местных жителей были, вероятнее всего, свои, так как практически в каждом хозяйстве в Иванкино держали овец. Каждая

¹Шергина О. Традиции // Колпашевская газета. 2013. (8 марта). С. 17.

²Залогина Е. Чулок из конской гривы..., 1991. С. 8; ПМА. 2016. С. 23.

³Приложение В. Рисунки. Предметы материальной культуры иванкинских селькупов. Рисунок В.17 – Образец вязания на одной игле и сама игла (металл).

⁴Творческое объединение «Туссайока» (Искорка) работает с 2013 г. на базе КДО ДК «Лесопильщик» – руководитель Наталья Платоновна Иженбина. С 7 мая 2016 г. «Туссайока» входит в Колпашевскую районную общественную организацию «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Колта-Куп». Основной задачей объединения является сохранение себя как этнос со своей самобытной культурой, преемственностью связи поколений. См.: Приложение В. Рисунки. Предметы материальной культуры иванкинских селькупов. Рисунок В.17 – Образец вязания на одной игле и сама игла (металл); Рисунок В.18 – Образец вязания из конского волоса. Демонстрирует Н.П. Иженбина; Рисунок В.19 – Чулок из шерстяных нитей, связанных на одной игле.

женщина умела прясть и вязать. Из овечьей кудели пряли добротную пряжу и вязали в основном на одной игле»¹.

Г.И. Пелих в 1960-е гг. от А.С. Иткуповой (Иванкино) записала сведения о прялке иванкинских шёшкупов и произвела ее измерения. Описываемая прялка была высотой 80 см, донце или место, на котором сидели, длиной 60 см. Размер прядильного веретена составлял 35–38 см. Головка веретена была костяная, её размер составлял 14 см, толщина кольца – 1,5 см².

Одежда и обувь

Шубы на подкладке из сборного меха. Во второй половине XX в. традиционной верхней одеждой у жителей д. Киярово и д. Иванкино были шубы из «сборного меха» с длинными рукавами. Из сшитого мехового полотна делали меховую подкладку (т.е. шубу изготавливали мехом внутрь). Сверху шуба покрывалась грубой тканью. Такие шубы имели отложной воротник, а по подолу и поле меховые оторочки из шкурок белки и горностаев. «Кончики шкурок», т.е. хвостики горностаев не зашивали. Воротник из белок также шили прямо с хвостами³.

Технология изготовления мехового полотна из лапок и мелких деталей шкурок пушных промысловых зверей была в нач. XX в. перенесена иванкинскими женщинами на овчину. В Иванкино отмечено шитье составного мехового полотна из небольших кусков «мерлушек» – шкурок от молодых овечек. По воспоминаниям Е.М. Тузаковой (Кияровой), ее тетя была закройщицей. «Она собирала все мерлушки и сшивала их. Таким способом шили шубы из овечьих шкурок. Сами шкурки сшивались мехом внутрь – сверху кожу покрывали тканью – «товаром». Шубу подпоясывали поясом, который ткали сами из цветных ниток (красных, желтых, белых) с бахромой»⁴. Таким образом, шёшкупские мастерицы изготавливали все те же шубы из

¹Залогина Е. Чулок из конской гривы...1991. С. 8.

²ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 28–29. См.: Приложение В. Рисунки. Предметы материальной культуры иванкинских селькупов. Рисунок В.15 – Изображение прялки и веретена.

³Пелих Г.И. 1961. С. 7.

⁴ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4–6.

«сборного меха» с оторочками, но уже из иного материала – вместо камусов пушных промысловых зверей использовали куски овчины.

Тулупы и шубы (дохи). Местные жители сами изготавливали тулупы и шубы (дохи). «Для шуб использовали шкуры собак, а для тулупов – овчину (крупными кусками). Шкуры собак кроили так, чтобы при сшивании кусков ворс был направлен в одном направлении (вниз)». Овчину для тулупа сшивали мехом внутрь. Длина изделия зависела от роста человека. Тулупы делали длиной до щиколоток, собачьи шубы обычно шили длиной до колена.

В зимние морозы в д. Иванкино носили и то, и другое одновременно: сначала надевали шубу, а сверху (если отправлялись в дальнюю дорогу) надевали тулуп, когда садились в сани»¹.

Об изготовлении верхней одежды типа халата из суконной ткани или конского волоса (шабуров) – информация о подобной одежде записана у чумылкупов – в Иванкино и окрестных посёлках на исследуемой территории сведений нет.

Жилетки из овчины. Н.Н. Тайзакова вспоминала, что в 1960–70-е гг. у молодежи в д. Иванкино и Тебенак все было покупное, но у пожилых людей были вещи, которые они сами себе шили. Так, например, ее бабушка А.Я. Тайзакова шила жилетки из овечьих шкурок (у нее в семье была такая одна)².

Платья, юбки и рубахи. К середине XX в. плечевая и поясная одежда была у селькупов такая же, как у русских. По словам информантки Е.М. Тузаковой, женщины в д. Иванкино, Киярово раньше штаны не носили, а надевали только юбки или платья.

Иванкинские женщины – Н.Н. Тайзакова, А.И. Сычина, Н.П. Иженбина, будучи еще девочками, вспоминали, что их бабушки носили длинные юбки. Длина юбок была ниже колен, но не до пола. Юбки и платья шили себе сами или просили соседок. В Тебенаке ходили шить платья «к тете Тасе и тете Лене»

---

¹ПМА. 2016. С. 13.

²ПМА. 2016. С. 5.

Мурзиным. Ткани для шитья покупали в магазине. Кроме платьев, шили также фартуки (из обычной ткани) с грудкой и с карманами. Такие фартуки надевали поверх юбки или платья¹.

Для мужчин шили рубахи «простого кроя». Поверх рубахи надевался пояс (синий поясок – две верёвочки скручены и болдашечка – узелочек, а от него бахрома)².

Головные уборы.

Шапки. Головные уборы старались шить в каждой семье сами. Самые теплые шапки, по словам А.И. Сычиной, были из шкур собаки (собак в Иванкино было очень много). Шапки также могли шить из меха лисы, ондатры, крота, колонка, норки. Шкурки сначала выделывали, а затем из готовых шкурок по выкройке вырезали и сшивали. Для изготовления шапки выкраивали четыре «уголка» (т.е. четыре части), одну соединительную полоску (измеряли по длине головы), козырек и «уши». Шили изделия капроновыми нитками вручную (без швейной машинки). Обязательно при изготовлении головного убора делали подкладку (чтобы было теплее). Такие шапки шили для мужчин, женщин и детей³.

Платки. Женщины в Иванкино всегда надевали на голову платок. Все женщины пожилого возраста носили платки. Девушки в XX в. постоянно платки не носили, надевали их только в случае, если отправлялись в лес или на покос. Женщины пожилого возраста в основном завязывали платок узлом впереди (под подбородком) или обвязывали голову, кончики платка связывали на макушке и убирали концы (прятали)⁴.

Поясная одежда. Штаны. До войны (до 1940-х гг.) женщины штанов не носили. Мужчины носили простые широкие штаны, которые называли *шаровары*. Девочкам и мальчикам шили шаровары на резинках (т.е.

---

¹ПМА. 2016. С. 5–6

²ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4–6.

³ПМА. 2016. С. 13–14.

⁴ПМА. 2016. С. 5.

присборивали у щиколотки). Поверх них иногда надевали *чинбары* – это широкие штаны, которые носили только мужчины.

В.Т. Былин рассказывал, как не смог поехать в г. Колпашево из-за того, что «одеть было нечего». В д. Иванкино, по его словам, все ходили в шароварах, и никто не смотрел на одежду. В 1960-е гг. одежду из магазина могли позволить себе только учителя¹. После войны некоторые мужчины носили военные галифе, но в Иванкино это было редкостью.

Обувь. Основным видом обуви у селькупов были чирки. Их конструкция состояла из подошвы, головки и отдельно пришитого голенища. В южноселькупском ареале такой вид обуви был хорошо известен под названием чирки (чарки) как в селькупской, так и в русской среде².

Информантка Е.М. Тузакова (Киярова) вспоминала, что у нее в семье носили чирки на шнурке с голенищами, летом без голенищ. Для украшения на головку (на «носовую часть») чирка нашивали полосы и треугольники³.

Чирки в Иванкино и Киярово носили все – мужчины, женщины, дети. Мужчины чирки шили себе сами. Длина голенища чирков отмерялась индивидуально (выше колена на 10 см). Чирки носили зимой, в остальное время – бахилы⁴. Помимо чирков были ещё *опорки* – это обувь похожа на чирки, но отличались опорки тем, что были короче и легче⁵.

Чуни (как чирки, но с деревянной подошвой) изготавливали из выделанных шкурок. Сначала вырезалась подошва, потом из кожи вырезали детали «головки». Шили, «кто, как мог»: подошва пришивалась к нижней части изделия и была деревянная⁶.

Чирки оказались практически единственным элементом из национальной одежды, сохранившимся у южных селькупов вплоть до 1990-х гг., хотя со

---

¹ПМА. 2012–2015. С. 37.

²Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 181.

³ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4–6.

⁴ПМА. 2016. С. 3–4.

⁵ПМА. 2012–2015. С. 37.

⁶ПМА. 2016. С. 14.

временем их стали изготавливать «из брезента, а в качестве головок используются галоши фабричного производства»¹.

Дети в холода носили кирзовые сапоги, валенки, детские чирки, которые в больших семьях носили по очереди². Летом дети ходили без обуви, босиком.

Вязание (плетение) чулков на одной игле. В д. Иванкино способ вязания одной иглой был широко распространен. Такое вязание было яркой местной особенностью в русской и селькупской среде Нарымского края. Вязка из шерсти способом «на одной игле» была отмечена этнографами и подробно описана³.

Как пишет Е. Залогина, «вязание на одной игле – затейливый и трудоёмкий способ переплетения, похожий на кольчужное. Такое вязание после стирки практически «не садилось», сжималось до плотности войлока. Иглу для вязания делали особую – с одним ушком посередине. Через это отверстие протягивали нить, затем начинали плетение. Со стороны, для непросвещённого человека, действия вязальщицы выглядели, как беспорядочные»⁴.

В д. Иванкино мастерицами по прядению и вязанию из овечьей шерсти были те же женщины, которые вязали чулки из конской гривы – А.А. Балабанова, У.В. Иженбина, З.П. Иженбина.

В 2016 г. информантки Н.Н. Тайзакова, Н.П. Иженбина, А.И. Сычина вспоминали, что их бабушки и мамы также умели вязать одной иглой. Такой иглой они вязали плотные рукавицы, мужские чулки (гольфы), которые надевали под бахилы. Н.Н. Тайзакова говорила о подобном вязании так: «вяжет, как шьёт»⁵. Сегодня каждая из них самостоятельно пытается вспомнить

¹Васильев В.И., Головнев А.В., Малиновская С.М. Современные хозяйственные занятия и бытовая культура томских селькупов (к проблеме сохранения и возрождения культурного наследия) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 146.

²Васильев В.И., Головнев А.В., Малиновская С.М. Современные хозяйственные занятия и бытовая культура томских селькупов..., 1993. С. 5–6, 8.

³Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 167–170; Бодрова А.Ш. О технике плетения на одной игле // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск, 2003. Вып. 3. С. 6–13.

⁴Залогина Е. Чулок из конской гривы...1991. С. 8; Шергина О. Традиции...2013. С. 17.

⁵ПМА. 2016. С. 3, 8, 14. Приложение В. Рисунки. Предметы материальной культуры иванкинских селькупов. Рисунок В.17 – Образец вязания на одной игле и сама игла (металл); Рисунок В.19 – Чулок из шерстяных нитей, связанных на одной игле.

и воспроизвести когда-то увиденное в детстве плетение и считает, что она умеет вязать на одной игле.

3.2.2. Пища и домашняя утварь

Подробный материал о питании коренных жителей д. Иванкино (шёшкупов), собранный Т.К. Кудряшовой и представленный ею в статье «О традиционной пище нарымских селькупов»¹, является на сегодняшний день практически единственным опубликованным источником информации по данному вопросу. В публикации рассматриваются основные виды пищи шёшкупов (рыбная, мясная, злаковая, овощная), использование селькупами пряностей и молочных продуктов, а также пищевые запреты. Кроме того, лаконичные записи о традиционной пище селькупов изучаемой местности есть также в полевых материалах Г.И. Пелих (1961), записанные от А.И. Тагина и К. Кияровой из г. Колпашево, и полевые материалы автора исследования, записанные от информантов д. Иванкино(2016).

Рыбная пища.

Основу питания селькупов всех локальных групп составляла рыба. Рыбу добывают круглый год, и в зависимости от сезона меняется сортовой состав рыбы на столе². Селькупы д. Иванкино также употребляли в пищу рыбу круглый год.

Иванкинские селькупы рыбу использовали разными способами: ели в сыром виде («чушем»), варили уху, сушили (для приготовления порсы), солили, вялили, тушили, жарили, коптили, запекали (на противне в русской печи), начиняли ею пироги, перекручивали филе щуки для приготовления рыбного фарша, из которого делали рыбные котлеты или начиняли им шкуру щуки. Такой способ приготовления рыбы, как чапсы или «остяцкий шашлык» (рыба, жаренная на деревянных стержнях) иванкинские шёшкупы не упоминали.

---

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 186–190.

²Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 153.

У иванкинских селькупов существовали свои тонкости в приготовлении рыбных блюд. Так, например, внутренности некоторых рыб добавляли в уху – это молоки налима, *макса* печень налима, чищенные потроха крупных щук. Налимью максу также растирали и употребляли как приправу¹.

Широкое распространение имела уха из рыбы, которую готовили как с картофелем, так и без него. Рыбу для ухи брали любую, в зависимости от сезона (налим, стерлядь, караси, окуни и др.), но особо ценили уху из налима и стерляди. Во второй пол. XX в. шёшкупы стали добавлять картофель в уху для сытности, но старики считали, что картофель отбивает вкус рыбы. В уху из налима обязательно добавляли налимью печень и икру. Позже, в 1970-е гг., уху стали приправлять перцем, луком, укропом и лавровым листом.

Однако настоящей «остяцкой» ухой считалась уха, приготовленная без картофеля. После приготовления такой навар сливали в кружку и выпивали. Готовили ее в основном на промысле. Рыбу от такой ухи ели отдельно².

Т.К. Кудряшова писала, что в Иванкино зимой селькупы ели порсу (истёртую в порошок сушеную рыбу) или варили из неё суп. Это была очень сытная пища. При сушке и хранении порсы соль не добавляли, так как она могла дать влагу³. На сегодняшний день потомки шёшкупов порсу не заготавливают и не употребляют, к тому же они затрудняются объяснить, как готовили её их предки⁴.

Иванкинцы любили жарить карасей на металлических листах в русской печи. Смазывали лист рыбьим жиром, укладывали разделанную подсолённую рыбу и запекали. Такое блюдо готовили без картофеля. Кроме карасей, на сковородке жарили в основном щуку и чебака⁵.

Местные жители из д. Иванкино солили чебаков, сушили их в подвешенном виде, нанизывая на проволоку. Хранили рыбу в основном под крышами хозяйственных построек (подвешивали на чердаке в бане, в амбаре, в

---

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 187–188.

²ПМА. 2016. С. 16.

³Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 187.

⁴ПМА., 2016. С. 1–23.

⁵ПМА., 2016. С. 17.

чулане). По воспоминаниям информантов Н.Н. Тайзаковой и Н.П. Иженбиной, в каждой семье был большой запас соленых чебаков. Они вспоминали, что когда были детьми, то срывали эту рыбу и ели вприкуску с луком и хлебом, и это была их любимая еда, особенно летом. Солёную рыбу, чтобы она дольше сохранялась, укладывали в ямы (ледники).

Шёшкупы, как и все остяки – селькупы и ханты – любили есть рыбу в сыром виде с солью. Летом, когда попадалась стерлядь, рыбу разделявали, подсаливали и ели «живьем», т.е. сырой. В замороженном виде «чушем» ели стерлядь, окуня, щуку¹.

Летом готовили рыбу горячего копчения. В Иванкино для копчения пользовались специальной коптилкой, сделанной из бочки с решёткой. Одна решётка ставилась выше, другая ниже, чтобы между рыбой было расстояние для копчения. В бочке было 2–3 сетки для рыбы. Под коптилкой вырывали ямку для дров и поджигали. Огню не давали разгореться. Дрова тлели, а дым шёл через бочку. В процессе копчения ярусы с рыбой менялись. Сверху коптилка (бочка) накрывалась крышкой. Для копчения использовали только специальное дерево². Таким деревом были, по данным Т.К. Кудряшовой, гнилушки раkitника. Ни в коем случае нельзя было использовать осину, так как осиновый дым был горький³ и передавал горький привкус рыбе.

На праздники шёшкупские женщины в основном готовили фаршированную рыбу, чаще всего щуку. Рыбья шкура снималась чулком с сохранением плавников и хвоста⁴. Из щучьего филе делали фарш, приправляли его солью, специями; затем фарш укладывали в шкурку и запекали в печи на противне вместе с головой. В 1960–1970 гг. в фарш для приготовления фаршированной щуки стали добавлять свинину⁵.

---

¹ПМА., 2016. С. 2, 3, 8.

²ПМА., 2016. С. 18–19.

³Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188.

⁴Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188.

⁵ПМА. 2016. С. 20.

Ни один праздничный стол в д. Иванкино не обходился без ухи из стерляди, фаршированной щуки, пирогов с рыбой, мороженой стерляди, которую ели «чушем», а также копченой и соленой рыбы¹.

Заготовка рыбьего жира. Ценным продуктом, изготавливаемым селькупамы с древних времен, является рыбий жир. «В июле, когда рыба нажировалась, начинали топить жир. Вытапливали жир сразу, как добывали рыбу. Привозили по два обласка рыбы, сразу же ее разделявали деревянными ножами и начинали варить в двухведерных котлах. Черпали жир ложками и хранили в берестяных лукошках, глиняных горшках в погребах или подполье»².

Рыбий жир топили из внутренностей чебаков и ельцов. «Особо ценили жир с язей, щук и окуней, потому что такой жир собирался трудней, чем с чебаков и ельцов»³. Для приготовления жира из рыбы вынимали внутренности, и их вытапливали на медленном огне. Жир заготовливали для себя, а выпотрошенную рыбу сдавали в лавку. Обезжиренные кишечные выварки отдавали собакам или использовали как приманку в ловушках.

Качество вываренного жира было не одинаковым. Верхний слой жира собирали и употребляли в пищу сами, средний слой жира шел на обработку кож. Нижний слой жира выкидывали. Иногда хороший жир использовали в лечебных целях.

Рыбий жир также использовали при изготовлении мыла. О таком способе изготовления мыла рассказывала К. Киярова: «брали древесную золу, парили ее, кипятили. Потом сгоняли, и начинал кипеть щелок. После добавляли рыбий жир и скотские кишки. Эта масса начинала кипеть. Из неё потом катали колобки»⁴.

Н.П. Иженбина вспоминала, как в 1970–1980 гг. сама готовила рыбий жир. Для приготовления жира брали ельцов. Кишки от рыбы складывали в одну кастрюлю и ставили её на край растопленной печки. Рыбий жир начинал таять.

---

¹ПМА. 2016. С. 21.

²ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 22.

³Кудряшова Т.К. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188.

⁴ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16.

Первый жир сливали и опять ставили на край печи. Воду в кастрюлю не добавляли¹.

Отношение к приготовлению рыбьего жира у жителей Иванкино менялось: если в середине XX в. селькупы знали, какой жир вкуснее, полезней, из какой рыбы его лучше готовить, то в 1990-е гг. местные жители Иванкино готовили рыбий жир не регулярно, главным образом, когда были сложности с приобретением подсолнечного масла.

Мясная пища. Так как основным блюдом в рационе питания у иванкинцев была рыба, то мясо промысловых животных употребляли в пищу редко. Чаще всего это было мясо утки, позднее – домашних животных (баранина и говядина). Старались зимой на Рождество приготовить какое-нибудь блюдо именно из мяса – оно было редкой, «праздничной» едой².

Для мяса специально растили быка. Заготавливали «скотский» (говяжий) жир для жарки. Мясо на лето солили, потом его вымачивали для приготовления супа. Также солили и вымачивали утиное мясо.

Конину шёшкупы старались не употреблять в пищу³. Возможно, это было под влиянием русской культуры (русские-нарымчане не использовали конину в пищу). Кроме того, не ели шёшкупы и конскую колбасу, которую изготавливали татары Кривошеинского района Томской области (в татарском поселке Исламбуль). Об этом Т.К. Кудряшова писала в статье «Татары глазами селькупов: историческая память и этнические стереотипы» (2002) следующее: «не ели конскую татарскую колбасу, так как она называлась *кызы* (по селькупски это было одно из названий чёрта). Поэтому конскую колбасу называли «чертовой колбасой»⁴.

Лосиное мясо, по предположению Т.К. Кудряшовой, не употребляли потому, что «во время войны некому было бить лосей», но не добывали их и позже. Зато в 1970–1980-х гг. охота на лосей в Иванкино изредка

¹ПМА. 2016. С. 19–20.

²Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188.

³ПМА, 2016. С. 6–9, 20.

⁴Коробейникова И.А., Кудряшова Т.К. Татары глазами селькупов: историческая память и этнические стереотипы // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 278.

практиковалась, и к 1990-м гг. она расширилась. Не промышленляли для еды зайцев. По воспоминаниям Т.К. Кудряшовой, их ели только в голодный период в 1946–1947 гг. «от голода и безрыбья»¹.

Молочные продукты. Коровы в д. Иванкино были уже в конце XIX в., но о молочных продуктах от местных жителей получено не много информации. В XX в. в пищу употребляли следующие молочные продукты: коровье молоко, простоквашу, сметану, творог, сливочное и топленое масло. Т.К. Кудряшова записала от Л.С. Езангиной из д. Иванкино информацию о своеобразном приготовлении масла: «для приготовления масла брали сметану и томили в глиняном горшочке в печи, затем ее остужали и мутовкой в том же горшочке сбивали масло»².

Злаковая пища. Раньше предпочтение отдавали ячменю, считая его самым лучшим из всех зерновых. «Жернова и ступы были в каждом доме. Ячмень мололи на жерновах или толкли в деревянных ступах. Из ячменя варили кашу, пекли лепешки»³.

«В д. Иванкино мука была только покупная. Хлеб иванкинские женщины стряпали сами, каждая у себя дома. Специально для приготовления теста делали хмелевую закваску. Хмель рос в огороде у каждого. Его собирали, настаивали на кипяченой воде и немного варили, не доводя до кипения. Из теста стряпали хлеб, рыбные пироги, пирожки, шаньги. Информанты вспоминали приготовленные шаньги, как самую вкусную выпечку»⁴. Иванкинские шаньги – это выпечка, приготовленная из муки, сметаны и сахара.

Как на праздники, так и в обыденные дни местные женщины пекли рыбные пироги. «Пирог стряпали из разной рыбы – карась, стерлядь, нельма, лещ и язь (большой). В рыбный пирог картофель не добавляли, рыба обязательно должна была быть одна»⁵.

---

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова А.Д., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 200.

²Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 189.

³Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188.

⁴ПМА. 2016. С. 2, 7, 16.

⁵ПМА. 2016. С. 17.

Иванкинские женщины любили стряпать пироги и пирожки, которые начиняли не только рыбой (без картофеля), но и морковью, картофелем, ягодой. Очень вкусной считалась начинка из смеси черёмухи с бояркой. Использовались для начинки не только свежие, но и молотые, а затем запаренные ягоды. В такую начинку не нужно было добавлять сахар. Для лучшей сохранности хлеб зимой замораживали¹.

Овощная пища. В XX в. огороды д. Иванкино были практически у всех. Основными овощами, которые выращивали местные жители, были картофель, морковь, свекла, брюква, капуста, огурцы, тыква, репа, редька.

По словам Т.К. Кудряшовой, местные жители репу обычно парили. Картофель в основном отваривали в «мундире». Картофель не добавляли в пирог и старались не добавлять в уху. В рационе иванкинцев блюда из картофеля уступали рыбным блюдам. С 1970–80-х гг. стали делать картофельное пюре, переняв эту «моду» у русских.

Солить капусту, огурцы и помидоры на зиму начали во второй половине XX в. Солили в основном огурцы и капусту в специальных больших бочках². Капусту затем тушили в чугунке и ели с рыбой. Из свеклы и моркови с добавлением сухой смородины готовили компот³. Репу тоже сушили.

Табак. Практически все мужчины и многие женщины в д. Иванкино были курящие. Женщины, особенно старые, нюхали табак, после чего начинали чихать. Нюхательный табак держали в специальных кисетах.

Многие выращивали табак у себя дома. Собирали его и сушили как чай. После измельчали и заворачивали в газету. Курили доморощенный табак попеременно с покупными сигаретами. Н.П. Иженбина вспоминала, что видела пожилых людей с трубками. Трубку, по её словам, курили для отдыха⁴.

Приправы и пряности. В качестве приправы иванкинские женщины сушили дикий хрен, который добавляли к рыбе и мясу. Собирали и много

---

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 188–189.

²ПМА. 2016. С. 3, 6–7.

³Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 189.

⁴ПМА. 2016. С. 7, 20.

употребляли дикого «гусиного» полевого лука. Его солили и сушили впрок¹. Полевой лук любили есть вприкуску. Также выращивали чеснок и обычный репчатый лук. Чеснок собирали, сплетали косичкой и подвешивали на гвоздь. Лук в д. Иванкино вырастал маленьким. Добавляя в пищу при варке, его не пережаривали².

Грибы. Раньше в д. Иванкино грибы не собирали и не употребляли в пищу. Собирали их только приезжие или русские. Селькупские женщины начинали солить грибы, когда вступали в брак с русскими. В основном им приходилось учиться этому у русской свекрови, так как для русских мужей солёные грибы были нормой. Так, информантка А.И. Сычина вспоминала, что как только вышла замуж за русского, пришлось учиться солить грибы³.

В бочках солили грибы, в основном грузди. Собирали для засолки волнушки, гороховики, грузди. В д. Иванкино росли шампиньоны, но их никогда не собирали, так как считали поганками⁴. Многие боялись отравиться, потому что не отличали съедобные грибы от несъедобных. О галлюциногенных свойствах мухомора иванкинцы не знали, и информации о настойках из мухомора и его употреблении местные жители не рассказывают.

Чай и иные напитки. Чаем жители Иванкино считают не только листовой покупной чай (сушеные и измельченные листья куста китайской камелии), но и отвары местных трав и листьев кустарников (прежде всего, сушёные листья смородины). Кроме того, чаем называли запаренные плоды сушеного шиповника, а так же отвар с кусками чаги (березового гриба). Кроме того, как заварку использовали также иван-чай, дикий тмин, мяту. Иногда к чайной заварке добавляли сушеные ягоды черемухи⁵.

---

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 189.

²ПМА. 2016. С. 9.

³ПМА. 2016. С. 17.

⁴ПМА. 2016. С. 2, 9.

⁵ПМА. 2016. С. 1, 12, 16.

Во второй половине XX в. иванкинцам вполне был доступен покупной черный листовой чай. Практически все жители Иванкино в 1960-е гг. покупали такой чай в местном магазине. Травяной чай пили, когда заканчивался черный¹.

Покупной зеленый чай считался более худшим по качеству по сравнению с черным (он не давал яркий цвет и нужную терпкость). Информанты о нём даже не вспоминают как о чае.

Варенье. В каждой семье в д. Иванкино впрок заготавливали варенье из черной смородины. Нормальным считалось такое его количество, чтобы банок хватало не только до весны, но и до нового урожая смородины. Когда наступало лето, из заготовленного с прошлого года варенья делали морсы (разводили варенье с водой).

Алкоголь. Все местные жители пили брагу, приготовленную на хмелю. Для крепости добавляли купленные дрожжи². Для приготовления браги требовалось не меньше месяца. Это был самый быстрый алкогольный напиток. Самогонку в Иванкино не гнали, так как для перегона самогонки требовался специальный аппарат, которого не было.

Запреты в пище. С почитанием животных связывались некоторые ограничения в использовании в пищу мяса медведя и лося. Г.И. Пелих от информанта из Иванкино ещё в 1960-е гг. записала, что иванкинские охотники принимали участие в охоте, но мясо убитого медведя не ели, так медведь считался почти человеком. К тому же существовала примета «если медведя убьешь, то от него же и погибнешь»³.

Достаточно четко фиксируется у иванкинцев запрет употреблять в пищу мясо лося. Т.К. Кудряшова писала, что в Иванкино не ели мясо лося, считая его священным, так как он «носит на рогах луну» и определяет годовой круговорот⁴.

---

¹Кудряшова Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов..., Томск, 1998. С. 189.

²ПМА. 2016. С. 2, 12, 16.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 16.

⁴цит. по: Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 163.

Н.П. Иженбина, по воспоминаниям бабушки рассказывала, что зайца не ели и не шили шапок из его шкурок, так как он был трусливый. Была примета «если увидел зайца, то можно возвращаться домой (заяц как черная кошка)»¹.

«Не использовали в пищу конину, несмотря на то, что лошадей в селе всегда было много»². Н.П. Ижебина, А.И. Сычина и Н.Н. Тайзакова рассказывали, что в Иванкино их родители не готовили пищу с кониной, зайчатинной, свиной и курицей.

Утварь. Селькупы, ведущие традиционный образ жизни, обходились в своей повседневности небольшим набором вещей. Почти все они были созданы собственноручно и только для себя и своей семьи. Практически вся посуда раньше была берестяная³.

Н.А. Тучкова выделяет несколько разновидностей берестяной посуды у селькупов: подпрямоугольная с невысокими бортами коробка (использовали как широкую миску для сушки ягоды и рыбы), коробка цилиндрической формы с круглым дном (коромдже), берестяные кузова и набирки (использовали для сбора ягод), особые коробки, в которых женщины хранили свои швейные принадлежности. На русском языке любую берестяную утварь называли словом *куженька*⁴.

На шёшкупском диалекте лингвистами были выявлены термины для трёх видов берестяной посуды (см. Табл. 7)⁵.

Таблица 7 – Названия берестяной посуды на шёшкупском языке

Название берестяной посуды на шёшкупском диалекте	Термины, используемые на русском языке для разного вида берестяной посуды
<i>кяду</i>	<i>набирка</i>
<i>қоронджэ</i>	<i>корзина, лукошко</i>
<i>паджа</i>	<i>куженька</i>

¹ПМА. 2016. С. 9.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова А.Д., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 200.

³Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 163.

⁴Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 163–166.

⁵Быконя В.В. Словарь..., Томск, 1994. С. 15, 19, 31.

Все эти разновидности берестяной посуды были и у жителей д. Киярово и д. Иванкино. По словам Е.М. Тузаковой, женщины в Иванкино и Киярово сами обдирали бересту и изготавливали из неё посуду. На изготовленной посуде выскабливали орнамент¹.

Из бересты изготавливали «хлебницы», «солонки», «куженьки для ниток», и «табакерки» (они были размером с солонку). Этот перечень говорит о разнообразии применения, но по типу изготовления это были *корондже* разного размера (искл.: «куженьки, чтобы ягоду сушить» – *паджа*). Кроме того, использовали туески и набирки (кузова) для сбора ягоды.

Мастерицами по изготовлению берестяной посуды в д. Киярово была бабушка Е.М. Тузаковой – В. Нестерова, а в д. Иванкино – Л.М. Тобольжина².

Кроме берестяной посуды, в деревне была в использовании деревянная посуда – кружки, ложки, чашки, кадки. Для засолки грибов и огурцов делали специальные бочки. Такая бочка затыкалась пробкой. Для жарки рыбы у каждой хозяйки были чугунные сковороды³.

К сожалению, в музейных собраниях Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова и Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского не оказалось предметов берестяной утвари из д. Иванкино.

3.3. Религиозные верования шёшкупов

3.3.1. Традиционные воззрения и обряды

Культовые места. О древних религиозных традициях и языческих верованиях иванкинских шёшкупов свидетельствует, прежде всего, наличие зафиксированного материала о культовых местах, важных для всех жителей данной местности. Они были выявленные исследователями еще в конце XIX –

¹ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 4–6.

²ПМ Тучковой Н.А. 1995. С. 5; Тучкова Н.А. Шёшкупы реки Оби. Томск, 2000. С. 175–176.

³ПМА. 2016. С. 6–7.

начале XX в. (см.: А.Ф. Плотников (1901)¹, А.П. Дульзон (1956)² и Я.Я. Яковлев (1989)³).

Самым известным культовым местом около Иванкиных юрт был «мыс Попаргесог». Там, по словам А.Ф. Плотникова, хранились «куклы»⁴, и происходило их ритуальное сжигание (*no* – дерево, *parge* – болвань, *согь* – мыс)⁵.

«Мыс «Попарге-сог» в старину был обвешан шелками, ситцами, пушшиной, серебряными и медными деньгами жертвователей, поступавшими в пользу лоз (духов). При хорошем улове зверя или рыбы жители произносили: *Номь мыгеть* (*Номь* – Бог, *мыгеть* – дал) и собирали часть самой лучшей добычи от каждого промышленника в кучу и сжигали ее. Обряд это назывался *пирь* – всесожжение. Этот лес в начале 1850–х гг., при подорвавшейся вере в лозов, инородцами вырублен»⁶.

Н.А. Тучкова в издании «Мифология селькупов» (2004) дает комментарий к описанию культового места близ Иванкиных юрт – Пõпãргесоқ [*põ pãrge soq*] – «деревянного идола мыс». Здесь, возможно, находились деревянные куклы, изготовленные как двойники появившихся на свет людей для хранения их душ, и здесь же сжигали этих кукол после смерти человека-прототипа⁷.

Кроме священного мыса Попаргесог, есть также лаконичные сведения о том, что священным (запретным) местом считался Согур – кочкарная пойма около Иванкино. «На Согур носили куколки, лоскутки и головы животных (угощали лесного духа). А лесной лоз смотрел: кто, сколько принёс, тому и

¹Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 366 с.

²Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316

³Яковлев Я.А. Культовые места XIX – нач. XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и культуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 35–53.

⁴Такие авторы, как А.Ф. Плотников, Г. И. Пелих, Н.А. Тучкова слово «кукла или куклы» не берут в кавычки, поэтому в разделе «Религиозные верования шёшкупов: поиск локальной специфики» слово «кукла или куклы» пишется в кавычках только в том случае, если это слово употребляет автор диссертации.

⁵Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 153.

⁶Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 153.

⁷Тучкова Н.А. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 242.

зверей на охоте соответственно давал. Бросали на это место хлеб, лили вино, таким образом, кормили лесного духа, считали, что добудут много рыбы»¹.

Лесного духа угощали, а он в свою очередь смотрел, кто какие подношения сделал и за это жертвователям давал зверей на охоте. Для того чтобы добыть много рыбы, иванкинцы бросали в реку хлеб, лили вино – кормили водяного духа.

Подтверждающей информацией о священности (запретности на посещения) иванкинского Согура является небольшой текст о вере селькупов в духов, записанный в 1980 г. А.А. Ким от Л.П. Иткуповой. От нее была зафиксирована информация о запрете ходить к Согуру из-за расположенных там кузовов с семейными духами: «...матери сказал отец: «Ты, Верка, к Согуру не ходи, там духи. Какие духи? Ну, духи – кукольные шайтаны, из лоскутков куклы. Верка не послушалась, через Согур пошла, заблудилась – шла, шла» [см.: текст «Лбзла» (запись А.А. Ким)²].

В самом поселке Иванкино по данным Г.И. Пелих, также было культовое место, где когда-то находился идол, которому местные жители поклонялись. В.Г. Иткупова (1880 г.р.) вспоминала о стоящем в Иванкино столбе-идоле, который был вырезан «на вроде человека». Она говорила, что иванкинцы ему поклонялись, но места, где он находился, в самой деревне она не назвала³.

Т.К. Кудряшовой от односельчан-иванкинцев были собраны воспоминания о священном месте для жителей д. Иванкино – «шапка богатыря Соксара». Это священное место, по ее словам, находилось на острове, образованном рукавами протоки Пурьянги, впадающими в р. Обь, и в р. Кеть⁴.

Еще одно культовое место, по сообщению В.Г. Иткуповой, было на озере Пызак у Пиковки, где многие поколения окрестных жителей вешали «кукол»⁵.

К березе жители д. Иванкино относились, как к священному дереву. По представлению селькупов других групп берёза считалось «деревом начала

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 24, 25.

²Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 198.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 24, 25, 30.

⁴Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов..., Тобольск; Омск, 2002. С. 326

⁵ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 24.

жизни». Береза также использовалась селькупками в качестве жертвенного дерева, по которому шли просьбы людей к Богу¹. В окрестностях д. Иванкино, по воспоминаниям информантов, было такое место, где стояла жертвенная береза, на которую вешали кукол-лозов².

Т.К. Кудряшова подтверждает, что в самой деревне, действительно, когда-то стояла береза, на которую вешали приклады духам. Помимо «главной» березы в самом поселке, были и другие священные березы, которые находились в отдаленных труднодоступных местах близ д. Иванкино. Выбирали и освящали их только мужчины (не мальчики и не старики). Одним из таких мест была береза «внутри Согура». Другая жертвенная береза с лозами находилась в «Базаркиной ливе» в глубине острова, который практически постоянно заливался весенним паводком. В 1980-е гг. Н.А. Тобольжин нашёл на этом месте жертвенную березу с остатками истлевших приношений³.

С березой у иванкинцев были связаны некоторые поверья. Так, например Р.М. Тобольжин рассказывал, что при переезде в д. Иванкино он был предупрежден местными жителями, что в березняке нельзя было ломать веников, иначе станет плохо, так как березу было запрещено «шевелить», а тем более ломать⁴.

Р.М. Тобольжин, родом из д. Иготкино, вспоминал, что «у иванкинцев было много лозов. Куклы были завернуты белой тканью – это ясной погоды Бог, а в ткань из чёрного сатина – неясной погоды»⁵. По его словам, в д. Иготкино у местных жителей не было лозов, так как они были селькупками «немного с русской породой».

Куклы-духи.

Семейные собрания «кукол». По данным Г.И. Пелих, еще в первые десятилетия XX в. почти каждая селькупская семья имела особые культовые

¹Тучкова Н.А и др. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 167.

²ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 4, 15.

Г.И. Пелих приводит следующий селькупский термин для березы, на которую вешали лозов: «*этадат лоозлам квээ*» и даёт перевод: «береза, на которую вешают духов/божков, привязки».

³Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 199.

⁴ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 17.

⁵ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 19.

предметы – деревянные антропоморфные изображения размером от 5 до 30 см, называемые обычно домашними или семейными «лозами»¹.

Информанты из селькупских деревень (юрт) Мумышево, Ласкино, Напас, Сондорово, Максимкин Яр и Иванкино на русском языке их называли «куклами», а также нередко «чертями». От их владельцев не требовалось обучаться шаманству. Наоборот, наличие таких духов считалось необходимым в любой семье простых охотников и рыбаков, если они «держали шаманскую веру». Лозы, по словам информантов, были «домашние» и «таёжные»².

По поверьям, собранным Г.И. Пелих, жизнь каждого человека была тесно связана с его «куклой». Человек получал «куклу» приблизительно в возрасте одного года. Только новорождённым детям «кукол» не полагалось. Знаком того, что для ребенка пора делать «куклу», считалось появление первых зубов. Большею частью подобные фигурки изготавливали шаманы, которых часто приглашали для проведения необходимых процедур. По словам информанта В.И. Шкарина, шаман делает куклу на каждого человека. «У него всё на учете, всё по родству. Скажем, – вот Шкарины, а вот Сычины»³.

Г.И. Пелих предложила их следующую авторскую классификацию деревянных фигурок: 1) «кедол куллага» или просто «куллага»; 2) «лоз нега» или «лоз негла»; 3) «кава лозы»⁴; 4) «чорга»⁵.

Данную классификацию Г.И. Пелих производит по коллекции антропоморфных изображений старика Арнянгина из поселка Колгуюк (р. Обь; этот поселок далеко за пределами шёшкупской текрритории – вниз по Оби). Показывая предметы из культовой коллекции домашних фетишей селькупам из разных районов, она попыталась собрать разъяснения к ним. Первый вид духов-помощников, по классификации Г.И. Пелих, были деревянные

¹Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 57.

²Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 58–59.

³Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 59.

⁴«кава лозы» – Г.И. Пелих зафиксировано несколько значений этого слова: «кава лоз» – «чёрт»; «кава лозы» – «идолы из дерева»; «кува лаз» – «дух моего духа» зародыши людей, животных, птиц, рыб и т.д. Ни один из этих переводов термина нельзя считать действительным, так как очевидно, «кава лоз», как говорят селькупы, «прозвище», а подлинное название информанты или забыли, или не хотели (боялись) произнести. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 5.

⁵Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 58.

антропоморфные фигурки размером от 5 до 30 см. Многим информантам эти «куклы» и места их хранения были известны, по записям Г.И. Пелих, еще с детства. На этот счет остались лишь общие рассказы о таких «куклах», в том числе и от информантов из д. Иванкино.

В д. Иванкино девушки своего лоза брали с собой в качестве приданого, когда выходили замуж. Либо ей специально делали лоза и давали его в приданое. Так, например, информантка Тобольжина вспоминала, что ее бабушке родители давали в приданое лоза, сделанного с изображением змея¹.

Семейные «куклы», т.е. куклы для каждого члена семьи, хранились обычно все вместе в берестяной коробке, которую прятали либо на чердаке дома, либо относили на культовое место.

Таким культовым местом в д. Иванкино был Согур. Со слов Т.К. Кудряшовой известно, что коробки с духами могли хранить в определенных местах, в иванкинском Согуре, т.е. непосредственно в траве между кочками в пойме. Под разными кочками там хранились кузова с набором семейных кукол-духов разных семей иванкинцев. Однако точных данных нет: сколько именно семей хранило там свои собрания семейных духов. Также нет точных данных, почему кто-то хранил кузов с семейными духами на чердаке, а кто-то в Согуре.

Еще одной фигурой было железное антропоморфное изображение – охраняющие «семейные лозы», которых держали дома. Такая «кукла» изготавливалась для живых людей в разное время и по разным случаям. В основном, чтобы никто не «испортил» (сглазил, навел порчу). Занимались такими «куклами» только мужчины. Они их кормили, одевали, приносили им подарки. Такая кукла-охранник хранилась среди семейных лозов и передавалась по наследству, но только по мужской линии. Куклы «чорга», оставшиеся после смерти их хозяина, уносили в тайгу в священный амбарчик².

---

¹Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 60.

²Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 67–69.

В д. Иванкино таким местом, где «многие поколения окрестных жителей вешали куклы», был остров Пызок у Пиковки.

Второй разновидностью домашних лозов, по классификации Г.И. Пелих, были мелкие зооморфные изображения, сделанные из железных пластин. Такие изображения хранились вместе с «куклами». Их клали на дно берестяного лукошка и закрывали тряпочкой, а сверху у стен лукошка осторожно устанавливали «кукол». В функции зооморфных изображений входило: 1) охранять деревянных кукол-духов, чтобы люди не брали их («Если возьмёшь куклу со змеем, то змей укусит тебя, и ты умрёшь»). 2) лечить (такими зооморфными фигурками пользовались при лечении болезней).

Как считает Г.И. Пелих, мелкие зооморфные фигурки, возможно, (или часть из них) были связаны с какими-то древними тотемистическими представлениями. Очевидно, что селькупы считали себя каким-то образом связанными с тем видом животного, изображение которого хранилось у них в семейном кузовке. Так, информантка из Иванкино М.И. Киярова вспоминала, что у ее родственников в качестве металлических пластинчатых духов были «какие-то пташки», которые достались ее деду от отца.

Третья разновидность домашних лозов, которую отметила Г.И. Пелих – это крупные скульптурные изображения из дерева (фактически в рост невысокого человека). Такие изображения обычно в этнографической литературе называют идолами.

Лингвисты считают, что только к таким идолам применим селькупский термин *кавал лозы* – волшебник, призрак¹.

Возможно, что каждый такой идол – это было изображение покойника, сделанное после смерти человека. «Кава лозы» делали из дерева, «вроде как памятники». Однако Г.И. Пелих собрала сведения об изготовлении идолов и при жизни человека: например, делали «шаманского «кава лоз» как большую деревянную «куклу», которую изготавливали для годовалого ребенка по его росту; но это делалось лишь в том случае, если имелась твёрдая уверенность,

---

¹Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. С. 61.

что данный ребенок должен стать шаманом. «Кава лоз» трактовался как дух-дьявол, «переселившийся» в тело будущего шамана. Таким образом, идол был деревянным вместилищем души шамана или вместилищем шаманского духа.

От информантки из ю. Иванкиных был записан рассказ об одном таком семейном фетише в виде большой «куклы»: «Мама рассказывала, что у одной бабушки попросили камешки, для того, чтобы потолочь черемшину. Бабушка отправила маму на вышку залезть. Предупредила, чтобы далеко не заходила. Там мама увидела лукошко большое, в котором были лозы. Над лукошком была подвешена кукла «навроде человека», в шубе»¹.

Таким образом, мы видим, что из предложенной Г.И. Пелих классификации культовых изображений, в Иванкино были выявлены 3 вида духов-помощников.

Из вышесказанного можно предположить, что еще в начале XX в. в д. Иванкино практически в каждой семье был свой семейный набор антропоморфных деревянных фигурок духова-помощников («кукол»). Они были мужские и женские. В качестве оберегов для семейных духов-помощников изготавливали металлические мелкие зооморфные изображения, которые охраняли лукошко с лозами. Кроме того, были лозы-охранники антропоморфного вида, изготовленные из металлических пластин.

Хранились духи все вместе в общей семейной берестяной коробке как дома (на «вышке» – чердаке), так и вне дома. В коробке деревянные антропоморфные фигурки – «семейные куклы» – размещались в вертикальном положении; внизу рядом с ними раскладывались металлические пластинчатые зооморфные фигурки. Деревянные «куклы» имели одежду, зооморфные фигурки были завернуты в лоскуты ткани.

Если девушка выходила замуж, то одну из «кукол» из семейной коробки давали ей в приданое. Считалось, что невестка приносила в семейную коллекцию духов своего мужа «свое» изображение².

---

¹Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 64–65.

²Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 60.

Самыми известными культовыми местами для хранения кузовов с домашними «куклами» в Иванкино был Согур.

В особых случаях «от сглаза или порчи» мужчины делали при жизни человека железное антропоморфное изображение, за которым могли ухаживать только они. Хранились такие мужские духи-помощники на острове Пызок у Пиковки.

Редким является пример крупного скульптурного изображения из дерева. Есть лишь одно воспоминание о таком духе-помощнике от одной информантки из Иванкино, которая видела большую подвешенную «куклу» на чердаке старой бабушки.

Обращение шёшкупов с куклами-духами. Относительно того, как надо правильно общаться с духами-помощниками, у иванкинцев существовали свои поверья, которые были зафиксированы Г.И. Пелих в этнографической экспедиции 1961 г.

Селькупка В.Г. Иткупова рассказывала об обращении с лозами следующее: «Если заболели ноги, то нужно лозам купить или сшить чирки, если голова, то купить платок»¹. Селькупы верили, что у них с их куклами-помощниками существует тесная связь, поэтому всячески старались их удовлетворять. Этим домашним духам надо было кормить, одевать, каждый год шить им новую одежду. Считалось, что по ночам лозы могли оживать, ходить по дому, есть и плясать. После смерти хозяина кукол-лозов относили в лес и вешали в кузове на березу.

Предположительно лозы отражали характер и даже внешний вид своего хозяина. Многие информанты говорили, что лозы вели себя подобно их хозяевам, поэтому куклы-лозы могли себя проявлять как «плохие» или «хорошие». О таком поведении кукол Г.И. Пелих была записана от информантов М.И. Кияровой и К. Кияровой следующая информация: лозы тётки Вассы могли агрессивно себя вести с другими людьми (прежде всего, с любопытными, которые заглядывают в чужие окна). В записях было сказано,

---

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 24.

что они могли плевать и издеваться над другими людьми и даже навести на них порчу, поэтому люди боялись ходить рядом с ее домом¹.

Обращает на себя внимание стремление селькупов придать «кукле» черты портретного сходства с кем-то из живых членов семьи. По воспоминаниям информантов, делали и представляли лозов в виде живых людей. Лозов, похожих на «чертей» (в православном понимании этого термина), не было. Одевали лозов в юбочки и штанишки, которые шили сами².

Иногда лозов называли именами живых людей. Таким примером были женские и мужские имена лозов тети Вассы, которых звали Фанаса, Фелисата, Анна, Тимофей, Микита³.

Самое главное в обращении с лозами, исходя из рассказов информантов, было соблюдение требования обращаться с ними, как с живыми людьми. Необходимо их называть по имени, кормить, менять каждый год одежду. Они, в свою очередь, оберегали хозяина от сглаза, порчи, защищали от лозов других людей, охраняли («плевались» и т.п.), приносили удачу на промысле и в других хозяйственных делах. По поверьям, кукла сопровождала человека на протяжении всей его жизни.

В.Р. Тобольжин рассказывал историю о семье, в которой сын отказался от кукол-помощников своего отца⁴. Нельзя было отказываться, когда отец передавал лозов по наследству. Считалось, что если человек не принял предназначенных ему лозов, то он будет плохо жить.

Ни в коем случае нельзя было наступать на лозов-охранников, оберегающих лукошко с лозами. М.И. Кияровой рассказывала, что она наступила на изображение «пташки», и ее «схватила колика»⁵.

Уходя из семьи, необходимо было брать с собой своего лоза для своей защиты и помощи. Также нельзя было отказываться от передаваемых по наследству «кукол» (если на какого-то члена семьи ложилась обязанность

---

¹ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 11–12.

²Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 61.

³ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 11–12.

⁴ПМ Пелих Г.И. 1961. С. 10.

⁵Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 63.

заботиться обо всей совокупности духов) и уж тем более небрежно обращаться с ними.

Лозы д. Иванкино во второй половине XX в. Т.К. Кудряшова, уроженка д. Иванкино, о языческих представлениях своих односельчан писала следующее: «Сегодня, наверное, остались лишь воспоминания о вере селькупов в духов. Жива ещё память и о последних лозах Иванкино». ... Летом 1983 г. ее односельчанин сжег на костре набирку с лозами. А были это, пожалуй, последние лозы в селе. Все замолчали сразу. И хотя никто ничего не сказал, но всем было не по себе. Всегда это трудно. Через 10 лет в ту семью пришла трагедия. Как это понять? Ведь все равно лозов сжигают, когда уже ушли из жизни те, кого они охраняли. Забыли мы время, место и действие обряда»¹.

В полевых материалах автора имеются записи селькупки Н. Н. Тузаковой, которая в 2016 г. рассказывала, что в 1960-х гг. в Тебенаке и Иванкино у старых бабушек еще оставались сундуки, в которых хранились необъяснимые для них (детей) вещи. О своей бабушке А.Я. Тайзаковой она рассказывала, как о человеке со способностями лечить людей, видеть сглаз, порчу. В ее сундуке она находила засохшую рыбу, завёрнутую в тряпку, платье желтого цвета, в котором она просила ее похоронить. Когда бабушке начинало «ломать кости», она выгоняла всех из дома, закрывала окна. Будучи ребенком, Н.Н. Тузакова забралась на дерево черемухи и наблюдала за бабушкой. Она увидела, как ее бабушка «общается с чертями». Разложив на табуретке кусочки хлеба, она шептала что-то и бросала нож, остриём в табуретку. Больше, к сожалению, ничего не видела².

По мнению Н.Н. Тузаковой, ее бабушка могла перевоплощаться в животное и наблюдать за ними (детьми). Так, например, после нарушения бабушкиных запретов купаться или ходить куда-то без взрослых, выяснялось, что бабушка узнавала всё в подробностях, будучи даже в другой деревне.

¹Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое..., Томск, 2000. С. 198–200.

²ПМА. 2016. С. 10–11.

У бабушки была своя строгая система селькупских запретов. Она не разрешала надевать чужую одежду, особенно брать вещи от старых людей, считая, что они хотят передать свои болезни. Такие вещи она бросала в печку со словами «Откуда пришла, туда и ушла!». Считала, что нужно постоянно оберегать себя от сглаза. Делала специальные сетки, которые заставляла носить на поясе¹. Подробнее о традиции селькупов носить под одеждой на поясе отрезок сетяного полотна (*саип*) см.: Н.А. Тучкова (2013)².

О шаманизме. От информантов из д. Иванкино (и из близлежащих селькупских посёлков) исследователями не был зафиксирован материал о шаманских камланиях, не были выявлены имена практиковавших в прошлом шаманов, не осталось сведений об их атрибутике – «шаманских изображениях», надеваемых на шаманский костюм, а также сведений о шаманских бубнах, колотушках и т.п.

Г.И. Пелих на протяжении нескольких лет во время экспедиционных работ в различных районах расселения селькупов собрала объемный материал о фетишах селькупских шаманов и проявлениях шаманизма у селькупов (главным образом – у северных селькупов)³. Однако о существовании шаманизма в д. Иванкино достоверных сведений у данного автора нет. Об этом свидетельствует, по мнению Г.И. Пелих, лишь один рассказ о старой шаманке «тётке Васёне», записанный от информантки М.И. Кияровой из г. Колпашево.

Г.И. Пелих отнесла рассказ к разделу о фетишах шамана, а конкретнее – о «найденных» атрибутах шамана. Она обращала внимание не только на факт передачи шаманских атрибутов по наследству, но и на случаи находок этих вещей обычным человеком, не принадлежащим к роду шамана. Находка фетиша объяснялась якобы желанием самой вещи иметь своим хозяином данного человека. Новый владелец фетишей, которые сами по себе обладали сверхъестественной силой, считался лишь их хранителем. В самом рассказе о старой шаманке, у которой были такого рода «лозы» (куклы) и о

---

¹ПМА. 2016. С. 10–11.

²Тучкова Н.А. Селькупы..., Томск, 2013. С. 188.

³Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 5–57.

существовании этой своеобразной традиции говорится следующее: «Потом она их на мыс увезла, в березняке поставила. Она лозы на мыс увезла, потому что последний год жила. Они ей говорят, когда умирать надо... Этих лозов передавать нельзя. Их надо в такое место поставить, чтобы чужой человек туда не приходил и не знал... Они каждому не даются. А кто их может одевать, кормить – они поют, говорят: “Возьми нас!” ... Их возьмёшь – 12 суток будешь сидеть голодом. И ты, и они. Их брать будешь, надо язык прикусывать. (Потом) они научат, что говорить и что делать... Этих лозов передавать нельзя, а ставить нужно их к березняку, а не к осиннику. В осиннике они замрут»¹.

Из приведенного выше материала видно, что рассказ о «шаманке» использовался Г.И. Пелих, скорее всего, как подходящий пример на тему, как надо обращаться с фетишами. Но о ритуальных проявлениях шаманизма или о непосредственно шаманских камланиях этот пример не несёт никакой информации.

3.3.2. Христианство

Одной из первых православных церквей в Нарымском крае является Церковь Живоначальной Троицы в Иванкино. Об этом свидетельствуют, например, записи в дневниках Г.Ф. Миллера, сделанные им во время его путешествия по Приобью в 1740 г. Учитывая, что юрты Иванкины были инородческим (селькупским) поселением, наличие церкви в данном населённом пункте является неоспоримым свидетельством христианизации среднеобских селькупов. Данная тема мало исследована, так как история церквей севера Томской губернии и церковно-приходских школ, а также судьба первых священнослужителей и религиозность населения до 1917 г. практически не освещались широко в научной литературе советского периода.

Об иванкинской церкви исследователи имеют весьма немного достоверных сведений, однако некоторая информация о храме, построенном в

---

¹Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству. Новосибирск, 1980. С. 19.

Иванкиных юртах и впоследствии перенесенном в крестьянское село Инкино сохранилась.

Одним из ранних упоминаний о данном храме стоит считать описание Г.Ф. Миллера, который отмечал, что стоит «...Троицкий погост, на восточном берегу, в $\frac{1}{2}$ версты ниже устья указанного рукава реки Кети. Здесь имеется построенная для остяков церковь Живоначальной Троицы и при церкви остяцкая деревня на 17 юрт, которая раньше носила русское название Иванкины юрты, а по-остяцки называлась Pi-jet или Pigl-et. Отсюда возникло также название Иванкина волость, поскольку она к ней относится»¹. Очень важной является информация исследователя о том, что в приход храма входили 17 юрт [дворов], но, к сожалению, о самих жителях этого поселения он больше никаких сведений не упоминает.

А.Ф. Плотников в историко-статистическом очерке «Нарымский край» об иванкинской церкви пишет следующее: «Желая увековечить память Сидзи-Сычина жители, спустя немного лет после крещения, построили часовню, а затем в 1718 г. деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы. Эту церковь, по приходу ее в ветхость, перестроили вновь, но она скоро сгорела, на месте которой была построена новая, простоявшая до 1804 г. Эта последняя церковь была, по распоряжению начальства и по случаю ветхости, снесена в д. Инкину (с 1812 г. село) Кетской волости (см. указ нарымского земства суда от 11 августа 1805 г.), но, не смотря на это, до 1830 г. приход назывался Пиковским. Переносу церкви в крестьянское селение инородцы противились, но так как власти были всегда на стороне крестьян – поделаться ничего не могли. Церковь перенесена и освящена в 1812 г.»².

Источником, подтверждающим факт переноса церкви Живоначальной Троицы из юрт Иванкиных в с. Инкино, являются «Справочные книги по Томской епархии» за 1898–1899, 1902–1903, 1909–1910, 1914 гг., где имеются сведения, в том числе и о церкви Живоначальной Троицы, которая была

¹Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г..., Новосибирск, 1996. С. 182.

²Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 152.

отстроена в 1862 г. в с. Инкино. Кроме того, есть данные об основании в 1892 г. церковно-приходской школы в юртах Иванкиных и о построенной там же в 1901 г. церкви-школы «во имя Святого пророка Божья Ильи». Также в книгах говорится об учителях и количестве учеников в ней, и есть данные о составе Инкинского прихода, куда входили и жители юрт Иванкиных¹.

В 2001 г. Т.К. Кудряшова, опираясь на очерк А.Ф. Плотникова «Нарымский край» и собрав материал об отношении к христианству местных жителей д. Иванкино, написала работу «Церковь Живоначальной Троицы»². Здесь Т.К. Кудряшова пишет, что в 1629 г. Пиковская волость, в которой наиболее крупными были юрты Иванкины и Кияровы, упоминается в окладных книгах. В середине XVII в. этой волостью управлял князец Сидзу Иванка, который в начале 1700 г. вместе с семьей принял крещение³.

Кроме самого факта крещения в 1714 г. жители, по мнению краеведа Т.К. Кудряшовой, выполнили также указ Петра I об уничтожении культовых мест, получив взамен гербовую охранную грамоту на право пользования прилегающими землями. Т.К. Кудряшова пишет, что церковь им нужна была как знак принадлежности к новой жизни⁴. После крещения Сидзу принял фамилию Сычин, а село стало называться Юрты Иванкины⁵.

По данным Т.К. Кудряшовой, собранным у местных жителей юрт Иванкиных, после того как церковь перенесли в 1804 г. в Инкино, жители стали собирать деньги на строительство новой церкви. В 1892 г. Земство принимает решение о строительстве в Иванкино церкви-часовни исполовья⁶. В 1896 г. церковь-часовня была освящена⁷.

В 2001 г. на основе материала, в том числе и из вышеупомянутых источников, Л.Е. Устиновым была выпущена книга, посвященная истории

¹Справочная книга 1898. С. 159–160; 1902. С. 159–160; 1909, С. 219; 1914. С. 161–162.

²Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино) // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 132–133.

³Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино)..., Томск, 2001. С. 133.

⁴Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино)..., Томск, 2001. С. 133.

⁵Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино)..., Томск, 2001. С. 132.

⁶Исполовье – «испола», исполу вят. исполонь, сиб. испольно нар. въ половину, на половину, наполю, полу; пополамъ, изъ половины. (<http://dalvi.ru/Word.php?WordId=11958>).

⁷Кудряшова Т.К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино)..., Томск, 2001. С. 133.

церквей и церковно-приходских школ Нарымского края – «Священнослужители и религиозность населения (1597–1953)». О церкви Живоначальной Троицы в юртах Иванкиных автор дает следующую краткую информацию: «В 1718 г. здесь была построена для обслуживания инородцев деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы; позднее ее перестроили, когда она пришла в ветхость, но вскоре она погибла при пожаре. На её месте была построена новая Троицкая церковь, простоявшая здесь до 1804 г. – по распоряжению из Тобольской Епархии ее разобрали и перевезли в с. Инкино (20 вёрст)»¹.

Село Инкино было основано русскими в 1802 г., а уже в 1804 г. в быстро растущее село привезли из юрт Иванкиных разобранную деревянную Троицкую церковь. Здесь ее собрали на новом фундаменте и в 1805 г. освятили. Она служила до 1861 г., когда из-за ветхости ее закрыли. В 1862 г. в Инкино была построена новая деревянная церковь, названная также во имя Святой Живоначальной Троицы, она действовала до 1910 г. В 1911 г. была построена и освящена новая, третья по счёту, деревянная Троицкая церковь. При ней было приписано земли сенокосной 99 десятин².

Священниками в Инкинской церкви были: И. Виноградов, П.А. Зайков, в 1920-х гг. – Н. Казаков, А.И. Голосов (1873–?) и др. Есть сведения и о псаломщиках: П.И. Коченгин, А.А. Чистосердов (1874–?), В.Ф. Большанин и др. В 1932 году Троицкая церковь в Инкино была закрыта властями и разобрана по брёвнышку³.

В состав Инкинского прихода, по данным «Справочных книг по Томской епархии» за 1902–1903 гг., к церкви Живоначальной Троицы в с. Инкино относились: Кетская волость: с. Инкино, юрты: Иванкины, Кияровы, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Инкины⁴.

---

¹Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 25.

²Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 24.

³Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 25.

⁴Справочная книга. 1902–1903. С. 159.

По данным 1909–1910 гг. в состав прихода входили: с. Инкинское, дер.: Мысовая и Попова заимка, юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы¹.

В 1914 г. в состав прихода входили: с. Инкинское, д. Мысовая и Попова заимка и юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмановы, Иванкины, Кияровы, пос. Бахинский, Пиковский, Копыловский².

В 1890-х гг. в Нарымском крае открылись несколько школ для обучения детей инородцев. В их число вошла церковно-приходская школа юрт Иванкиных (1892 г.). В каждой школе обучалось по 10–15 детей, по воскресениям и праздникам устраивались беседы учителей с коренными жителями, при этом ученики школ показывали свои успехи в учебе³.

В книге Л.Е. Устинова есть сведения о построенной и открывшейся 4 февраля 1901 г. в юртах Иванкиных Инкинского прихода одной из первых в Нарымском крае церкви-школы во имя св. пророка Божья Илии. Освящение было совершено благочинным № 6 – наблюдателем церковных школ Нарымского края священником Н.Н. Никольским в сослужении инкинского священника И. Виноградова, Нарымского священника В. Данилова, Ново-Ильинского священника В. Лавровского и при участии диакона с. Парабельского И. Заводовского. Во время богослужения пели ученики и ученицы Инкинской церковно-приходской школы под руководством псаломщика П. Дедигурова⁴.

Так же в публикации Л.Е. Устинова есть небольшое описание здания церкви-школы: «Здание состояло из церкви с алтарем, школы, которая отделялась от церкви коридором, и двухкомнатной квартиры для учителя. При церкви была колокольня, построенная на столбах с крышей. Территория была обнесена оградой. Церковь внутри имела богатое украшение. На постройку церкви-школы было отпущено Св. Синодом 500 рублей, епархиальным

---

¹Справочная книга. 1909–1910. С. 219.

²Справочная книга. 1914. С. 161.

³Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 39.

⁴Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 25–26.

училищным Советом 100 руб. и Инкинской церковью 200 руб. Были сделаны и частные пожертвования. Так А.Ф. Колесников пожертвовал 100 руб. и сребровызолоченный потир с приборами в 75 руб.; Ф.С. Колесников пожертвовал сребропозлащённую дарохранильницу в 100 руб. Первый попечитель церкви-школы Иван Иткумов, первая учительница – Ирина Киселёва»¹.

Иванкинская школа находилась в собственном здании. Это здание было приобретено И. Виноградовым – наблюдателем церковно-приходских школ благочиния священником Троицкой церкви с. Инкинского. Он купил здание на свои средства (200 руб.)².

Иванкинскую церковь-школу дважды посещал при обозрении церковей Нарымского края епископ Макарий. Подтверждением посещения епископа Макария Иванкинской церкви является запись в полевом дневнике А.П. Дульзона, сделанной во время его экспедиции в 1952 г. Запись была сделана от местных жителей – Р.С. Тобольжина и Н.М. Тобольжина. Они ездили по приглашению Макария в Томск переводить священное писание³.

Обучались в иванкинской церковно-приходской школе в 1898 г. 9 мальчиков и 2 девочки. Учителем в 1898 г. был Н. Сергеев, в 1902 г. Л.С. Конев, в 1909 г. И.Н. Киселёва⁴.

Финский исследователь (лингвист и этнограф) К. Доннер, путешествуя по Оби в 1911–1913 гг., изучал язык и культуру селькупов и обращал особое внимание на бытовую и религиозную сторону их жизни. Он считал, что «...немногим самоедам, хотя и с большим трудом, всё же удалось примириться с новыми условиями жизни, и, тем самым, подняться на более высокий культурный уровень». Как пример этого К. Доннер упоминает о ю. Иванкиных, в которых была открыта национальная школа⁵.

---

¹Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 25–26.

²Устинов Л.Е. Крестный путь. Томск, 2002. С. 39.

³ЛЯНС ТГПУ. Дульзон А.П. Томск, 1952. Т. 1. С. 278.

⁴Справочная книга. 1898. С. 160; 1902. С. 60; 1909. С. 219.

⁵Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. С. 28.

В настоящее время в Иванкино церкви не существует. В фондах Колпашевского Краеведческого музея ТОКМ, головного музея ТОКМ, а также ГАТО и ЦДНИТО материалы, относящиеся к данному храму, пока не выявлены, как не выявлены и какие-либо его изображения.

На сегодняшний день о бывшей в юртах Иванкино церкви жители практически ничего не знают. С.Н. Сычин (бывший в 1990-е гг. главой местной администрации) сообщил, что церковь, вероятно, стояла на том месте, где сейчас в Иванкино находится школа. Позднее на кладбище – «на могилках» – была построена небольшая часовня, но сейчас нет и ее¹.

Собранные сведения о церкви в Иванкино позволяют датировать период ее существования с 1718 по 1804 год. Жители инородческих юрт, входившие в этнолокальную группу шёшкупов, не сопротивлялись христианскому влиянию, а напротив воспринимали наличие церкви достаточно активно. Это выражалось в добросовестной фиксации рождения детей, браков и смерти. Исходя из вышесказанного, следует считать, что местные жители селькупы в религиозном отношении были носителями традиционных народных воззрений, а христианство, несмотря на то, что многие селькупы были крещеными, присутствовало у них формально; либо у местных жителей наблюдался религиозный синкретизм.

Сам факт наличия церкви в инородческом (селькупском) поселении является многозначительным. Он свидетельствует не только о миссионерской работе русской православной церкви, но и о поворотном моменте в религиозной жизни местного коренного населения – шёшкупов р. Оби, повлекшем за собой интенсивный процесс их русификации. Однако, материалы этнографов (и прежде всего записи Г.И. Пелих) свидетельствуют о том, что до середины XX в. дохристианские верования были в активном состоянии в сознании местного селькупского населения.

Возможно, раннее появление церкви в д. Иванкино привело к тому, что в XIX в. практикующих шаманов не стало вообще. Церковь не признавала

---

¹ТМА, 2012–2015. С. 46.

шаманизм и всячески боролась с этим явлением. С появлением священнослужителей шаманы мешали распространению и укреплению православия. Шаманов считали служителями дьявола и изымали шаманские атрибуты. Вероятно, именно поэтому активными остались лишь те языческие верования, которые церковь не могла контролировать и подавлять, а именно вера в домашних духов.

Несмотря на существование церкви в д. Иванкино с 1718 по 1804 г., активную миссионерскую работу русской православной церкви, повлекшую за собой интенсивный процесс русификации местного коренного населения, оно сохраняло свои религиозные традиции и веру в домашних помощников-лозов вплоть до середины XX в. Остаточное состояние этих верований фиксируется вплоть до настоящего времени, что подтверждается моими полевыми материалами.

3.4. Локальные особенности и трансформация культуры шёшкупов

В ходе проведенного исследования были рассмотрены материалы по хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре шёшкупов д. Иванкино и других населенных пунктов, где также отмечено шёшкупское население – Киярово, Иготкино, Тяголово, Езенгино, Островные, Испаево. В результате анализа выявлены следующие этнокультурные особенности этой группы и изменения в ее культуре в течение изучаемого периода.

Хозяйственные занятия.

Рыболовство. Топонимика изучаемой местности однозначно говорит о том, что в районе Иванкино именно селькупы являются тем населением, которое хозяйственно освоило данную территорию. Именно на этой территории местные рыбаки, несмотря на разные новшества и запреты XX в., сохранили традиции, как в способе добычи рыбы, так и в изготовлении рыболовных снастей.

Ярких особенностей этого вида занятий у шёшкупов при анализе материала не обнаруживается. Не только разные группы селькупов, но и многие народы Сибири добывают рыбу достаточно сходным образом. Поэтому в этой конкретно области хозяйственной деятельности крайне сложно искать какие-то особые этнические или локальные черты. Можно только констатировать, что во второй пол. XX в. у селькупов д. Иванкино лов рыбы был круглогодичный и сезонно менялся с речного на озерный. Рыба шла в значительной степени на продажу. Этим обские шёшкупы отличались от кетских сюсыкумов, которые занимались рыбодобычей только в свободное от охоты время и в основном для собственного потребления (см. данные Е.Н. Орловой, 1928). Особенность рыболовного цикла иванкинцев и кияровцев была в том, что лов рыбы у местных жителей начиналась с июля, а не с апреля.

В начале XX в. у шёшкупов преобладали следующие способы лова рыбы: сетями, самоловами, городьбой или запорами, ломание ям. У иванкинских рыбаков не зафиксированы кривды, ызы (езы), лума, удочки, жерлицы, сежа, колыдань, глушение рыбы, лучение рыбы, которые были известны другим группам селькупов и местным русским рыбакам. Потомки иванкинских шёшкупов в последней четверти XX в. использовали сети, невода, самоловы, переметы, морды и фитили, практиковали запорный способ лова. Реже применялись коллективные способы рыбодобычи: как ломание ям, чердаки, которые к концу XX в. вообще перестают существовать. Во второй половине XX в. из всех вышеперечисленных способов рыбной ловли по-прежнему находят применение сети (в том числе «ряжовки»), невода, самоловы, переметы, городьба или запоры, морды, фитили, котцы и появляются бредни. Все мужчины, практически все женщины, и дети (от 6 лет) знали и умели обращаться с орудиями лова.

Отличительной чертой культуры шёшкупов является бытование в прошлом у жителей д. Иванкино берестяной лодки с двойным дном. Такую лодку следует признать уникальной в данном регионе, так как селькупы других локальных групп пользовались только долблеными обласками.

Охота. Важной особенностью можно считать тот факт, что охота носила у селькупов изучаемой территории вспомогательный характер. Если рыболовством занимались все жители юрт, то охотой на пушного зверя обычно занимались единицы, и только мужчины. Это ярко контрастирует с данными, например, по кетским селькупам, у которых основным занятием была именно охота и именно на пушного зверя (белку). По словам Е.Н. Орловой «от календаря жизни белки зависел календарь жизни кетского жителя»¹.

Характерной чертой изучаемой группы была охота на водоплавающих птиц с помощью ловушек-«пленниц» из конского волоса, которой занимались женщины и дети. Интересной особенностью данной местности были запреты, связанные с птицами. Убитая ворона или сорока могла принести несчастье, дятел и иволга, наоборот, приносили удачу. Священной птицей, как у многих селькупов, был лебедь, которого нельзя было убивать. Иванкинские селькупы не охотились на медведя и лося, считая их священными.

Собирательство. При описании культуры селькупского населения исследователи-этнографы оценивали собирательство как вспомогательное и незначительное занятие. Однако в процессе исследования было выявлено, что для шёшкупов собирательство составляло существенное дополнение к продуктам рыболовства. Такую большую значимость результатов собирательства для жизни иванкинского населения, безусловно, можно считать местной особенностью. Признание жителей, что «зимой жили на орехах, ягодах и рыбе», вносит существенные коррективы в привычную оценку их хозяйственных занятий и точнее характеризует специфику пищевого рациона.

Основной ягодой для иванкинцев была смородина, черемуха и шиповник, их заготавливали в больших количествах для себя (сушили, варили). За клюквой, брусникой, черникой нужно было далеко ездить, поэтому эта ягода была не в каждой семье у жителей д. Иванкино. У кетских селькупов, напротив, основной ягодой была брусника, клюква, голубика, черника, морошка. Малину

---

¹Орлова Е.Н. Население по р.р. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 55. Вып. 4. С. 17–18.

не заготавливали, ели ее с куста на огороде. Черёмуху и шиповник использовали и как лекарство. Также в больших объёмах заготавливали кедровый орех, считая его сытной и полезной едой.

Характерным для местных жителей является значительный сбор разнообразных трав. Приправы для пищи не покупали, а собирали полевой лук, который ели вприкуску и в большом количестве солили впрок, в пищу добавляли дикий хрен, тмин, в чай добавляли лист смородины и иван-чай. Даже для приготовления теста и браги использовали дикий хмель, а не покупные дрожжи. В лекарственных целях использовали мяту, ромашку, березовые почки.

Животноводство и земледелие. Наличие домашнего животноводства также было недооценено в селькуповедческих исследованиях. Уже с начала XX в. оно имело большое значение в жизни шёшкупов, в отличие, например, от кетских селькупов, которые практически до середины XX в. не занимались разведением скота. Разводить скот жители Иванкино стали под влиянием русских, и этим занимались практически все жители, в отличие, например, от охоты, которая со временем уходит в шёшкупских семьях на второй план. В каждом хозяйстве было не менее 10 коров и овец, но лошадей держали только более обеспеченные семьи. Свиной и куриц в деревне стали разводить с 1960-х гг.

Земледелие было известно у шёшкупов только в форме огородничества. В конце XIX в. выращивали только картофель, но к середине XX в. огороды появляются в каждом хозяйстве. Постепенно набор огородных растений у селькупов становится разнообразным и фактически совпадает с тем, что растёт в огородах русских. Картофель, морковь, капусту выращивали все местные жители деревни, а такие овощи как репа, горох, брюква, огурцы, тыква, свёкла, чеснок, лук, кабачки появляются в 1950–60-е гг.; помидоры – еще позже.

Итак, основным занятием жителей д. Иванкино в период с конца XIX в. и весь XX в. было рыболовство, менее значительную роль играла охота. Вспомогательным, но очень важным занятием было собирательство. В конце XIX в. животноводство и огородничество были для местных жителей также

вспомогательными. К середине XX в. ситуация начинает меняться, и следует констатировать смену культурно-хозяйственного типа у жителей д. Иванкино. Хотя преобладающим по-прежнему оставался рыболовный промысел (как основной источник дохода), но на смену ему и охоте постепенно шло хозяйство, базирующееся на животноводстве и огородничестве. Это означает, что культурно-хозяйственный тип у селькупов д. Иванкино стал комплексным, с элементами производящего хозяйства.

Особенности материальной культуры.

Одежда. До середины XX в. иванкинские селькупы, как и селькупы других локальных групп, сами себе изготавливали одежду. Шёшкупы знали и практиковали технологию изготовления «сборного меха» из шкурок мелких диких животных – шкурки с лапок, «кончики» шкурок (хвостики) горностаев, белок, соболей; а также шкурки с голов водоплавающих птиц. В прошлом для изготовления некоторых деталей одежды (штанов, рукавиц, голяшек для обуви) использовались рыбы кожи – налима и стерляди. Важная особенность одежды шёшкупов: они не использовали оленьи шкуры для изготовления верхней одежды и обуви. Во второй пол. XX в. для иванкинцы перенесли традиционную технику изготовления сборного меха для верхней одежды со шкурок пушных зверей на шкурки от молодых овечек, из которых также составляли меховое полотно и затем шили шубы или жилетки. Головные уборы и дорожные тулупы в д. Иванкино шили, в основном из овчины и собачьих шкур, а не из шкур промысловых животных. Шкуры диких животных со временем стали сдавать в местный магазин и выручать за них деньги.

У иванкинских (обских) шёшкупов не зафиксировано сведений о ткачестве вообще, и о ткачестве нитей из конского волоса, в частности; этим они отличались от парабельских чумылкупов, которые практиковали изготовление полотна из конского волоса. Однако сами нити из конского волоса иванкинские женщины умели изготавливать, как и вязать из них на одной игле чулки (гольфы), которые пользовались большим спросом у мужчин-рыбаков. Вязали на одной игле не только чулки из волос конской гривы, но и

вещи из овечьей шерсти, считая такой способ вязки практичным и наиболее тёплым. Это было яркой локальной особенностью.

К середине XX в. плечевая и поясная одежда была у селькупов такая же, как у русских. Также и другие виды одежды иванкинцев, а также способы ее изготовления в XX в. подверглись сильной русификации. Но, несмотря на это в д. Иванкино до 1970–80-х гг. носили штаны-шаровары и чинбары, чирки, которые шили для мужчин, женщин и детей.

Пища. Собранный материал о рыбной пище иванкинцев демонстрирует нюансы, отличающие ее от пищи других групп селькупов. Например, кетские селькупы, по данным Е.Н. Орловой (1928), рыбу впрок не заготавливали (за исключением порсы); копченая и вяленая рыба у них и вовсе не встречалась, солёная рыба в пищу не употреблялась. Ловили рыбу для ежедневного потребления и для приготовления «порсы» и приманки для белок¹. В отличие от кетских и нарымских селькупов, в д. Иванкино не было распространено приготовление чапсы (жаренная на деревянных стержнях рыба).

В д. Иванкино в сыром замороженном виде («чушем») ели не только стерлядь, но и щуку, окуня. Уху, рыбные пироги и запеченную в печи рыбу готовили без добавления картофеля. Во второй половине XX в. здесь широко было распространено горячее копчение рыбы в специальных бочках (коптилках). Солили разную рыбу, но в основном чебаков. О порсе известно только, что «когда-то» предки ее заготавливали. Это значит, что для второй половины XX в. такой продукт потерял для иванкинцев всякую актуальность. Особое внимание шёшкупы уделяли приготовлению рыбьего жира; в пищу шел только «верхний» жир, приготовленный с ельцов, язей, щук, окуней. Здесь существовал особый способ изготовления мыла из рыбьего жира. Возможно, характерной шёшкупской особенностью можно считать и особую приправу, приготовленную из налимьей максы (печени), которую местные жители растирали и добавляли в пищу.

---

¹Орлова Е.Н. Население по р. р. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. С. 21–22.

В сравнении с блюдами, приготовленными из рыбы, мясо в д. Иванкино имело второстепенное значение. Кроме того, что его мало добывали, существовал большой список животных, чьё мясо было запрещено употреблять в пищу: зайчатину, лосятину и медвежатину, конину, курятину и свинину. Особенно строгим у шёшкупов был запрет на мясо медведя и лося. Жители Иванкино не охотились на лося и не ели его мясо – в отличие от тазовских и нарымских селькупов, для которых лось являлся основным источником мясной пищи. Косвенно это подтверждается тем фактом, что в Иванкино не получено информации о приготовлении еды из медвежатины и лосятины. Запреты существовали и на употребление мяса зайца, так как он считался «трусливым животным» или, возможно, в прошлом – священным. В пищу шла говядина, баранина и утятина.

Молочные продукты в д. Иванкино употреблялись в пищу, но специфика в приготовлении блюд из молочных продуктов не выявляется – кроме факта приготовления масла из коровьего молока. Такое явление на каком-то ином селькупском материале описано не было, оно зафиксировано только в д. Иванкино.

Мука у иванкинцев была только покупная. Популярным было стряпать хлеб, пироги, пирожки, шаньги. Самым распространенным видом пирогов был рыбный, так как рыба всегда была в изобилии.

Из видов чая иванкинцы во второй половине XX в. отдавали предпочтение черному магазинному чаю. С его распространением уходят на второй план травяные чаи – напитки, запаренные из шиповника, смородины, чаги. Тем не менее, местные жители не переставали летом собирать и сушить эти плоды, особенно много заготавливали чёрной смородины. Из алкогольных напитков в д. Иванкино все ставили и употребляли брагу, настоянную на диком хмеле.

Относительно имеющейся утвари в д. Иванкино и д. Киярово локальные особенности не выявляются, так как отсутствует информация о реальных образцах шёшкупской посуды.

Религиозные верования. В окрестностях д. Иванкино насчитывалось несколько священных мест: мыс «Попаргесог», «шапка богатыря Соксара», священное (запретное) место Согур, культовое место на озере Пызок у Пиковки, жертвенная берёза с лозами в «Базаркиной ливе» в глубине острова. В самой деревне, по воспоминаниям местных жителей, также были культовые места – столб-идол, которому местные жители поклонялись, и жертвенная берёза, на которую вешали кукол-лозов. Отметим, что практически в каждом упомянутом священном месте была своя жертвенная берёза, на которую вешали различные приклады. Основными функциями священных мест были: хранение душ людей, появившихся на свет (или, наоборот, покинувших этот свет); обеспечение удачи на промысле; удовлетворение просьб о погоде. Для прошений о погоде изготавливались изображения духов – куклы, завёрнутые в белую и черную ткань

Сама вера в духов и изготовление семейных кукол-оберегов типична для всех иных групп селькупов, и этим фактом шёшкупы сближаются с сюосыкумами и чумылкупамы, где также известны сведения о лозах-духах, хранимых в кузове на чердаке дома. Однако у иванкинцев была отличительная особенность: они оставляли кузова с семейными лозами не только на чердаках, но и в труднопроходимой кочкарной согре. Также отличительной особенностью было «подвешивание» духов на березе.

Специфичным является и выбор священного дерева. Если основными священными деревьями для селькупов других групп считались сосна, лиственница, кедр, то у иванкинских шёшкупов главным священным деревом была береза. Другие селькупы также положительно относились к березе, считали, что «береза – светлое дерево, «дерево начала жизни» (так считали, например, чумылкупы), но только шёшкупы использовали березу именно в качестве жертвенного дерева, по которому шли просьбы людей к Богу. Помимо шёшкупов, в нарымском Приобье береза в качестве жертвенного дерева

отмечена только в бассейне р. Васюган у хантов. У всех других групп селькупов в Приобье в качестве жертвенного дерева выбиралась сосна¹.

Имеющиеся сведения о религиозных верованиях жителей д. Иванкино позволяют говорить о сохранении традиционных воззрений в их духовной жизни вплоть до конца XX в., о чем свидетельствуют материалы, записанные здесь даже в XXI в. Что касается шаманства, то его существование в данной местности в изучаемый период пока что не выявлено, так как нет данных ни о практикующих шаманах, ни о шаманских атрибутах. Следовательно, не приходится говорить о ритуальной практике шаманов в д. Иванкино в том развитом виде, в каком она выявлена и описана Г.И. Пелих у северной группы селькупов. Вероятно, это явление исчезло в Иванкино прежде, чем его успели зафиксировать. Не вызывает сомнений, что исчезновение шаманства связано с появлением и активным функционированием православного храма в Иванкино. Собранные сведения о нём позволяют датировать период его существования: 1718–1804 гг.

Жители инородческих юрт, входивших в этнолокальную группу шёшкупов, практически все были крещёнными. Однако, несмотря на длительное существование церкви в д. Иванкино и активную миссионерскую работу русской православной церкви, повлекшей за собой интенсивный процесс не только христианизации, но и русификации, местное коренное население сохраняло свои религиозные традиции и веру в духов-лозов вплоть до середины XX в. Христианство у них присутствовало формально или наблюдался религиозный синкретизм. Это выражалось в несопротивлении христианскому влиянию, а у некоторых – активном его восприятии.

Таким образом, в данной главе удалось описать и проанализировать различные элементы этнической культуры шёшкупов и показать особенности их хозяйственной деятельности.

В результате анализа были выявлены следующие этнокультурные особенности шёшкупов: бытование памяти о берестяной лодки с двойным дном

---

¹Тучкова Н.А. и др. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 167.

как средстве передвижения во время рыболовства, наличие целого ряда специфических запретов на охоте: шёшкупы не охотились на медведя и лося, считая их священными; охотились в основном на водоплавающих птиц; широкое внедрение животноводства уже в XIX в. (разведение коней, коров и овец); изготовление верхней одежды из «сборного меха» с использованием для этого не только шкурок промысловых пушных зверей, но и овечьих «мерлушек», а также изготовление шуб и тулупов из собачьих шкур; практикование способа вязания на одной игле длинных чулок и носок из волос конской гривы и овечьей шерсти.

В области религии особенности этнической культуры фиксируются в сохранившихся представлениях о домашних духах-помощниках и памяти о культовых местах. Одновременно фиксируется давнее влияние православной церкви на традиционные верования шёшкупов в связи с миссионерской деятельностью служителей православного храма в д. Иванкино, просуществовавшего на исследуемой территории с 1718 по 1804 гг. и способствовавшего складыванию ситуации двоеверия у шёшкупов.

Однако в исследуемый период культура шёшкупов не оставалась статичной: удалось зафиксировать существенные ее изменения, произошедшие под влиянием различных факторов. Так, например, не смотря на то, что основой их хозяйственной деятельности было и оставалось (вплоть до настоящего времени) рыболовство, тем не менее и оно за исследуемый период XIX–XX вв. подверглось серьёзным трансформационным процессам: исчезли такие коллективные способы рыбодобычи как ломание ям, чердаки. Напротив, с внедрением плановой экономики в первой четверти XX в. по-прежнему находят применение сети, невода, самоловы, городьба или запоры. В последней четверти XX в. потомки иванкинских шёшкупов использовали сети, невода, самоловы, переметы, морды и фитили, практиковали запорный способ лова.

В течение трех четвертей XIX в. у шёшкупов был присваивающий тип хозяйства, однако он уже в конце XIX в. начал меняться и стал комплексным с элементами производящего хозяйства (распространение животноводства и

огородничества). При этом, если в конце XIX в. выращивали только картофель и далеко не все семьи, то к середине XX в. огороды появляются в каждом хозяйстве.

Животноводство (содержание лошадей, коров, овец) повлекло за собой выделение в хозяйственной жизни периода для заготовки сена. Вокруг д. Иванкино и других шёшкупских посёлков на исследуемой территории были выявлены сенокосные угодья, которые распределялись между семьями.

До середины XX в. иванкинские селькупы, как и селькупы других локальных групп, сами для себя изготавливали одежду. Позднее – во второй пол. XX в. все виды одежды иванкинцев, а также способы ее изготовления подверглись с одной стороны сильной русификации, с другой стороны одежда стала в основном покупной, промышленного производства.

Также произошла существенная трансформация системы питания шёшкупов. Рыбий жир заменяет подсолнечное масло, с появлением листового чая иванкинские селькупы постепенно перестают впрок запасать смородину и шиповник, с появлением медпункта в д. Иванкино сбор лечебных трав перестает играть важную роль у местных жителей.

Таким образом, собранный и проанализированный в данной главе материал позволяет сделать два существенных вывода: полученные результаты дают возможность определить изучаемую группу не только как диалектно-локальную, но и как этнолокальную, этнографическую; культура исследуемой группы постоянно менялась – развивалась и адаптировалась, подстраиваясь под запросы времени.

В целом описание и анализ компонентов традиционной культуры шёшкупов позволяет выявить этнический облик этой группы, что, в свою очередь, даст возможность в будущем более точно характеризовать и анализировать культуру других подгрупп селькупского этноса – чумылкупов и сюссыкумов, используя шёшкупский материал для сравнения.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что целенаправленное изучение расселения шёшкупов, истории формирования селькупского (шёшкупского) населения на исследуемой территории, описание и анализ сложившейся здесь этнической культуры проводилось впервые.

Этнолокальная группа шёшкупов начала складываться на данной территории до начала изучаемого периода, и на период XIX–XX вв. (на основе собранного и проанализированного материала) можно считать ее существование доказанным, так как она обладает всеми признаками диалектно-локальной группы: имеет языковые особенности (свой диалект / говор), общую территорию проживания (единый локус), самоназвание, представление о своем единстве и отличие себя от соседей, прежде всего – от чумылькупов (левобережных обских остяков), наличие плотного социального взаимодействия внутри группы – тесные родственные, хозяйственные и культурные связи, а также заметные этнокультурные особенности.

Анализ комплекса лингвистических источников показал, что во второй половине XX в. шёшкупский диалект был распространен только в д. Иванкино. Записанные от информантов из д. Иванкино и Киярово (и от их потомков, переселившихся в Колпашево, Томск и другие населенные пункты Томской области) тексты на сегодня являются единственными атрибутированными материалами для выявления и описания диалектных особенностей шёшкупского диалекта селькупского языка.

Следует признать, что диалектно-локальная группа шёшкупов р. Оби существовала и развивалась не изолированно от своих соседей, поэтому изучаемую местность можно считать «зоной смешения» как в языковом плане, так и в плане ее этнокультурных особенностей, что существенно осложняет решение вопроса об определении ее ареала расселения и мест проживания ее представителей.

Для выявления расселения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби были рассмотрены выводы лингвистов и этнографов. Впервые были выдвинуты критерии для определения территории расселения шёшкупов р. Оби. Для этого привлекались данные по топонимике исследуемой территории, материалы по этнонимам, фамильному составу и родственным связям.

Кроме того, был рассмотрен вопрос формирования населения изучаемой территории через историю семей, населенных пунктов и динамику численности населения.

В ходе анализа были выявлены населенные пункты, которые составляли центр сосредоточения представителей исследуемой этнолокальной группы – поселки Иванкино, Киярово и Чаршино (входившие в XIX в. Пиковскую волость).

Из них к концу XIX в. перестали существовать ю. Чаршины, и к сер. XX в. – д. Киярово, а территория Иванкино до середины XX в. оставалась центром, куда стекалось селькупское население из соседних деревень, таких как Киярово, Езенгино, Иготкино, Тяголово.

Для периода XIX в. на основе собранных данных можно заключить, что представители этнолокальной группы шёшкупов р. Оби проживали в следующих населённых пунктах: Иванкино, Киярово, Чаршино, Тяголово, Иготкино, Конерово, Езенгино, Испаево, Островные, Инкины, Ромашкины, Зайкины.

В ходе исследования также были определены соседние посёлки, которые входили в ареал, периферийный к территории расселения шёшкупов. Население этих поселков состояло с ними в родственных отношениях. Этими населёнными пунктами были: Басмасово (Ларпинская инородческая волость), Баранаково, ю. Пундогины, ю. Касогосовы (Больше-Чурубаровская инородческая волость), Тайзаково, Костенькино, ю. Пагины (Мало-Чурубаровская (Тискинская) инородческая волость). Жители Иванкино также тесно контактировали с жителями соседних деревень – Тибинак (заимка Тебенак), Ласкино, Мумышево, Сагандуково, Тогур и Колпашево. Таким

образом, ареал контактов этнолокальной группы шёшкупов гораздо шире, чем собственно территория их расселения.

Населенные пункты Тайзаково, Старо-Сондорово, Ново-Сондорово были отнесены к сюсюкумскому диалекту / говору, но у лингвистов есть данные, что в Тайзаково также звучал и шёшкупский диалект. Это объясняется тем, что между жителями населённых пунктов Иванкино, Тайзаково и Ново-Сондорово также были выявлены тесные родственные связи, о чем свидетельствует наличие одинаковых фамилий в этих деревнях.

Кроме того, на выделенной территории были произведены подсчеты численности населения (с XVII – первой половины XX в.), результаты которых показали устойчивость численности населения на определённом уровне (не меньше 300, не больше 650 чел.).

Для описания и анализа этнокультурных особенностей хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры шёшкупов автором был собран полевой материал и на его основе сделано этнографическое описание следующих аспектов культуры: хозяйство (включая основные занятия: рыболовство, охота, собирательство, домашнее животноводство, земледелие), материальная культура (одежда, пища, утварь), духовная культура (религиозные верования).

Зафиксированный материал о рыболовстве оказался достаточно детальным и объемным по сравнению с другими аспектами хозяйственной деятельности. Это говорит о том, что именно рыболовство было и остается главным занятием у шёшкупов. Для жителей исследуемой территории охота как хозяйственное занятие носила вспомогательный характер. Напротив, исследование показало, что собирательство, как вид хозяйственной деятельности, имело для них **большее** значение, чем просто вспомогательное занятие. Фактически длинные и трудные зимы иванкинцы проживали на продуктах рыболовства и собирательства.

В конце XIX в. – пер. пол. XX в., и особенно во второй половине XX в. животноводство было уже широко развито в шёшкупских селениях, что доказывают статистические данные и воспоминания информантов.

Таким образом, был получен важный вывод: в рамках изучаемого периода, происходит смена культурно-хозяйственного типа. В начале XIX в. у жителей данной территории был присваивающий тип хозяйства, где преобладал рыболовный промысел. Однако уже в конце XIX в., с внедрением и распространением домашнего животноводства и позднее – огородничества культурно-хозяйственный тип шёшкупов стал меняться. В первой четверти XX в. он стал комплексным, с элементами производящего хозяйства.

Основными причинами изменений хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры стали: смешанные русско-селькупские браки, политическое и экономическое влияние на селькупов со стороны русского населения.

Несмотря на вышеперечисленные причины, которые изменили во многом быт и хозяйственную деятельность шёшкупов, выявленные особенности их материальной культуры (изготовлении верхней одежды из овечьих «мерлушек», шапок и тулупов из собачьих шкур, способ вязания на одной игле из волос конской гривы и овечьей шерсти) оказались устойчивыми, и память о них сохранилась вплоть до начала XXI в., особенно в изготовлении одежды и приготовлении пищи.

Также в данном исследовании удалось определить особенности религиозных верований иванкинцев. Собранные сведения позволяют говорить о сохранении традиционных верований (представлений о домашних духах-помощниках, культовых местах) у местных жителей до конца XX в., о чем свидетельствуют материалы, записанные от информантов из д. Иванкино даже в XXI в. Несмотря на существование русской православной церкви в д. Иванкино с 1718 по 1804 гг. и, соответственно, активную миссионерскую работу ее служителей, повлиявших на интенсивность процесса русификации местного коренного населения, оно сохранило свои религиозные традиции и веру в домашних помощников-лозов до настоящего времени.

Таким образом, в ходе исследования удалось описать и проанализировать этническую культуру исследуемой этнолокальной группы и выявить элементы, отличающие эту группу от ближайших соседей – представителей других групп нарымских селькупов и русскоговорящего местного населения. Они заключаются в своеобразии рыболовного цикла, орудиях и способах рыбной ловли, средствах передвижения во время рыболовства, запретах в охоте, практических знаниях об изготовлении одежды и обуви, сохранении традиционных верований, наряду с принятием православия.

Детальное рассмотрение вопроса заселения исследуемой территории представителями селькупоязычного населения приводит к важному выводу для этногенетических построений относительно всей этнической истории селькупов.

Именно на Оби, в районе среднего и верхнего устьев Кети данное население стало складываться как самостоятельная диалектно-локальная группа обских шёшкупов, а не появилось здесь в результате миграции, с уже сложившимся набором языковых и этнографических признаков группы.

Ранее исследователи выделяли группу шёшкупов на основе лингвистических данных и определяли её только как диалектно-локальную. Исследователи-лингвисты оценивали эту территорию как зону контакта, а имеющееся здесь население – как смешанное.

Анализ данных по истории формирования и компонентам традиционной культуры шёшкупов дает основания выделять ее также и как этнографическую, этнолокальную единицу, сформировавшуюся на изучаемой территории.

Этнографическую, этнолокальную группу определяют следующие сплачивающие моменты: относительная замкнутость их брачных связей (в основном, в пределах выявленных поселков); единый этноним *шёшкуп/шёшкун*, который в качестве эндоэтнонима воспринимало пока еще не все население, но уже заметное его количество; наличие общих культовых мест; формирование осознания своих отличий как от «левобережных» остяков (чумылкупов), так и от «верховских» остяков с р. Оби и р. Кети.

Проведенный анализ показал, что в исследуемый хронологический период степень консолидации селькупского населения на данной территории – в силу перечисленных выше причин – была достаточно высокой. Процесс формирования единой диалектно-локальной группы развивался вполне успешно вплоть до начала XX в., – до периода интенсивной русификации и ассимиляции, начавшейся в Нарымском Приобье с 1920-х гг. (с массовой ссылки сюда спецпереселенцев) и усилившейся в послевоенные годы.

Таким образом, данное исследование позволяет более глубоко понять историю формирования селькупского этноса в целом и более точно описать его культуру, а также существенно дополняет имеющиеся пробелы в написании этнокультурной истории всего Среднего Приобья. Также следует отметить, что данное исследование не является исчерпывающим, и на сегодня остаются еще не изученными многие аспекты (исторические, лингвистические, антропологические и археологические), которые необходимо изучать, пока еще живы потомки шёшкупов – носители если не самой традиционной локальной культуры, то памяти о ней.

Список использованных источников и литературы**Опубликованные источники**

1. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. Государственный архив Томской области. Томск, 2006. 446 с.
2. Доннер К. У самоедов в Сибири / Пер. с нем. А.В. Байдак. Томск: Изд-во «Ветер», 2008. 176 с.
3. Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледения и путешествий. Географический сборник. М., 1860. Т. VI. Ч. 2. 495 с.
4. Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т.2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика; Коммент. А. П. Зенько и С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
5. Каталог полевых записей языков народов Сибири (Фонды лаборатории языков народов Севера Томского государственного педагогического университета) / под ред. А. А. Ким. Томск: ТГПУ, 1998. 190 с.
6. Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 172–191.
7. Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 385 с.
8. Ремезов С. У. Чертёжная книга Сибири [Электронный ресурс] / сост. 1699–1701 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями // Собр. Н. П. Румянцева. 1701. Ф. 256. № 346. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
9. Сборовский Н. А. Таёжный север. Нарымский край // К вопросу о колонизации Сибири. Новосибирск, 1926. С. 100–123.

10. Словарь древних селькупских имен, извлеченных из ясачных книг за 1629 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 19 (6). Ясачная книга: Кетский уезд, волость Питкина. Л. 494–503.
11. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Зап. РГО. По отделению этнографии. СПб., 1882. Т. X. Вып. 1. 214 с.
12. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. [Фрагмент: Описание поездки русского посольства по р. Кети] // Земля Верхнекетская / отв. ред. Яковлев А. Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 239–256.
13. Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 год. Томск: Типография Епархиального братства, 1900. 458 с.
14. Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 год / сост. под ред. секретаря Томской духовной консистории Д. Е. Березова. Томск: Типография Епархиального братства, 1903. 531 с.
15. Справочная книга по Томской епархии / сост. служащими консистории под рук. В. А. Карташева в янв.-марте мес. 1914 г. Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1914. 594 с.
16. Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911. 810 с.
17. Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1882. Кн. 4. С. 1–40.
18. Donner K. Über die anlautender labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920. S. 194.
19. Hajdú P. Rápai Károly szelkup szójegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952. L. 141–184.

20. Castren M. A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1854. S. 608.
21. Castren M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. S. 404.
22. Castrén M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / Hrsgb. Schiefner A. SPb., 1856. S. 127–168.

Статистические материалы

23. Архив администрации Иванкинского национального, сельского поселения Колпашевского района. Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 2008–2012 гг.
24. ГАТО. Ф. р. 28 Оп. 1 Д. 1278 : Материалы о социально-экономическом положении инородцев 1923 г. Л. 92.
25. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т 4, кн. 1. 937 с.
26. Муниципальное казённое учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1 : Метрическая книга о рождении, браке и смерти Инкинской церкви (с. Инкино) Кетской волости Томского уезда 1870–1872, 1874–1879, 1880–1889, 1890–1899, 1904–1910 1915–1919 гг.
27. Муниципальное казенное учреждение «Архив» Колпашевского района. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3 : Похозяйственные книги с. Иванкино Колпашевского района 1949–1951, 1952–1954, 1955–1957, 1958–1960, 1961–1963, 1964–1966, 1967–1970, 1971–1975, 1976–1979, 1980–1981 гг.
28. Нагнибеда В. Я. Нарымский край: материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг. собранные и разработанные под руководством и ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. 640 с.
29. Население Западной Сибири в XX веке / под ред. д-ра ист. наук Н. Я. Гущина и д-ра ист. наук В. А. Исупова. Новосибирск, 1997. 170 с.
30. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.) Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. Т.2. 432 с.

31. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освящения вопроса о вымирании первобытных племён. СПб., 1911. 210 с.
32. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1897–1905.
33. Списки населённых мест Российской империи. Список населённых мест по сведениям 1859 года. Томская губерния. СПб.: Центр. стат. комитет М-ва внутренних дел, 1868. Т. 60. 276 с.
34. Список населённых мест Томской губернии за 1893 год. Томск: Типография губернского управления, 1893. 389 с.
35. Список населённых мест Томской губернии на 1899 год. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева» (Губернская Типография). 1899. 790 с.
36. Список населённых мест Томской губернии на 1911 год. Томск: Типография губернского управления, 1911. 604 с.

Документальные материалы

37. Архив ЛЯНС ТГПУ. Т. 39–40, 51, 55, 58.
38. Архив ЛЯНС ТГПУ. Т. 1. Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Томск, 1952. С. 217–289.
39. Архив МАЭС ТГУ. № 251. Пелих Г. И. Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района. Тетради № 1–5.
40. Архив Кузьминой А. И. IFUU HU. Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob. 1967. Band 10. Heft 11.
41. Архив Кузьминой А. И. IFUU HU. Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob. 1967. Band 11. Heft 1, 10, 11.
42. ТОКМ 1952–20,1 «Роман Сергеевич Тобольжин».
43. ТОКМ 12643/1–22, к.о. 743 «Экспедиционные фотографии Дагмар Хорн: селькупы иванкинские».

44. ТОКМ 12812/1–35 «Фотографии из экспедиционной поездки по Томской области К. Г. Шаховцова (ИЭ, Москва): Тым, Обь, Кеть, 2001 г. (38 снимков)».

Источники личного происхождения

45. Архив Колпашевского краеведческого музея. Оп. 17. Д 53 : Кудряшова Т. К. Сычины с. Иванкино. Семейная Ветвь от Луки Алексеевича, 1999. 3 с.

Полевые материалы

46. ПМ Дрёмова В. А. «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган». Полевые дневники. Томск, 1965. 269 с.
47. ПМ Тучковой Н. А. Полевой дневник. Нельмач. Томск, 1995. 48 с.
48. ПМ Новосельцевой Т. В. «Полевой дневник (запись от Т. К. Кудряшовой)» Колпашево, 2003. 11 с.
49. ПМА¹ – ПМ Сайнаковой Н. В. Полевые материалы. Томск, 2012–2015. 77 с.
50. ПМА – ПМ Сайнаковой Н. В. Полевые материалы. Томск, 2016. 23 с.

Материалы интернет-сайтов

51. Биологический словарь online. [Электронный ресурс] – URL: <http://bioword.narod.ru/Z/Z016.htm> (дата обращения 24.10.2017 г.).
52. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] – URL: <http://dalvi.ru/Word.php?WordId=11958> (дата обращения 24.10.2017 г.).
53. Перечень пользователей водными биоресурсами и рыбопромысловых участков, используемых для добычи (вылова) водных биологических ресурсов Общины КМН «Рассвет» по состоянию на 15.01.2016 г» [Электронный ресурс] // Департамент охотничьего и рыбного хозяйства Томской области. – URL: <https://dor.tomsk.gov.ru/files/front/download/id/39603> (дата обращения: 04.03.2016).

---

¹¹ ПМА – полевые материалы автора.

54. Фотоизображения представителей коренных народов Сибири [Электронный ресурс] // Базы данных кабинета антропологии ТГУ. – URL: http://www.if.tsu.ru/kranion/etn_a.htm (дата обращения 25.02.2014 г.).

Литература

55. Аксянова Г. А. Антропология о традициях и современных тенденциях в расовом составе коренного населения Томской области // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск. 1999. С. 108–142.
56. Аксянова Г. А., Васильев В. И., Гемуев И. Н., Головнёв А. В., Дорожкова Т. Ю., Тучкова Н. А. Селькупы // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 304–385.
57. Аксянова Г. А., Васильев В. И. Селькупы. Общие сведения // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 304–310.
58. Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Советская Этнография. 1986. № 3. С. 106–115.
59. Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах. М., 1992. 44 с.
60. Алиткина Л. А. Селькупские производные прилагательные на – (а) й // Вопросы советского финноугроведения. Языкознание. Саранск, 1972. С. 53–54.
61. Алиткина Л. А. Словообразование прилагательных в селькупском языке со значением необладания // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1973. С. 63–65.
62. Алиткина Л. А. К вопросу о сложных образованиях имён прилагательных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977а. С. 59–64.
63. Алиткина Л. А. Прилагательные-цветообозначения в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977б. Вып. 4. С. 58–70.

64. Алиткина Л. А. Лексико-семантическая характеристика и словообразовательная структура имен прилагательных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1980. С. 69–85.
65. Алиткина Л. А. Отглагольные группы производных имен прилагательных в селькупском языке // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985. С. 5–9.
66. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
67. Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.): дис... канд. истор. наук. М., 1973. 226 с.
68. Байдак А. В. О сильном и слабом управлении в селькупских диалектах // Молодежь и наука: Проблемы и перспективы. Томск, 1998. С. 14–17.
69. Байдак А. В. Материалы по селькупскому фольклору в зарубежных публикациях // Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. С. 63–64.
70. Бауло А. В., Кулемзин В. М., Львова Э. Л., Тучкова Н. А. Перечень экспедиционных поездок Г. И. Пелих. Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования // Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск, 2011. Вып. 4. С. 66–73.
71. Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири. Дис. канд. филол. наук. Томск, 1965. 272 с.
72. Беккер Э. Г. Формы и функции местного падежа в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 76–78.
73. Беккер Э. Г. Продольный падеж (на материале селькупского языка) // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1975. Вып. 7. С. 102–106.
74. Беккер Э. Г. Личные имена у селькупов // Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 2. С. 91–94.

75. Беккер Э. Г. О некоторых селькупских словах-терминах и их употреблении в топонимии // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1971. Вып IV. С. 107–110.
76. Беккер Э. Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978. 206 с.
77. Беккер Э. Г. Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка // Языки и топонимия. Томск, 1981. С. 72–82.
78. Беккер Э. Г. Структурно-морфологическая характеристика показателей падежей пространственно-временной ориентации в южноселькупских диалектах // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 11–12.
79. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 1. Томск: изд. ТГУ, 1995. 292 с.
80. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 2. Томск: изд. ТГУ, 1995. 292 с.
81. Белков П. Л., Верняев И. И., Новожилов А. Г. Малые группы в этнографии: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Спб., 2009. Вып. 3. С 91.
82. Боброва А. И. О работе этнографического отряда Комплексной Селькупской Экспедиции // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 42–46.
83. Бодрова А. Ш. О технике плетения на одной игле // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск, 2003. Вып. 3. С. 6–13.
84. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
85. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
86. Быконя В. В. Послелогии, конкретизирующие направление движения на вопрос «куда?» в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 5. С. 65–70.

87. Быконя В. В. Сложные послелогои сочинительного типа в селькупском языке // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 34–38.
88. Быконя В. В. Числительные в южных диалектах селькупского языка // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. С. 1–32.
89. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Шёшкуй букварь. Томск: Томский педагогический институт, 1993. 91 с.
90. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский (шешкуйский диалект). Томск, 1994. 93 с.
91. Быконя В. В. Количественные числительные в южных диалектах селькупского языка // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 21–29.
92. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц., Максимова Н. П., Ильяшенко И. А. Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводом на русский язык). Томск: Изд-во научно-технической литературы», 1996. 191 с.
93. Быконя В. В. В помощь учителю селькупского языка для работы по букварю (Шёшкуй букварь): методические указания. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. 28 с.
94. Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск: изд-во ТГПУ, 1998. 261 с.
95. Быконя В. В. «Пространство» в мировосприятии селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория методология, практика. Томск, 1998. С. 170–173.
96. Быконя В. В. «Река в картине мира» селькупов // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск, 1999. Ч.1. С. 45–49.
97. Быконя В. В. Шарватплэнд шешкуй шэндсэ! Говори по-шешкупски!: Русско-селькупский разговорник. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 111 с.
98. Быконя В. В. Мировоззрение селькупов по данным лингвистических исследований // Сравнительно-исторические и типологические

- исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2002. С. 111–120.
99. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Быконя В. В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
100. Быконя В. В. К реконструкции системы селькупских этнонимов (по лексикографическим данным) // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2005. С. 23–25.
101. Васильев В. И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах) // Советская этнография. 1977. № 4. С. 3–14.
102. Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 244 с.
103. Васильев В. И., Головнев А. В., Малиновская С. М. Современные хозяйственные занятия и бытовая культура томских селькупов (к проблеме сохранения и возрождения культурного наследия) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 145–147.
104. Васильев В. И. Селькупы. Общие сведения // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 311–316.
105. Верняев И. И. Локальные монографические исследования деревни 1920–1930-х годов: цели, методики, результаты // Историческое регионоведение. СПб., 2005. С. 29–64.
106. Верняев И. И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность: (Европейская Россия, середина XIX – первая треть XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 1. С. 47–84.
107. Верняев И. И. К дискуссии о природе и методологии исследования этнолокальных (малых этнографических) групп // Проблемы

- исторического регионоведения. Сборник научных статей. СПб., 2012. С. 430–437.
108. Воеводина Н. В. Аналитические конструкции с глаголом «кончить» в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 2. С. 86–90.
109. Воеводина Н. В. О деепричастиях селькупского языка // Языки и топонимия. Томск, 1977. С. 52–58.
110. Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятий // Советская этнография. 1985. №5. С. 16–25.
111. Галкина Т. В. К истории научных экспедиций под руководством А. П. Дульзона // Труды ТГОИАМ. Томск, 1996. Т. 9. С. 232–276.
112. Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Категории селькупских шаманов // ЭО. М., 1997. № 5. С. 36–45.
113. Глушков С. В. Место чаинского диалекта в ряду других диалектных подразделений селькупского языка // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск, 2001. С. 197–198.
114. Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. С. 49–63.
115. Глушков С. В., Байдак А. В. История изучения селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. С. 24–33.
116. Глушков С. В. О праистории селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. С. 34–48.
117. Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. 204 с.

118. Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Селькупы. Хозяйство // Народы западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 317–328.
119. Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 45–49.
120. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Нов. Сер. Т. 55. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 623 с.
121. Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т.V. С. 89–316.
122. Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 251 с.
123. Иженбина Н. П. О преподавании селькупского языка в Иванкинской школе // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск, 1999. Ч.1. С. 81–84.
124. Иженбина Н. П. Разнообразные виды деятельности на уроках родного (селькупского) языка // Междисциплинарное изучение Сибири. Томск, 2001. С. 126–131.
125. Иженбина Н. П. Мои «университеты» и моя работа по сохранению селькупского языка // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2002. Ч. 2. С. 320–325.
126. Ильяшенко И. А. Неопределённые местоимения в диалектах селькупского языка // Языки народов севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 84–92.
127. Жукова Н. С. К вопросу о номинации некоторых частей тела в селькупском языке // Язык и топонимия. Томск, 1976. С. 56–58.
128. Залогина Е. Чулок из конской гривы // Красное знамя. 1991. (24 августа). С. 8.
129. Казакевич О. А. Изобразительная лексика в шаманских текстах северных селькупов // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 141–142.

130. Казакевич О. А. Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 254–259.
131. Ким А. А. О связи категории притяжательности с категорией определённости в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1980. Вып. 7. С. 100–106.
132. Ким А. А. Фонетические процессы в лично-притяжательных формах селькупских существительных // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 183–187.
133. Ким А. А. Конструирование инновационных поссесивных форм в южных диалектах селькупского языка // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала. Тюмень, 1986. С. 28–29.
134. Ким А. А. Этнолингвистическая интерпретация селькупского слова Num «Бог // Культурологические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 152–153.
135. Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
136. Ким А. А. Лингвистический аспект изучения культуры селькупов: о названии селькупских шаманов // Перспективные направления развития в современном финноугроведении. М., 1997. С. 38–41.
137. Ким А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: автореф. докт. фил. наук. Йошкар-Ола. 1999. 41 с.
138. Ковылин С. В., Сайнакова Н. В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы sösqum/sösqur по данным топонимики // Урало-алтайские исследования. М., 2017. №1 (24). С. 19–33.
139. Коробейникова И. А., Кудряшова Т. К. Татары глазами селькупов: историческая память и этнические стереотипы // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 277–281.

140. Корусенко С. Н., Кулешова Н. В., Томилов Н. А. Этническая генеалогия народов Сибири // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Н.А. Томилова. Омск: Изд-во Ом ГУ. 2001. С. 147–158.
141. Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюрского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2006. 218 с.
142. Кошелева Е. Ю. Этносоциальные процессы у селькупов с конца 1980-х гг. по настоящее время // Первые исторические чтения Томского Педагогического Университета. Томск, 2005. С. 336–343.
143. Кудряшова Т. К., Ким А. А. О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 186–190.
144. Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А., Ким А. А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое // Земля колпашевская. Томск: Изд. Том. Ун-та, 2000. С. 186–205.
145. Кудряшова Т. К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино) // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 132–133.
146. Кузнецова Н. Г. К вопросу об эволюции категории наклонения в диалектах селькупского языка // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1991. 27. № 4. С. 256–271.
147. Кузнецова Н. Г. Некоторые итоги изучения морфологии южноселькупских диалектов // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Томск, 1995. С. 88.
148. Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 285 с.
149. Кузнецова Н. Г., Тучкова Н. А. Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 131–133.

150. Кузьмина А. И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1967. Вып. 2. С. 267–329.
151. Кузьмина А. И. К вопросу о склонении в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 74–76.
152. Кузьмина А. И. К вопросу о фонемном составе селькупского языка // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 212–229.
153. Кузьмина А. И. К вопросу о словообразовании в селькупском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 137–149.
154. Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие. Новосибирск, 1974. 265 с.
155. Кузьмина А. И. К этимологии названий месяцев, сторон света, звёзд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 4. С. 71–86.
156. Купер Ш. Ц. Типы чередования в селькупском языке // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987. С. 66–74.
157. Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов // Тр. ТГУ. Уч. зап. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. № 60. С. 108–118.
158. Максимова Н. П. Морфологический способ выражения множественности в южных диалектах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 103–110.
159. Максимова Н. П. Категория числа у имен существительных вещественной семантики // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 34–41.
160. Максимова Н. П. Категория числа в селькупском языке // Языки народов Севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 93–101.
161. Максимова Н. П. К вопросу о категории числа в сфере личных местоимений // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 30–40.

162. Малиновская С. М. Историческая справка. Селькупы XVII – начало XX в. // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 12–24.
163. Малиновская С. М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материалах антропонимов нарымских селькупов). Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. 147 с.
164. Медков В. М. Демография: [Учебное пособие для вузов и учреждений повышения квалификации по экономическим и социальным специальностям]. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 444 с.
165. Морева Л. В. Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1972. Вып. 5. С. 75–84.
166. Морева Л. В. Повествовательный аорист в среднеобских говорах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 112–117.
167. Морев Ю. А. Место ласкинского говора в диалектной системе селькупского языка (по фонетическим данным) // Проблема этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973. С. 189–191.
168. Морев Ю. А. Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 4. С. 29–38.
169. Морев Ю. А. К соотношению глухости-звонкости и долготы краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1978. Вып. 6. С. 3–14.
170. Морев Ю. А. Динамика консонантных систем в диалектах селькупского языка // Материалы 4-го Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 129–131.

171. Морев Ю. А. Современные этнотерриториальные группы селькупов и проблемы языковой нормы // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. 169–172.
172. Надь З. Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. Том XVII. С. 187–215.
173. Орлова Е. Н. Население по р.р. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна). Красноярск, 1928. Т. 55. Вып. 4. 55 с.
174. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том-го ун-та, 1998. 354 с.
175. Пелих Г. И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края // Уч. Зап. ТГПИ. Томск, 1955. Т. 14. С. 251–284.
176. Пелих Г. И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. IV. С. 176–196.
177. Пелих Г. И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148.
178. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 432 с.
179. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
180. Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.
181. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
182. Пихновская А. А. Культурный комплекс тымского шамана Елисея Карлыгина (из собраний Колпашевского краеведческого музея) // Самодийцы. Тобольск-Омск: ОмГУ, 2001. С. 285–291.
183. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

184. Поздеева Г. П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. М., 2013. №1(8). С. 20–33.
185. Поздеева Г. П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка (сравнительно-сопоставительный аспект): автореф. дис. к-та фил. наук. М., 2013. 30 с.
186. Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Л., 1930. Т. 2. С. 365–373.
187. Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Тр. По лингвистике. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935. Т. IV. Вып. 1. 132 с.
188. Прокофьева Е. Д. Мамонт по представлениям селькупов // Сб. МАЭ. Л., 1949. Т. 11. 159 с.
189. Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. Этнографические очерки: Изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1956. С. 665–686.
190. Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–492.
191. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX–XX в. Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
192. Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л., 1981. С. 42–68.
193. Прокофьева Е. Д. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. 7. С. 73–85.
194. Пушкарёва Н. В. Фольклорные сборы у обских шёшкупов // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 247–249.

195. Пушкарёва Н. В. Лингвистические сборы у обских шёшкупов // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010). Новосибирск, 2010. С. 161–167.
196. Пушкарёва (Сайнакова) Н. В. К истории селькупской семьи Сычиных // Урало-алтайские исследования. М., 2013. №2 (9). С. 87–97.
197. Сайнакова Н. В. Церковь Живоначальной Троицы в селькупских юртах Иванкиных как один из первых православных храмов в Нарымском крае // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 3 (5). С. 68–76.
198. Сказки земли колпашевской // Земля Колпашевская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 213–226.
199. Соколова З. П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // Советская этнография. №3. М., 1961. С. 45–52.
200. Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Азии (XVII– начало XX в.). М., 1970. С. 103–153.
201. Соколова З. П. Путешествие в Югру. М.: Мысль, 1982. 173 с.
202. Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа (На материалах хантов и манси). М., 1990. 209 с.
203. Соколова З. П. Основные методические проблемы и опыт полевого исследования // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой (Сибирский этнографический сборник). Вып. 10. М., 2000. С. 12–36.
204. Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2008. 304 с.
205. Степанова О. Б. «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во «Ветер». 2008. С. 218–225.

206. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 222 с.
207. Туголуков В. А. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в. // Советская этнография. 1981. №2. С. 122–124.
208. Тучков А. Г. К вопросу о численности южных (нарымских) селькупов (XVII – начало XX в.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Том XIV. Томск, 2007. С. 46–57.
209. Тучкова Н. А. Структура названий южноселькупских поселений // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы международной конференции. Томск, 1998. Ч. 1. С. 212–217.
210. Тучкова Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): дис... канд. истор. наук. Томск. 1999. 199 с.
211. Тучкова Н. А. Шёшкупы реки Оби // Земля Колпашевская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 162–186.
212. Тучкова Н. А. Селькупы. [Фамильный состав южных (нарымских) селькупов по рекам их обитания] // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 30–34.
213. Тучкова Н. А. Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327.
214. Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. 382 с.
215. Тучкова Н. А. Южные (нарымские) селькупы // Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 17–36.
216. Тучкова Н. А. Литература и источники по селькупской мифологии и фольклору: история собирания и изучения // Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 51–57.
217. Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и

- традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 279–282.
218. Тучкова Н. А. *Bibliographia selkupica*: Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2006. 152 с.
219. Тучкова Н. А. Крайне южные селькупы // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 205–223.
220. Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010. 136 с.
221. Тучкова Н. А. Этюды Севера. Информационный сборник. Томск: Областной дворец народного творчества «Авангард», 2011. С. 11–71.
222. Тучкова Н. А. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 318 с.
223. Тучкова Н. А. О расселении селькупов в Приобье по топонимическим данным Г. Ф. Миллера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 136–139.
224. Тучкова Н. А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1 (1). С. 97–116.
225. Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
226. Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. VII. С. 73–85.
227. Ураев Р. А. Культовые объекты на р. Тым // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 120–132.

228. Устинов Л. Е. Крестный путь. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2002. 72 с.
229. Филиппова Т. М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 81–87.
230. Функ Д. А. Селькупский фольклор в самозаписи Т. К. Кудряшовой // Этнография народов Запад Сибири: Сибирский этнографический сборник. М.: Ин-т ЭА РАН, 2000. Вып. 10. С. 223–237.
231. Хелимский Е. А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: автореф. дис. докт. фил. наук. Тарту, 1988. С. 24–25.
232. Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. М., 2000. С. 68–79.
233. Хелимский Е. А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. М., 2000. С. 80–81.
234. Хелимский Е. А. Schöselgub у Г. Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола). Hamburg, 2005. С. 41–46.
235. Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Том I. С. 78–80.
236. Шаргородский Л. Т. Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. 187 с.
237. Шаховцов К. Г., Функ Д. А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею д.и.н. профессора З. П. Соколовой. Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. М., 2000. С. 310–324.
238. Шаховцов К. Г. Этническая самоидентификация южных селькупов (XX – начало XXI в.): дис... канд. истор. наук. М., 2007. 154 с.
239. Шаховцов К. Г. Г. И. Пелих о терминологии нарымских селькупов: построения на проблемном основании // Археология и этнография

- Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов археологии и этнологии. Вып. 4. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 266–280.
240. Шаховцов К. Г. К вопросу о выделении брачных классов в системе родства нарымских селькупов // Весник ТГПУ. № 1. Томск, 2012. С. 144–148.
241. Шергина О. Традиции // Колпашевская газета. 2013. (8 марта). С. 17.
242. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. М. Миллера, как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.
243. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. 308 с.
244. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб.: Типография М.М. Стасюкевича, 1882. 471 с.
245. Яковлев Я. А. Культовые места XIX – нач. XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и культуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 35–53.
246. Яковлев Я. А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // Земля колпашевская: Сборник научно-популярных очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 76–103.
247. Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von J. Alatalo // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. S. 465.
248. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. Таллин, 1971. VII/1. S. 35–43.
249. Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. L. 239.
250. Horn D. Das selkupische Ethnizitätsgebäude. Zur gegenwärtigen ethnischen Identität der südlichen Selkuppen (West-sibirien). Trier, 2002. S. 181.
251. Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 80. Budapest, 1978. L. 77–104.
252. Katz H. Selkupische Quellen // Studia Uralica. Band 2. Wien, 1979. Bd 2. S. 231.

253. Nagy Z. A szőlőkupok egy néprajzos szemével (Селькупы глазами этнографа)
// Finnugor kalauz. Budapest, 1998. L. 235–246.

Приложение А

Таблицы лингвистических и этнографических сборов у шёшкупов с. Иванкино

Таблица А.1 – Материалы по селькупскому языку А.И. Кузьминой записанные в Иванкино в 1967–1968, 1973 гг.

Информанты	Год записи	Название текста; Характер материалов	Ссылка на книгу Н.А. Тучковой – Е.А. Хелимского «О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку», Hamburg 2010.
Тобольжина Мария Романовна	1967 г.	1. Грамматика: спряжение; 2. Грамматика: склонение; 3. Частушка; 4. Пёнеге (сказка); 5. Красная шапочка (перевод русской сказки)	1. Том 1: 6-11, 5: 101-107; 2. Том 1: 12-17, 5: 108-121; 3. Том 2: 34; 4. Том 3: 56-64; 5. Том 4: 65-88
Сычина Валентина Романовна	1967 г.	1. Сап и Сапиха (сказка); 2. Четыре брата (сказка); 3. Грамматика: отрицательные местоимения;	1. Том 6: 124-129; 2. Том 6: 129-139; 3. Том 6: 141-142
Сычина Анна Ильинична		1. Слова, предложения; 2. Грамматика: спряжение;	1. Том 7: 153-160, 8: 161-165, 169-173; 2. Том 8: 166-168
Комарова Матрёна Дмитриевна	1967 г.	1. Перевод фрагмента из М. Шолохова «Кривая стежка»; 2. Слова, предложения; 3. Грамматика: притяжательное склонение;	1. Том 9: 174-176; 2. Том 9: 177-194, 200; 3. Том 9: 194-199
Сычина Устинья Фирсовна	1967 г.	1. Перевод А. Гайдар «Горячий камень»; 2. «Дочь и разбойники» (сказка); 3. Грамматика: склонение; 4. Слова, предложения;	1. Том 11: 219-228, 12: 229-238; 2. Том 13: 249-272, 14: 273-296, 15: 297-309; 3. Том 15: 321-325; 4. Том 16: 327-354
Сычина Елизавета Варламовна	1967 г.	1. Вопросительное предложение; 2. Грамматика: спряжение; 3. Номинальное сказуемое без связи; 4. Сестра и брат-поросёнок (сказка); 5. Словарь; 6. Три сестры и точило (сказка); 7. Грамматика: спряжение личного местоимения; 8. Грамматика: склонения;	1. Том 1: 1-3; 2. Том 1: 6-8; 3. Том 1: 9-10; 4. Том 1: 11-16, 2: 17-40, 3: 41-54; 5. Том 3: 55-61, 7: 114-131; 6. Том 4: 62-85, 5: 86-104; 7. Том 6: 110-112; 8. Том 7: 132-134
Сычина Надежда Гавриловна	1967 г.	1. Рассказ «Жена позвала другого мужика» (фрагмент); 2. Грамматика: спряжение, склонение; 3. Словарь;	1. Том 9: 160-174; 2. Том 9: 177-181, 185; 3. Том 9: 182-184, 186
Игермаева Евгения Ивановна и Игермаев Иван Авицьевич	1967 г.	1. Словарь; 2. Рассказ «Как Иван Авицьевич охотился»; 3. Словарь;	1. Том 9: 187-188; 2. Том 10: 195-199; 3. Том 10: 200-212

Окончание таблицы А.1

Иженбина Пелагея Ивановна	1967 г.	1. Предложения;	1. Том 11: 213-218
Былина Маремьяна Степановна	1967 г.	1. Слова, предложения; 2. Краткий автобиографический рассказ; 3. Перевод русской сказки «Гуси-лебеди»; 4. Перевод М. Шолохова «Кривая стежка»;	1. Том 11: 222-225; 2. Том 11: 220-221; 3. Том 11: 226-230, 12: 231-247; 4. Том 13: 249-262
Тобольжина Мария Романовна	1968 г.	1. Перевод русской сказки «Царевна-лягушка»; 2. Спряжение;	1. Том 1: 1-24, 2: 25-48, 3: 49-71; 2. Том 4-7
Сычина Татьяна Андреевна	1968 г.	1. Слова, предложения;	1. Том 8: 160-165
Тагина Татьяна Дмитриевна	1968 г.	1. Спряжение;	1. Том 8: 166-170
Сычина Мария Степановна	1968 г.	1. Спряжение, слова – запись студентов;	1. Том 9: 171-175
Тобольжина (?)	1968 г.	1. Спряжение, склонение запись студентов;	1. Том 10: 176-178
Иткупова Любовь Павловна	1968 г.	1. Спряжение, склонение-запись студентов;	1. Том 11: 179-201
Былина Маремьяна Степановна	1968 г.	1. Спряжение, склонение существительного и местоимения; 2. Мать-сорока (сказка)	1. Том 12: 201-206, 208-224; 2. Том 12: 207-208
Тобольжина Валентина Романовна	1968 г.	1. Спряжение, притяжательное склонение- запись студентов;	1. Том 13: 225-236
Сычина Анна Ильинична	1968 г.	1. Местоимения, спряжение, склонение – записи студентов;	1. Том 14: 237-255
Сычина Елизавета Варламовна и Сычин Иван Кузьмич	1968 г.	1. Склонения	1. Том 14: 257
Тобольжина Мария Романовна	1968 г.	1. Слова	1.
Тобольжина Фиона Фёдоровна	1973 г.	1. Идя и Альдига (селькупская сказка); 2. Васька и водяной чёрт (селькупская сказка); 3. Федька – деревенский вор (селькупская сказка); 4. Идя и Альдига (селькупская сказка); 5. О филине, О медведе; (рассказ); 6. Идя гонит лося (сказка); 7. Мария и разбойники (сказка); 8. Иван-царевич и Жар-птица (русская сказка); 9. Идя и Альдига, Идя нашёл себе невесту (селькупская сказка); 10. Калабокка и Пёнегессе (селькупская сказка); 11. Воробейка, Котик и Вихорка; 12. Грамматика: местоимения, притяжательное склонение;	1. Том 1: 263-274; 2. Том 1: 276-286, 2: 287-310, 3: 311-327; 3. Том 4: 328-359, 5: 360-393, 6: 393-418, 7: 419-436, 8: 1-14; 4. Том 9: 1-5; 5. Том 9: 6-9, 10: 1-3; 6. Том 10: 6-8; 7. Том 13: 519-542, 14: 543-548; 8. Том 14: 549-565, 15: 566-589, 16: 590-613, 17: 614-637, 18: 638-654; 9. Том 18: 655-657, 19: 658-669, 20: 670-674; 10. Том 20: 674-682; 11. Том 20: 683-693, 21: 692-698; 11. Том 11: 1-24, 12: 1-5

Таблица А.2 – Хронологическая таблица лингвистических сборов у шёшкупов

Информанты	Год записи; Кто записывал	Название текста; Характер материалов	Ссылка на Архив ЛЯНС ТГПУ
Кайдалова Д.Е.	1952 г. Дульзон А.П.	Генеалогия Кайдаловых	Том 1. Записи А.П. Дульзона. (1952 г.)
Чаршина Н.Г.	1952 г. Дульзон А.П.	Генеалогия Чаршиных – Кияровых	Том 1. Записи А.П. Дульзона. (1952 г.)
Тобольжин Р.С.	1952 г. Дульзон А.П.	Генеалогия Тобольжиных, Ижучкиных	Том 1. Записи А.П. Дульзона. (1952 г.)
Тобольжина А.А, Тобольжина М.Р., Ижучкина А.Ф.	1962 г. Беккер Э.Г.	Русско-селькупский словарь	Том 9. Записи Э.Г. Беккер (1962 г.)
Чаршина Н.Г.	1962 г. Беккер Э.Г.	Русско-селькупский словарь	Том 9. Записи Э.Г. Беккер (1962 г.)
Сычина В.Р., Комарова М. Д., Колпашникова М.Д.	1962 г. Беккер Э.Г.	Русско-селькупский словарь	Том 10. Записи Э.Г. Беккер (1962 г.)
Киярова М. И.	1970 г. Алиткина Л.А.	Русско-селькупский словарь, вопросник для сбора материалов по селькупскому языку.	Том 33, 41. Записи Л.А. Алиткиной (1970–71 гг.)
Сычина Е.В.	1971 г. Ким А.А.	Русско-селькупский словарь.	Том 39-40. Записи А.А. Ким (1971 г.)
Ижучкина А.Ф., Сычина Е.В,	1973 г. Беккер Э.Г., Жукова Н.С.	Материалы к русско-селькупскому словарю.	Том 51. Записи Э.Г. Беккер, Н.С. Жуковой (1973 г.)
Сычина Е.В,	1980 г. Ким А.А, Максимова Н.П, Быконя В.В.	Материалы к русско-селькупскому словарю, Сказка про рябчика, ставшего человеком, Рассказ о своей жизни, Моя мать, Две Женщины приехали из Томска, Сказка про трёх медведей.	Том 55. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя (1980 г.)
Тобольжина М.Р.	1980 г. Ким А.А., Максимова Н.П., Быконя В.В.	Я ходил по ягоду	Том 55. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя (1980 г.)
Сычина М. С.	1980 г. Ким А.А, Максимова Н.П, Быконя В.В.	Рассказ о жизни, Рассказ о сестре Сычиной М.С., Остяки жили хорошо, Женщина пришла за деньгами, Я осталась дома одна, Вчера в бане намылись, Сказка про Идю	Том 55. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя (1980 г.)
Иткупова Л.С.	1980 г. Ким А.А., Максимова Н.П., Быконя В.В.	Сказка про Идю,	Том 55. Записи А. А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя (1980 г.)
Ижучкина А.Ф.	1980 г. Ким А.А, Максимова Н.П., Быконя В.В.	Материалы к русско-селькупскому словарю	Том 55. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя (1980 г.)
Сычина Е.В.	1981 г. Ким А.А., Максимова Н.П.	Ситуация про медведей, Сказка про брата, сестру и чертей, Сказка про чертей.	Том 58. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой (1981 г.)

Окончание таблицы А.2

Сычина М.С.	1981 г. Ким А.А., Максимова Н.П.	Моя жизнь	Том 58. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой (1981 г.)
Тобольжина М.Р.	1981 г. Ким А.А., Максимова Н.П.	Сказка про двух баранов, Как я рыбачила, Сказка про Идю, Сказка о цаплях, Сказка о разбойниках.	Том 58. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой (1981 г.)
Иткупова Л.П.	1981 г. Ким А.А., Максимова Н.П.	Как отец селькупские сказки рассказывал. Сказка про Идю, Сказка про Пёнегесе, Рассказ про Веру, Как порсу делали, Про охоту, Про праздники селькупов, Про селькупское карамо, Сказка про Каменную бабу.	Том 58. Записи А.А. Ким, Н.П. Максимовой (1981 г.)
Иженбин У.В., Сычина Е.В., Голещихина Е., Каладжи Ф. (Ижучкина)	1995-98 гг. Т.К. Кудряшова по вопросам А.А. Ким.	Традиционная селькупская пища, Некоторые заговоры и поверья, Представления о вселенной, Похоронный обряд, Остяцкий праздник, О священных животных, Легенда о лосе летящем.	

Таблица А.3 – Хронологическая таблица фольклорных сборов у обских шёшкупов

Кто записывал	Название текста	Где опубликован; Год публикации	Язык: шёшкупский или русский
Г.И. Пелих	«Люди как произошли»	«Происхождение селькупов» (1972 г.)	русский
Г.И. Пелих	«О старой шаманке тётке Васене»	«Материалы по селькупскому шаманству» (1980 г.)	русский
Г.И. Пелих	«Бабушка рассказывала»	«Материалы по селькупскому шаманству» (1980 г.)	русский
В.В. Быконя, А.А. Ким, Ш.Ц. Купер	«Куршка-ряба», «Лога ай тавакка», «Шед конэр», «Тав эза Напаскыт», «Нагур варг ара», «Идя»	«Шёшкуй букварь» (1993 г.)	шёшкупский
Н.П. Максимова, А.А. Ким, В.В. Быконя, Ш.Ц. Купер	Пёнэгессэ, Иде (три сказки про Идю), Пёй пая (Каменная баба), бытовой рассказ Кондук огот шёшгула варкат (Как раньше селькупы жили), «Идет тят» («Про Идю»), «Лозла» («Черти»), «Сап и Сапиха», «Оппонэла» («Разбойники»), «Неня и Темня» («Брат и сестра») и «Пеге кут таредык азымба» («Рябчик человеком стал»)	«Сказки Нарымских селькупов» (1996 г.)	шёшкупский
Д.А.Функ	«Сказка о роде Белого Лебедя с чёрным клювом и чёрными краями белых крыл» «Охотник в царстве змей» «Дом ушёл под воду» «Владыка» «Тонкий остров» «Лось летящий» «О лесном духе» «О том, как царевну замуж выдавали» «Брат и сестра» «Телт ай Арет. Солнце и луна, братья небесные»	«Сибирский этнографический сборник» (2000 г.)	русский
Я.А. Яковлев	«Об исходе народа»	«Земля Колпашевская» (2000 г.)	русский
Я.А. Яковлев	«Как река ушла»	«Земля Колпашевская» (2000 г.)	русский
Н.А. Тучкова	«Мы – разные», «Каменные горы», «Чёрный тополь и кедр», «Древний город», «Дерево-гора», «Тот свет», «Шапка богатыря Соксара»	Тюрские мотивы и образы в фольклоре Обских шёшкупов // Тюрки Сибири. 2002 г.	русский

Таблица А.4 – Топонимы, собранные в д. Иванкино в период 1952–1967 гг.

№ п/п	Автор и источник	Информанты	Селькупские названия	Оригинальный перевод (гlossы)	Перевод
1	[Кузьмина 1967 (11), 1:6] Полевые материалы А. И. Кузьмина Том 11, тетрадь №1, стр.6	1. Сычина Елизавета Вврламовна 7:128 2. Тобольжина М. Р. (1956)	1. колд 2. пр'ак 3. пил'?'д' 4. кэ́жарм 1. кыр'а 2. марена'к		1. Обь 2. Пурьянга 3. Иванкино 4. Киярово 1. Инкино 2. Тогур
2	А. П. Дульзон Материалы по языку и этнографии нарымских остяков, I том (1952 г.) (стр. 217, 250)	1. Ирина Васильевна Чаршина 2. Надежда Гавриловна Чаршина	1. пйүлет 2. тогульдо	1. (пйүл+ет - ?+деревня) 2. (тогул+до - ?+озеро)	1. Иванкино (на Оби) 2. Какое-то озеро в Иванкино
2	А. П. Дульзон Материалы по языку и этнографии нарымских остяков, I том (1952 г.) Том I (272-276)	Тобольжин Роман Сергеевич (1875 г.р), родился в д. Иготкино	1. кы; 2. пйгъшынт' ¹ 3. пр'я́к 4. в'анджугу 5. тѐw 6. н'я́логот тѐw 7. ташшын'т 8. шады́к куа́дж 9. па́д'е куа́дж 10. ке́жарын ку́жере 11. ка́джу 12. куа́луо 13. куа́дж 14. квѐш ко́ш 15. руса́л'оми то 16. каж'ар то 17. квя́ниго	1. 2. (пй+гъшвент' ¹ - осина+?) 3. 4. 5. 6. (н'я́логот тѐw - ?+протока) 7. 8. (шады́к куа́дж - сырок+запор) 9. (па́д'е куа́дж - ?чебак?+чвор) 10. (ке́жары+н ку́жере - ?кияр?+GEN+курья) 11. 12. 13. 14. (квѐш ко́ш - ?) 15. (руса́л'оми то - Русалев+озеро) 16. (каж'ар то - мамонт озеро) 17.	1. - река (речка); 2. - Пиковка (осиновая); 3. - Пурьянга; 4. - Чаршинская протока; 5. - Егорская протока; 6. - Михадеевская протока; 7. - Прямая протока; 8. - Сырковый чвор озеро; 9. - чвор; (мб чебаковый запор?); 10. - Киярский чвор; 11. - Кияровская протока; 12. - Тебинакская курья; 13. - запор; 14. - 24 чвора сюда входят, запоры ставят??; 15. - Русалево озеро; 16. - Капшар; 17. - дер. Зайкино;

Продолжение таблицы А.4

			18. tʰʷälet 19. канакĕт 20. колд̆ 21. kät 22. пйүлет	18. (tʰʷä+1+et - ?береста?+AD]z+деревня) 19. (канак-ĕт - собака+деревня) 20. 21. 22. (пйү +et - ?+деревня)	18. - Инкино; 19. - Сагандуково (жил Сагандуков); 20. - Обь; 21. - Кеть; 22. - Иванкино;
3	Э.Г. Беккер Том X (595-645) Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Томск. 1962 г.	Ижучкина Анна Федоровна (Иванкино)	1. кь 2. брăк 3. wʲанджъгу 4. күдʲсой 5. нʲуджкводженак 6. kwaɣarʲăкысой 7. варг пәнжабрăк 8. кыбá пәнжабрăк 9. лăйкводж 10. шăрълто 11. лʲагорсой 12. кунак 13. кусой 14. мейнăк 15. мейнатсой 16. шаратòсой 17. мálдосой 18. лакрĕсой 19. ајесой 20. варг кылнак 21. артòсой 22. тóрратто 23. àрктéw 24. митриʲиваси.лĕвичато	1. 2. 3. 4. (күдʲ+сой - островное озеро+исток) 5. (нʲудж+кводже+н+ак - травя+запор+GEN+устье) 6. (kwaɣarʲ+ăкы+сой - ?+речки, как озерки+исток) 7. (варг пәнжа+брăк - большой стрежь+исток) 8. (кыба пәнжа+брăк - маленький стрежь+исток) 9. (ла+й+кводж - язь+AD]z+запор) 10. (шăръ+л+то - чайка+AD]z+озеро) 11. (лʲагор+сой - Егорка+исток) 12. (ку+н+ак - человек+GEN+рот) 13. (ку+сой - человек+исток) 14. (мейнăк - ?) 15. (мейнат+сой - ?+исток) 16. (шарато+сой - твердый+исток) 17. (мál+до+сой - врозь+озеро+исток) 18. (лакре+сой - ?+исток) 19. (аје+сой - рот+исток). Информант говорит, что аје - рот. Ае исток, так называют его русские; 20. (варг кыл+н+ак - большой глубокая яма+GEN+устье) 21. (арто+сой - поперек+исток) 22. (тóрра+т+то - исток+GEN+озеро). тóрра - исток [СРДС 2005: 242] 23. (арк+теw - другой+исток) (?поперек?) 24. (митриʲиваси.лĕвичато - Дмитрий Васильевич+озеро)	1. Пиковка, правый приток реки Кеть. Остяки Иванкино считают название Пиковка русским. Ее они называют просто Пиковка, как и русские. Но на остяцком языке они ее называют просто кь; 2. - Пурьянга; 3. - Чаршина протока (жили Чаршины); 4. - Островное озеро исток, исток впадает в это озеро; 5. 6. - Прямой исток, он с Пурьянги сразу выходит в Кеть; 7. - Большой стрежневой исток; 8. - Малый стрежневой исток; 9. - Язевый исток; 10. - Чайкино озеро; 11. - Егоркин исток 12. - Человека рот - исток; 13. 14. 15. 16. - Твердый исток; 17. - Исток поврозь; 18. 19. - Ае исток; 20. - Исток, устье глубокой ямы; 21. - Исток поперечного озера; 22. - Источное озеро; 23. - Исток поперек; 24. - озеро Дмитрия Васильевича;

Продолжение таблицы А.4

			25. т'весдо 26. лаврент'итто 27. саргенибанто 28. аргешто 29. л'аббаратто 30. п'атротто 31. лемешкааратто 32. пил'кай'аратто 33. кожарито 34. н'ару'асабарто 35. шоромдо 36. ел'ензатто 37. м'арготкводжчвер 38. кижарткужер'е 39. ш'уудо 40. пекълто 41. ар'атто 42. сад'ито 43. сапг'лдо 44. тигг'лдо 45. падалдо 46. кыба к'арьб п'дподитто 47. варг к'арьб п'дподитто 48. п'арч'гу 49. н'улг'лдо 50. ш'уйкводж 51. корсой	25. (т'вес+до - узкий+озеро) 26. (лаврент'и+т+то - Лаврентий+GEN+озеро) 27. (саргенибан+то - Сергей Иванович+озеро) 28. (аргеш+то - ?+озеро) 29. (л'або+ара+т+то - Ефим+старик+GEN+озеро) 30. (п'атро+т+то - Петр+GEN+озеро) 31. (лемешка+ара+т+то - Лементий+старик+GEN+озеро) 32. (пил'ка+й+ара+т+то - Филипп+AD]z+старик+GEN+озеро) 33. (кожари+то - мамонт+озеро) 34. (н'ару(аса)+бар+то - тальник(?)+верх+озеро) 35. (шором+до - дождь+озеро) 36. (ел'енза+то - Елена+озеро) 37. (м'арго+т+кводж+чвер - Марк+GEN+запор+чвор) 38. (кижар+т+кужер'е - Кияр+GEN+курья) 39. (ш'уу+до - змея+озеро) 40. (пекъ+л+то - лось+AD]z+озеро) 41. (ара+т+то - старик+GEN+озеро) 42. (сад'и+то - задний озеро) 43. (сапгъ+л+до - глухарь+AD]z+озеро) 44. (тиггъ+л+до - лебедь+AD]z+озеро) 45. (пада+л+до - карась+AD]z+озеро) 46. (кыба к'арь(б) п'д+по+ди+то - маленький+морда(?ACC?) поставить сеть+DUR?/PSTN?+PTCP+озеро) 47. (варг к'арь(б) п'дподитто - большой+морда(?ACC?) поставить сеть+DUR?/PSTN?+PTCP+озеро) 48. (возможно нужно добавить на конец то - озеро) (п'арч'гу - глагол кипеть; п'арчъ+гу - кипеть+INF) 49. (н'улгъ+л+до - пихта+AD]z+озеро) 50. (ш'уй+кводж - змея+AD]z+запор) 51. (кор+сой - глубокий+исток) 52. (какша+то - ?+озеро) 53. (кочъл+то - рядом+озеро)	25. - Узкое озеро; 26. - Лаврентьево озеро; 27. - Ивана Сергеевича озеро; 28. 29. - Ефимушкино озеро; 30. - озеро Петрово; 31. - Леметьева озеро; 32. - Филюшкино озеро; 33. - Мамонтово озеро; 34. - озеро Тальниковая верхушка; 35. - Дождевое озеро; 36. - Еленино озеро; 37. - Маркин чвор; 38. - Киярская курья (закрыт. чворн. курьей); 39. - Змеиное озеро; 40. - Лосиное озеро; 41. - Дедушкино озеро; 42. - Заднее озеро; 43. - Глухариное озеро; 44. - Лебединое озеро; 45. - Красное карасевое озеро; 46. - Малое озеро, куда морду ставят; 47. - Большое озеро, куда морду ставят; 48. - Кипящее озеро; 49. - Пихтовое озеро; 50. - Змеиный исток (запорный); 51. - Глубокий исток; 52. - Ломовое озеро;
--	--	--	---	--	---

Продолжение таблицы А.4

		<p>52. какшатó 53. кочълтó 54. т'урултó 55. лоѓаткужёрч'wър</p> <p>56. шáрелто 57. kawjajтó</p> <p>58. шиды́кводж 59. káзайкъл 60. кармáшкатó 61. lewлтó 62. kweгабитó</p> <p>63. пáдóнтó</p> <p>64. пуджиják 65. лъмбътпед'и káс'т'е</p> <p>66. пач'елто 67. джáджáпкáс'т'е 68. джáмджълдáд'и</p> <p>69. пуданáндж 70. кур'гъптó 71. áзалто</p> <p>72. нагурд'áрайто</p> <p>73. лъмбълт'áк 74. káгайпóд'чър</p> <p>75. с'им'итkwóдж 76. káр'етkwóдж</p> <p>77. wатълто 78. мáргънылитó 79. кабатó</p> <p>80. áрто 81. máлетó</p>	<p>54. (т'уру+л+то - песок+AD]z+озеро) 55. (лоѓа+т+кужер+ч'wър - лиса+GEN+курья+чвор) 56. (шарел+то - камыш+озеро) 57. (kawja+й+то - линь+AD]z+озеро)</p> <p>58. (шиды+кводж - сырок+запор) 59. (káза+й+къл - окунь+AD]z+яма) 60. (кармашка+то - карман+озеро) 61. (lew+л+то - доска+AD]z+озеро) 62. (kwe+т+аби+то - береза+GEN+?+озеро) 63. (пáдо+н+то - ?+GEN+озеро) пáдо - мб чебак? 64. (пуджиják - ?) 65. (лъмбъ+т+пед'и+káс'т'е - орел+GEN+гнездо+?) (káс'т'е - тип озера?) 66. (пач'е+л+то - утка-чирок+AD]z+озеро) 67. (джáджáп+káс'т'е - ?) 68. (джáмджъл+л+дáд'и - лягушка+AD]z+?) дáд'и - тип озера? 69. (пуда+нандж - тина+?) 70. (кур'гъп+то - ?+озеро) 71. (áзал+то - ?+озеро)</p> <p>72. (нагур+д'áра+й+то - три+развилка+AD]z+озеро) 73. (лъмбъл+т'áк - мохнатый+?) 74. (кага+й+по+д'чър - могила+AD]z+?озеро+? чвор?) 75. (с'им'и+т+kводж - Семен+GEN+запор) 76. (káр'е+т+kводж - Гриорий+GEN+запор) 77. (wатъл+л+то - дорога+AD]z+озеро) 78. (маргъныли+то - ?+озеро) 79. (каба+то - ?каба?+озеро)</p> <p>80. (ар+то - поперек+озеро) 81. (mále+то - ?Мале?+озеро) 82. (н'ингъл+л+то - камыш+AD]z+озеро) 83. (кондáмкаръмгъл+то - ?+озеро)</p> <p>84. (лапшпор'е - ?)</p>	<p>53. - Рядом озеро; 54. - Песчаное озеро; 55. - Лисье озеро;</p> <p>56. - Камышовое озеро; 57. - Линеовое озеро; кет. [СРДС 2005: 161, 162]; 58. - Сырковое озеро (чвор); 59. - Окунева ямка; 60. - Кармашкино озеро; 61. - Досковое озеро; 62. - Подберезовое озеро;</p> <p>63. - Чаршин чвор;</p> <p>64. - Тенистое озеро; 65. - озеро Орлиное гнездо;</p> <p>66. - Чирковое озеро; 67. - Высохшее озеро; 68. - Лягушачье озеро;</p> <p>69. - Тинистое озеро; 70. - Боевое озеро; 71. - озеро Русалево (перешагнуть только, но его нельзя перешагнуть); 72. - Трехразвильное озеро;</p> <p>73. - Моховое озеро; 74. - Кладбищенское озеро;</p> <p>75. - исток Семена; 76. - исток Григория;</p> <p>77. - Дорожное озеро; 78. 79. - Ручинское озеро; Народ, который раньше здесь проживал, наз. по-русски - 'ручинские', а по-остячки 'каба'; 80. - Поперечное озеро; 81. - озеро Мале, русские его так называли; 82. - Камышовое озеро;</p>
--	--	---	---	---

Окончание таблицы А.4

		<p>82. н^иингълто 83. к^онд^амк^аръмгъто</p> <p>84. лапш^ор^ие 85. п^ез^етпакъто</p> <p>86. к^аръто 87. скрипкато 88. кода^то 89. ч^акълт^о 90. п^ендж^ебр^ак 91. м^уджк^вб^дж</p> <p>92. ш^едык^во^дж 93. п^ад^ек^во^дж</p>	<p>85. (п^ез^е+т+пакъ+то - топор+GEN+рукоятка+озеро) 86. (каръ+то - кривой+озеро) 87. (скрипка+то - скрипка+озеро) 88. (кода+то - крючок+озеро) 89. (ч^акълт+то - ?+озеро) 90. (п^ендж^е+бр^ак - ?+исток) 91. (м^удж+к^вб^дж - ?+запор) в комментариях: м^удж - заним. больш. мучу (что это?) 92. (ш^еды+к^во^дж - сырок+запор) 93. (п^ад^е+к^во^дж - чебак+запор)</p>	<p>83. - озеро на коне ездят на мах - быстро (зимой); 84. - Садовое озеро; 85. - Топорище озеро;</p> <p>86. - Кривое озеро; 87. - озеро Скрипка; 88. - Крючковое озеро; 89. - Развилостое озеро; 90. - Прямой исток; 91. - Стаханова пристань (стоит у устья);</p> <p>92. - Сырковый чвор; 93. - Чебаковый исток, он тоже закрывается.</p>
--	--	--	--	--

Таблица А.4 – Типы топонимических названий (на основе полевых материалов Э.Г. Беккер (1962))

Гидронимы на селькупском языке	Гидронимы на русском языке	Примечания
<i>то</i>	озеро	
<i>чвор</i>	большое озеро, тянется на километры	Изначально от <i>чвор</i> (татар.) – озеро с истоком от реки
<i>кводж</i>	запор	Если река, озеро запорные, то прибавляется слово <i>кводж</i>
<i>сой</i>	исток	
<i>теу</i>	побольше исток, чем <i>сой</i>	
<i>брäk</i>	исток еще больше, чем <i>теу</i>	
<i>чвор</i>	очень большое озеро	водится только белая рыба
<i>т'вер</i>	озеро поменьше чвора	
<i>колд</i>	большая река	
<i>къ</i>	речка	
<i>кыге</i>	таежная малая речка, ручеек	
<i>кудъде</i>	островное озеро (с истоком)	
<i>äka</i>	речки, как озерки	

Таблица А.5 – Этнонимы шёшкупов р. Оби (составитель Н.В. Сайнакова)

информанты	этноним на селькупском языке	перевод	автор и источник
неизвестен	<i>schosch-kom</i>	‘человек страны’	[Кастрен 1999: 87] М. А. Кастрен, «Путешествие в Сибирь (1845—1849)», том 2 (Тюмень, 1999)
неизвестен	<i>сезь-гула</i>	‘народ’	[Плотников 1901: 152] А. Ф. Плотников, «Нарымский край: Историко- статистический очерк» (СПб., 1901)
Чаршина Надежда Гавриловна (Иванкино)	<i>шõшкуп</i>	самоназвание	[Дульзон 1952: 234–235] А. П. Дульзон, «Материалы по языку и этнографии нарымских остяков», том 1 (Томск, 1952)
Телесова Клавдия Александровна (Тайзаково)	<i>шõшкum</i>	самоназвание	[Дульзон 1952: 234–235] А. П. Дульзон, «Материалы по языку и этнографии нарымских остяков», том 1 (Томск, 1952)
Иткупова Александра Степановна (Иванкино)	<i>шошкуй няптэ</i>	‘грязнолицый шошкуп, остяк широколицый’	[Пелих 1961, 2: 27] Г. И. Пелих, «Полевые материалы Г. И. Пелих: Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района», тетрадь № 2
Сычина Елизавета Варламовна (Иванкино)	<i>шоёшкуп</i>	куп ‘человек’, ‘остяцкий человек’ (по р. Оби от Иванкино)	[Дрёмов 1965: 79] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Сагандукова (Сычина) Екатерина Степановна	<i>шоешкула</i>	‘наши’ (по р. Пурьянге, юрты Езенгины)	[Дрёмов 1965: 82–85] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Колпашникова Мария Даниловна	<i>шоёшкуп</i>		[Дрёмов 1965: 85–87] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)

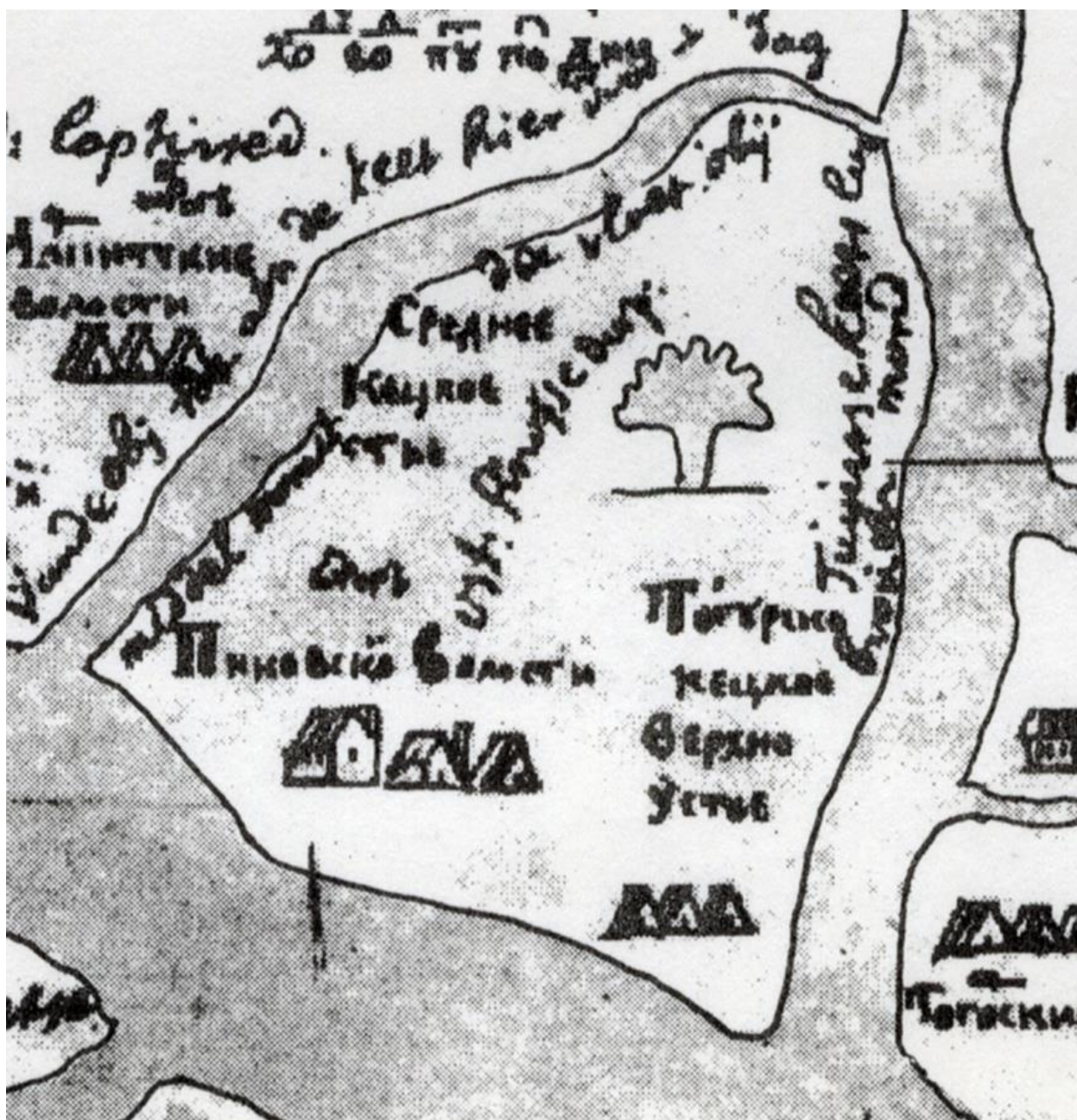
Окончание таблицы А.5

Тобольжина Мария Фёдоровна (Иготкино)	<i>шоёшкуп</i>		[Дрёмов 1965: 94–95] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Сычина Елизавета Варламовна (Иванкино)	1) <i>шоёшқула малаң ејат</i> 2) <i>мат шоёшқуп</i> 3) <i>мананы паят най</i> <i>шоёшқуп</i> 4) <i>шоёшқуй налгуп</i> 5) <i>тат шоёшқунд</i> 6) <i>мат шоёшқулак</i> 7) <i>тап шоёшқуп</i> 8) <i>ми вес шоёшқулаут</i>	1) ‘селькупов мало’ 2) ‘я селькуп’ 3) ‘моя жена – тоже селькуп’ 4) ‘селькупская женщина’ 5) ‘ты селькуп’ 6) ‘я селькуп’ 7) <‘он селькуп’> 8) ‘мы все селькупы’	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU HU). Том 11, тетрадь № 1, стр. 6*
Игермаева Евгения Ивановна	1) <i>шоёшқулд’әре</i>	1) ‘по-селькупски’	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU HU). Том 11, тетрадь № 10, стр. 189
Былина Маремьяна Степановна (Иванкино)	2) <i>шоёшқум</i> 3) <i>шоёшқула ми</i>	2) ‘селькуп’ 3) ‘мы селькупы’	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU HU). Том 11, тетрадь № 11, стр. 220–221
Сычина Устинья Фирсовна (Иванкино)	1) <i>шоёшқуп</i> 2) <i>шоёшқуй қуп</i> 3) <i>шоёшқуук</i>	1) ‘остяк’ 2) ‘остяк’ 3) ‘я остяк’	ПМ А.И. Кузьминой // Архив ИФУ Гамбургского университета (IFUU HU). Том 10, тетрадь № 11, стр. 219–228

* Пользуясь случаем, выражаю благодарность Н.А. Тучковой за предоставленную возможность пользоваться ксерокопиями материалов А.И. Кузьминой (Том 10 и 11).

Приложение Б

Карты расселения шёшкупов р. Оби

Рисунок Б.1 – Фрагмент карты С.У. Ремезова «Чертеж земли Нарымского города»¹

¹ Ремезов С.У. «Чертеж земли Нарымского города» // Чертежная книга Сибири. 1701. С. 24.

Рисунок Б.2 – Территория, выделенная К. Доннером (1911–1914 гг.)

Рисунок Б.3 – Территория, выделенная А.П. Дульзоном (1970 гг.)

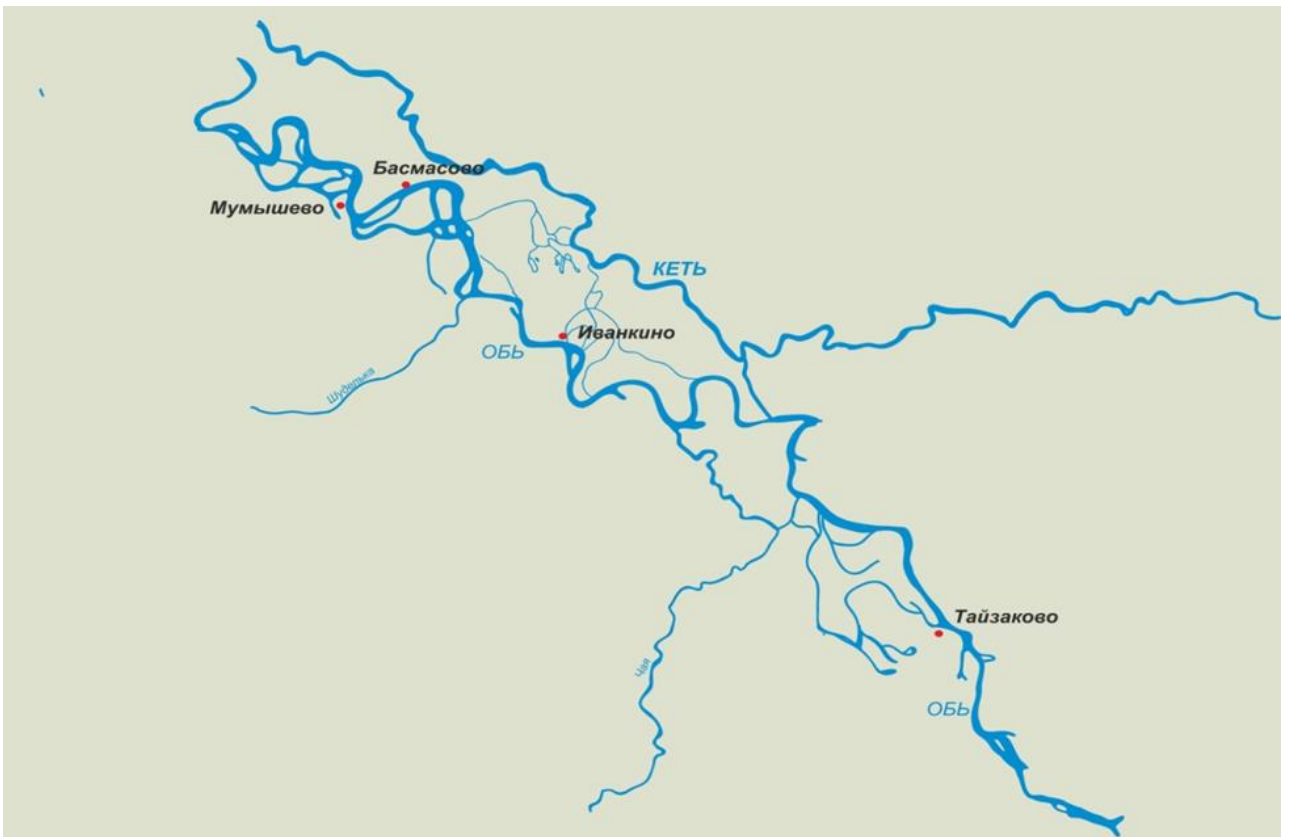

Рисунок Б.4 – Территория, выделенная А.И. Кузьминой (1974 г.)

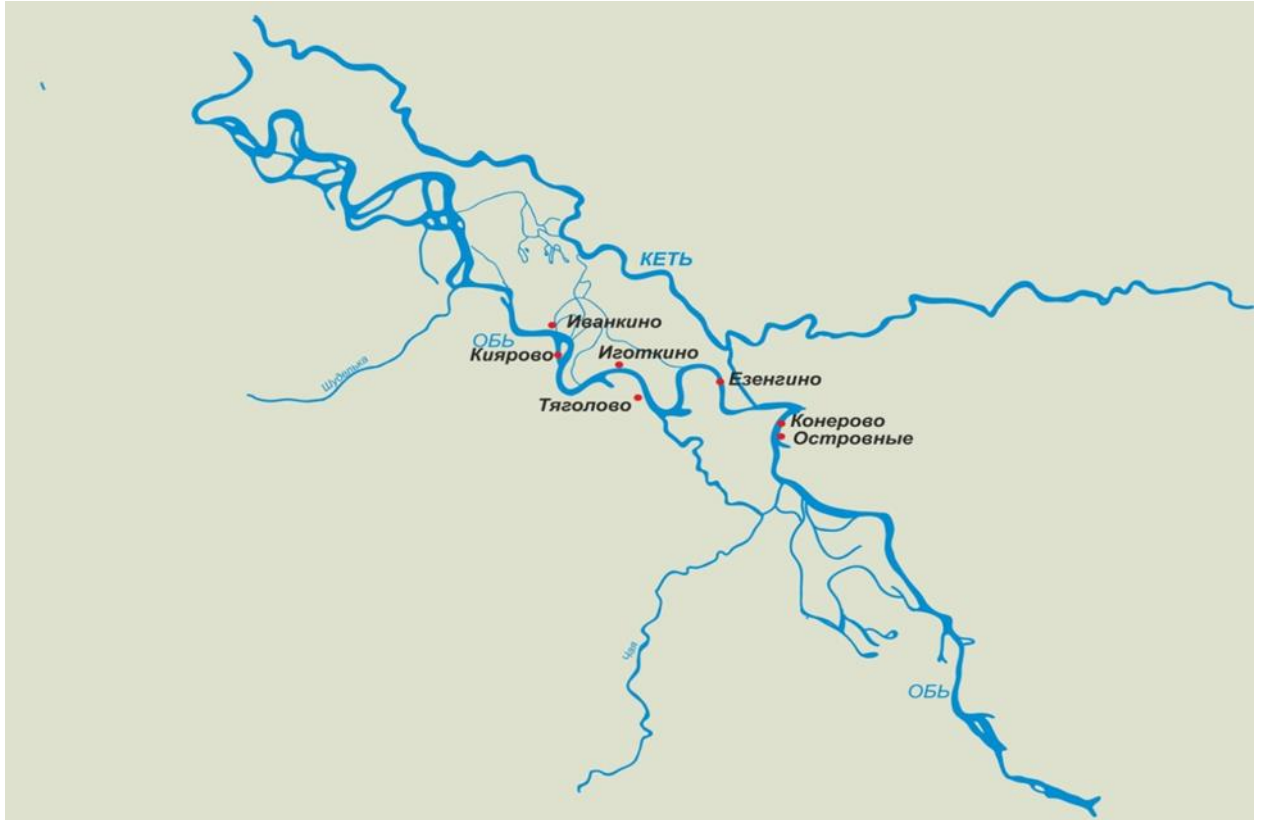

Рисунок Б.5 – Территория, выделенная С.В. Глушковым (2011 г.)

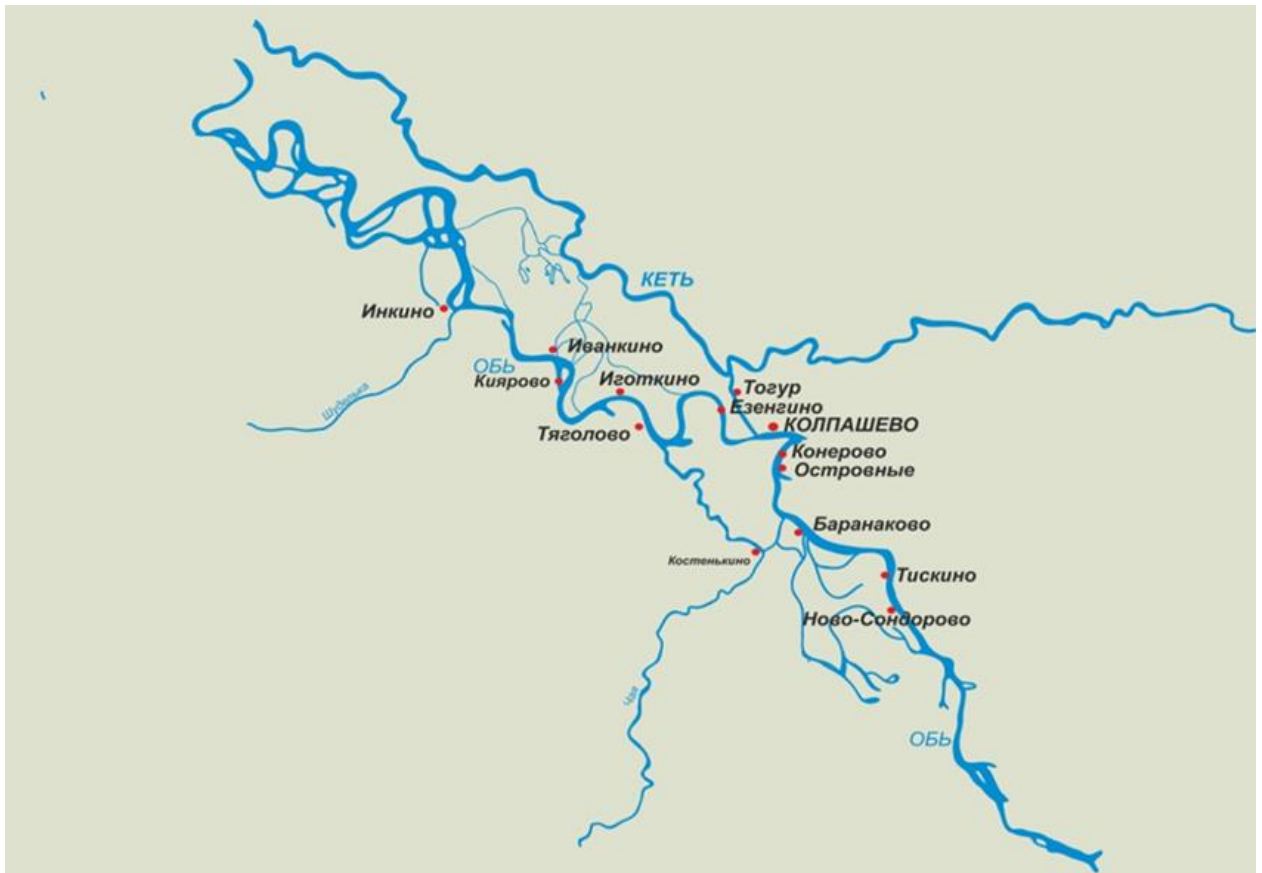

Рисунок Б.6 – Территория с населёнными пунктами, где был записан этноним *şöşqur* (автор-составитель – Н.В. Сайнакова).

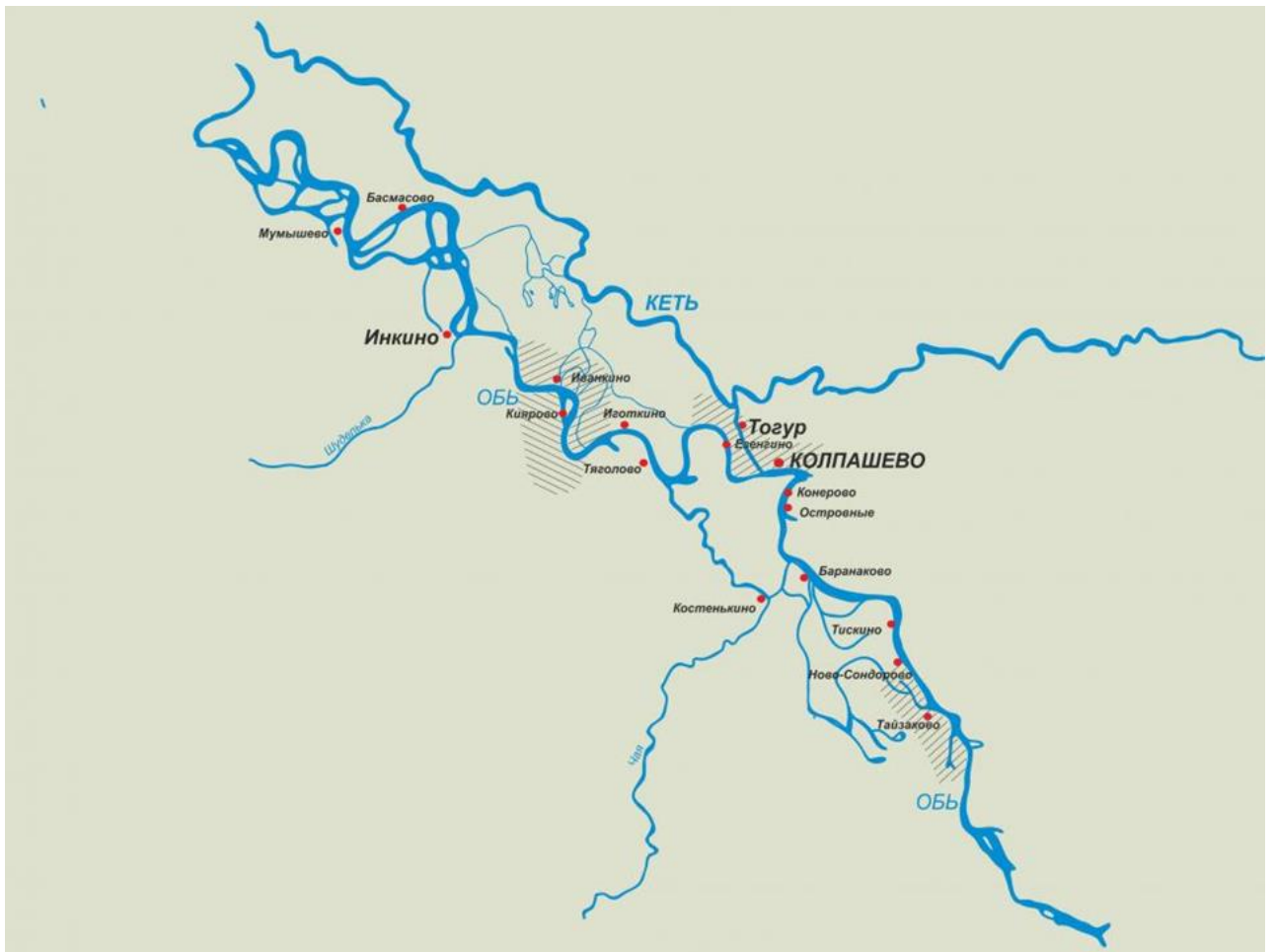
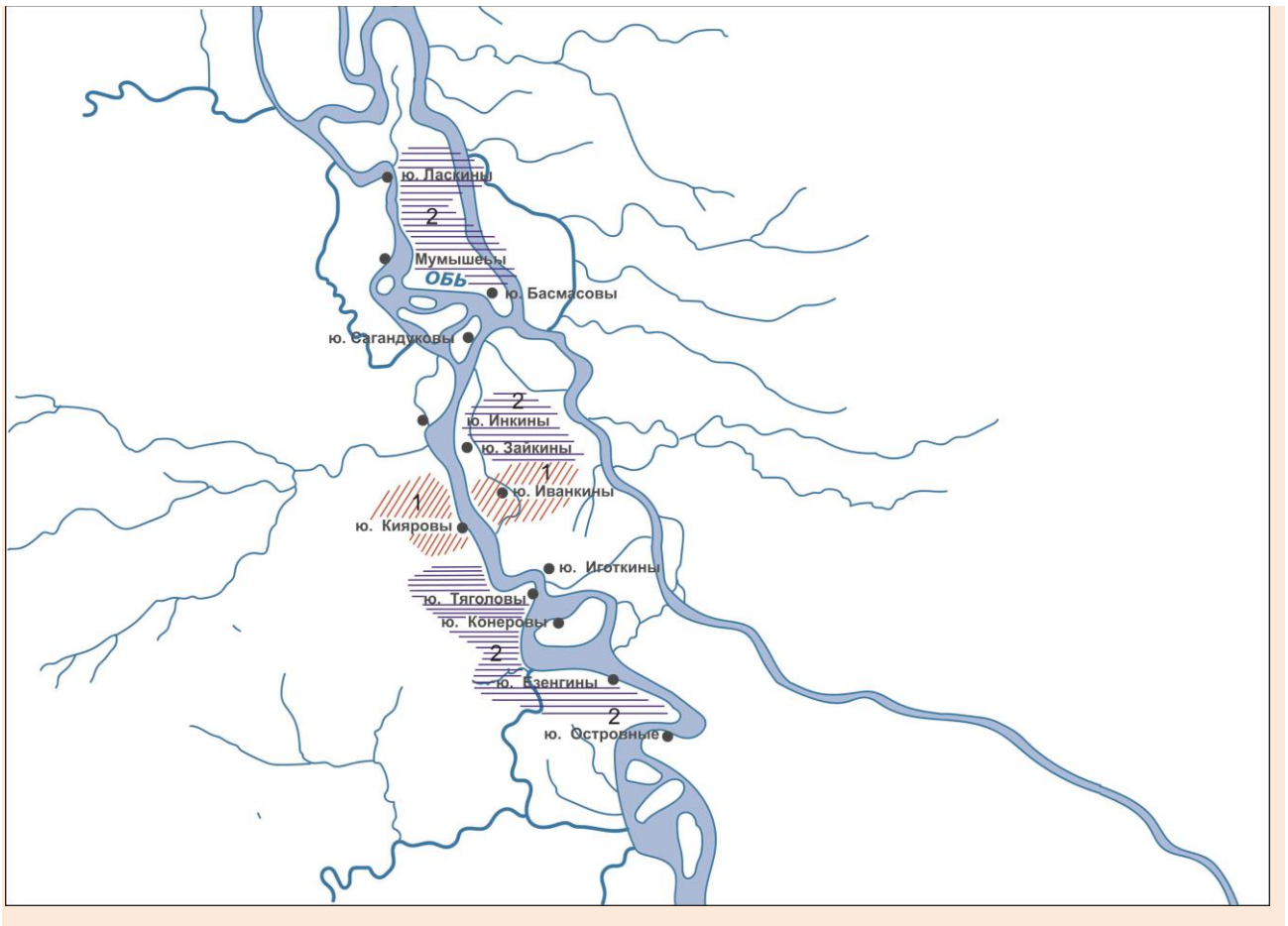

Рисунок Б.7 – Карта-схема из полевых материалов В.А. Дрёмова (1965 г.)

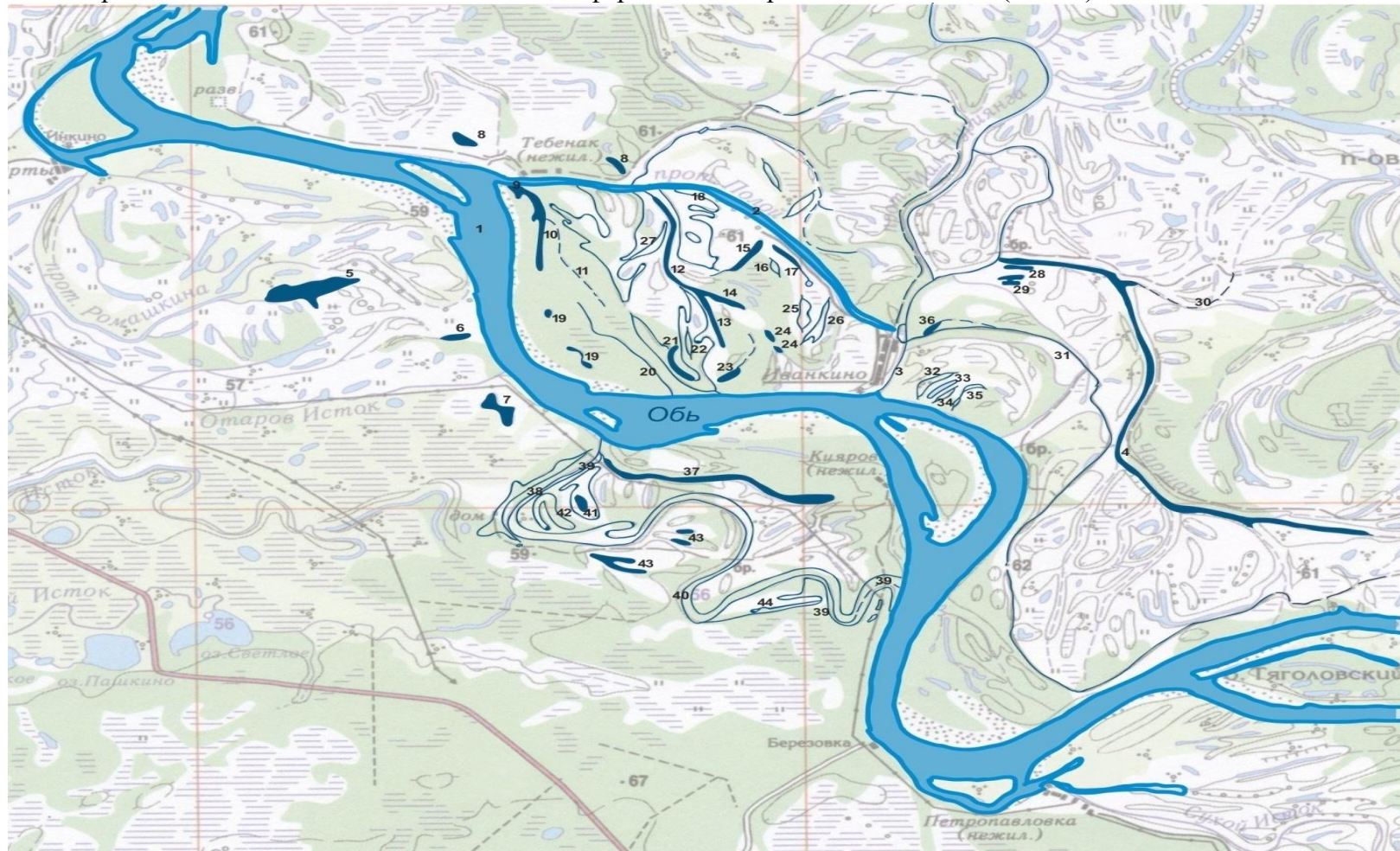
Рисунок Б.8 – Определение границ расселения шёшкупов по полевым этнографическим материалам

1. Эпицентр расселения шёшкупов
2. Периферия расселения

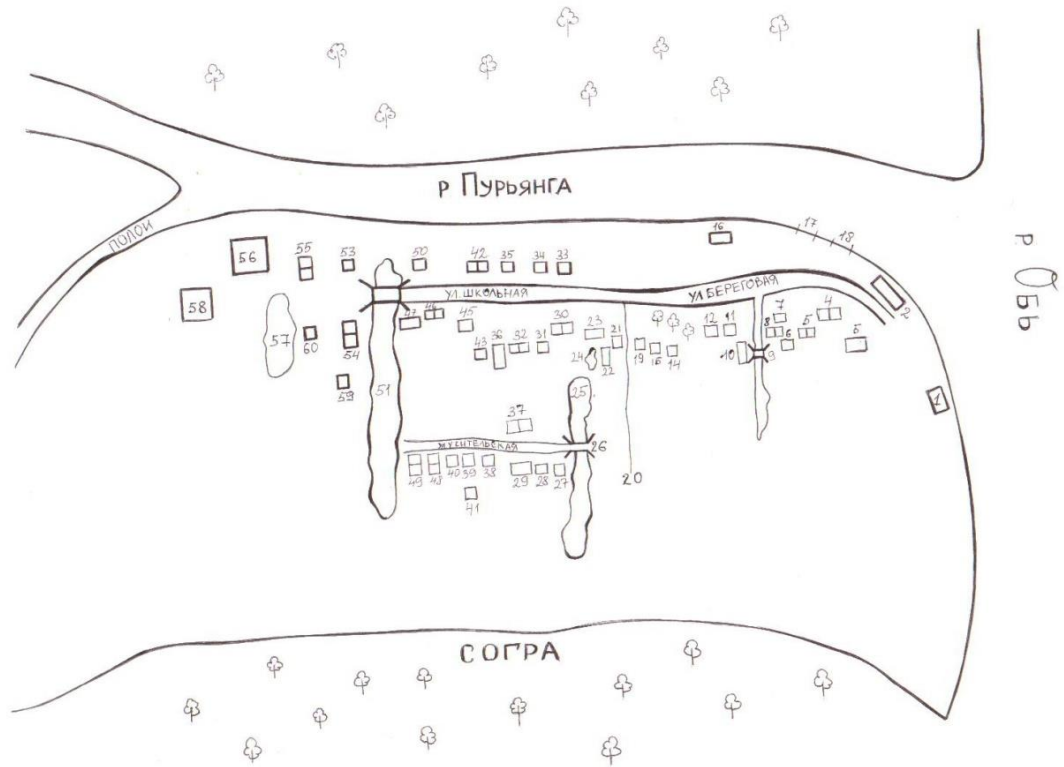

Рисунок Б.9 – Гидронимы д. Иванкино по воспоминаниям информантов. Сборы Н.В. Сайнаковой (2012 г.)

- 1.Р. Обь; 2. Протока Полой; 3. Р. Пурьянга; 4. Р. Чаршан; 5. Оз. Рыбное; 6. Оз. Хвощёвое; 7. Оз. Межевые; 8. Оз. Мамонтово; 9. Заход в Полой; 10. Тебенацкая курья (старица); 11. Малая курья; 12. оз. Ковальё; 13. Большой чвор; 14. Сухой чвор; 15. Оз. Игнашкино; 16. Ямка; 17. оз. Долгое (край дороги); 18. оз. Дорожное; 19. оз. Поперёшное; 20. Иман Полой; 21. Оз. Кривое; 22. Оз. Песчаное; 23. Оз. Нелоготева Кужето (озеро на мысу); 24. Большая и малая Кастья; 25. Широкая Лива; 26. Оз. Кастья; 27. Маркины озера; 28. Бабы Валина Лива; 29. Оз. Миходейкино; 30. Исток Пинжибрыг; 31. Протока Тушунде; 32. Оз. Соколдо; 33. Оз. Школьное; 34. Оз. Узкое; 35. Кужев чвор; 36. Оз. Лизато; 37. Кияриха; 38. Чвор; 39. Запор; 40. Р. Кажу; 41. Оз. Пергучу; 42. Питюговские озера; 43. Пьянковские озера; 44. Змеиное озеро

Рисунок Б.10 – Карта-схема д. Иванкино 1990–2014 гг. Авторы рис.: Мурзин С.А., Мурзина Н.С.

1. Пристань (будка для ожидания); 2. Старая Засольная; 3. Двухквартирник: 1-й дом – семья Истеевых, 2-й дом – Завьялова Зенаида; 4. Двухквартирник: 1-й дом – М.А.Мурзин, 2-й дом – Кияров д. Витя; 5. Двухквартирник: 1-й дом – О.М. Аркамова, 2-й дом – ...; 6. Л.А. Мурзин; 7. Колодец; 8. Двухквартирник: 1-й дом – С.А. Мурзина, 2-й дом – Горбачёвы; 9. Мостик (1-й мост); 10. Частный дом Горбачёвых; 11. С.А. Любченко; 12. Р.А. Любченко; 13. Место старой школы; 14. Избушка А.П. Сычина; 15. Старая начальная школа; 16. Пункт приёма рыбы; 17, 18. Лодочная станция; 19. Избушка Уразова (никто не живёт); 20. Небольшая проточка (без названия), ручей в разлив затопляется, с уходом воды пересыхает (15 м в длину, 1,5–2 м в ширину); 21. Место старого Медпункта (сейчас его не существует); 22. Двухквартирник: 1-й дом – С.Б. Истеев (сейчас никто не живёт), 2-й дом – А.И. Сычина; 23. Двухквартирник: 1-й дом – Новый медпункт, 2-й дом – Морозовы (в их усадьбе есть маленькое озеро); 24. Озеро Морозовское; 25. Озеро (примерно 50 м); 26. Мост; 27. Дом Т.А. Костаревой; 28. Дом С.С. Иженбиной; 29. Двухквартирник: 1-й дом – Ю.С. Сычин, 2-й дом – Г.Б. Морозова; 30. Двухквартирник: 1-й дом – А.И. Сычин, 2-й дом – Л.И. Сычин; 31. Дом Н.Н. Тобольжина; 32. Двухквартирник: 1-й дом – М.О. Костарева, 2-й дом – К. Джурмий; 33. Дом Шиптулова (раньше там жил А.М. Мурзин и Т.Ф. Мурзина); 34. Дом А. Иженбина; 35. Дом В.Ю. Алексеенко; 36. Школа; 37. Двухквартирник (не живут); 38. Дом Л. Пшеничникова; 39. Старый магазин; 40. Склад; 41. Дизельная станция; 42. Двухквартирник: 1-й дом – Д. Колмаков, 2-й дом – Барановы; 43. Спортивная площадка; 44. Детская площадка; 45. Колонка; 46. Двухквартирник: 1-й дом – Магазин, 2-й дом – Н.С.Сычин; 47. Двухквартирник: С.Н.Сычин; 48. Раньше жил Пшеничников; 49. Сельсовет; 50. Дом С.Н. Сычина (их старый дом); 51. Большое озеро «Быбы Катина Лива»; 52. Мост; 53. Двухквартирник: (старый разобранный дом); 54. Двухквартирник: 1-й дом – никто не живёт, 2-й дом – Р.Х. Мурзин; 55. Двухквартирник (на бугре): 1-й дом – Е.И. Баранова, 2-й дом – В. Алексеева (за ними находится кладбище); 56. Кладбище; 57. Озеро на месте старой часовни; 58. Пилорама (старая); 59. Дом В. Сычина (умер) – никто не живёт; 60. Дом Иженбина (сын т. Ньюры Иженбиной) – никто не живёт

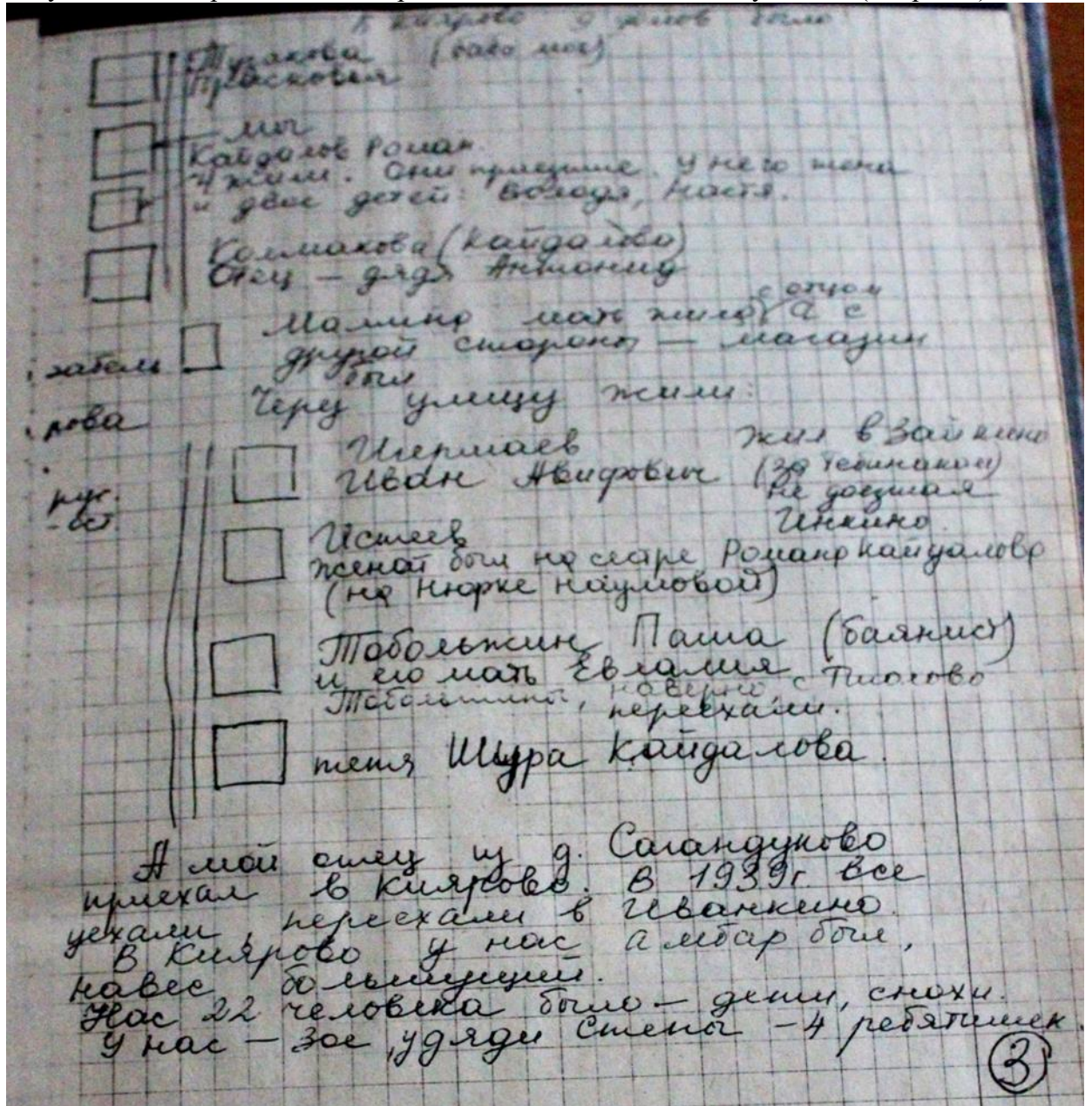

Рисунок Б.11 – Культурные места в окрестностях д. Иванкино*

*Маркировки объектов были составлены С.Н. Сычиным в 2000 г. для определения территории национального поселения Иванкино

Рисунок Б.12 – Карта-схема д. Киярово по воспоминаниям Е.М. Тузаковой (Кияровой)*

*Полевые материалы Н.А. Тучковой (1995 г.)

Приложения В
Рисунки

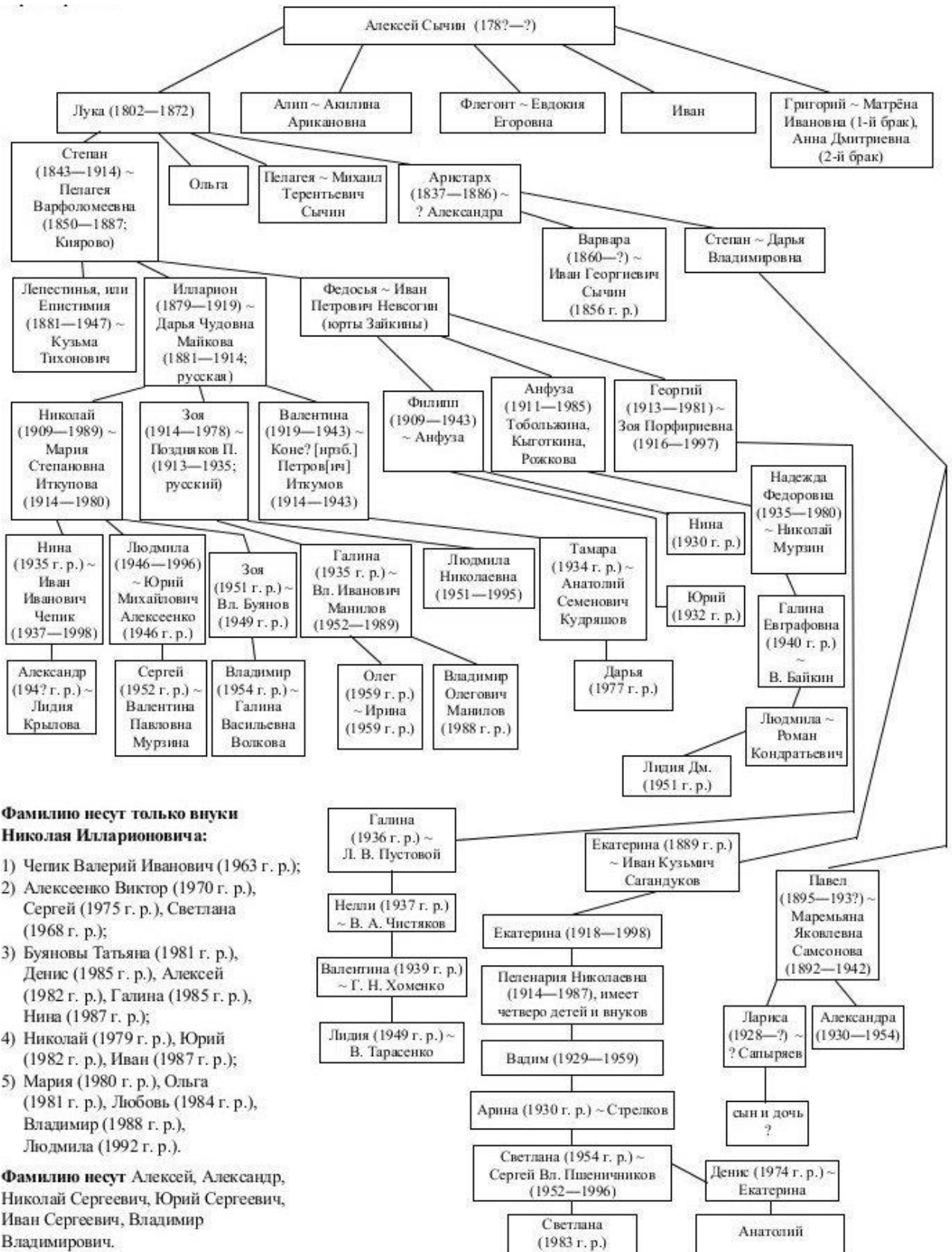

Рисунок В.1 – Родословная Сычиных

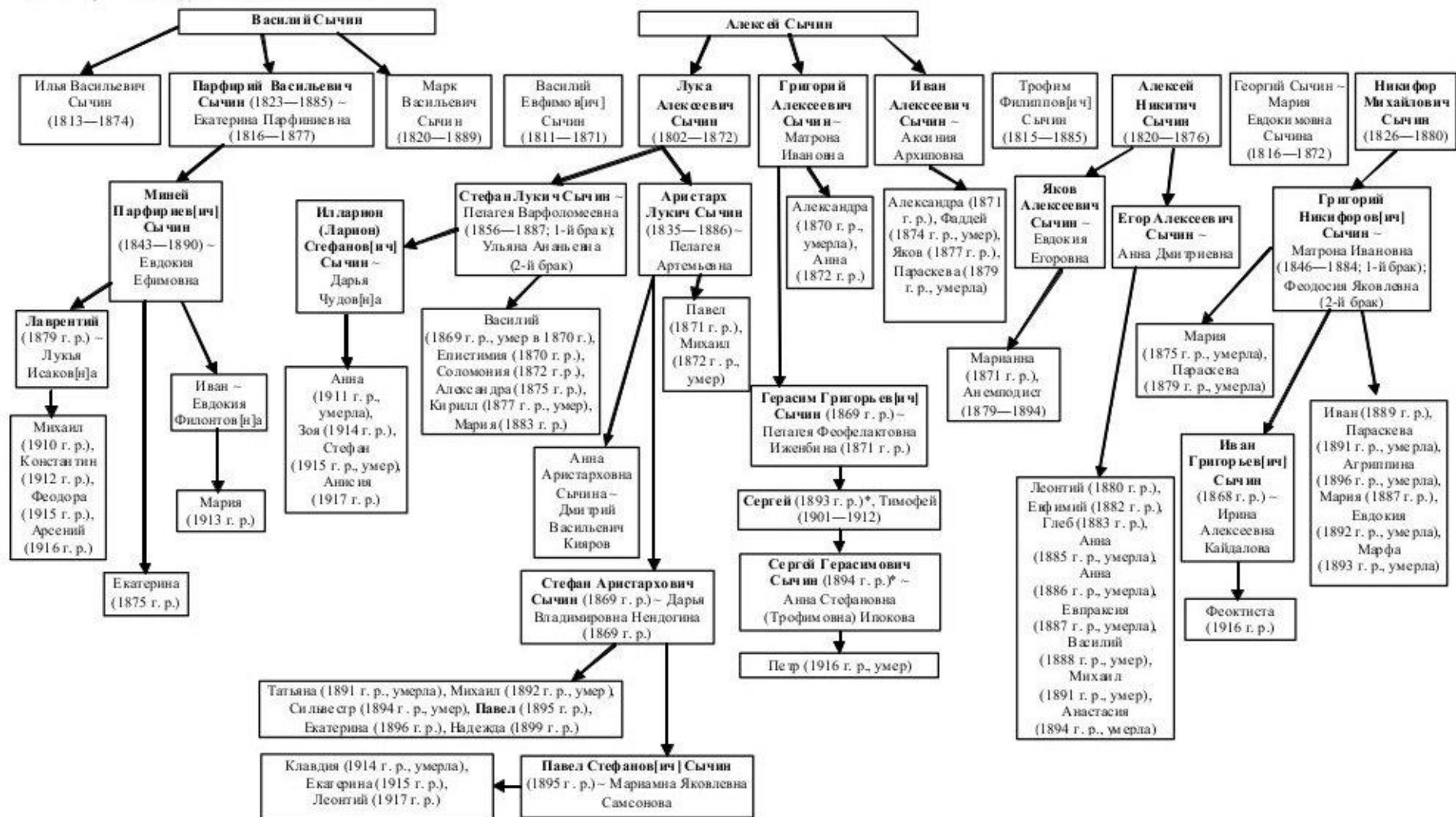

Рисунок В.2 – Родословная Сычниных

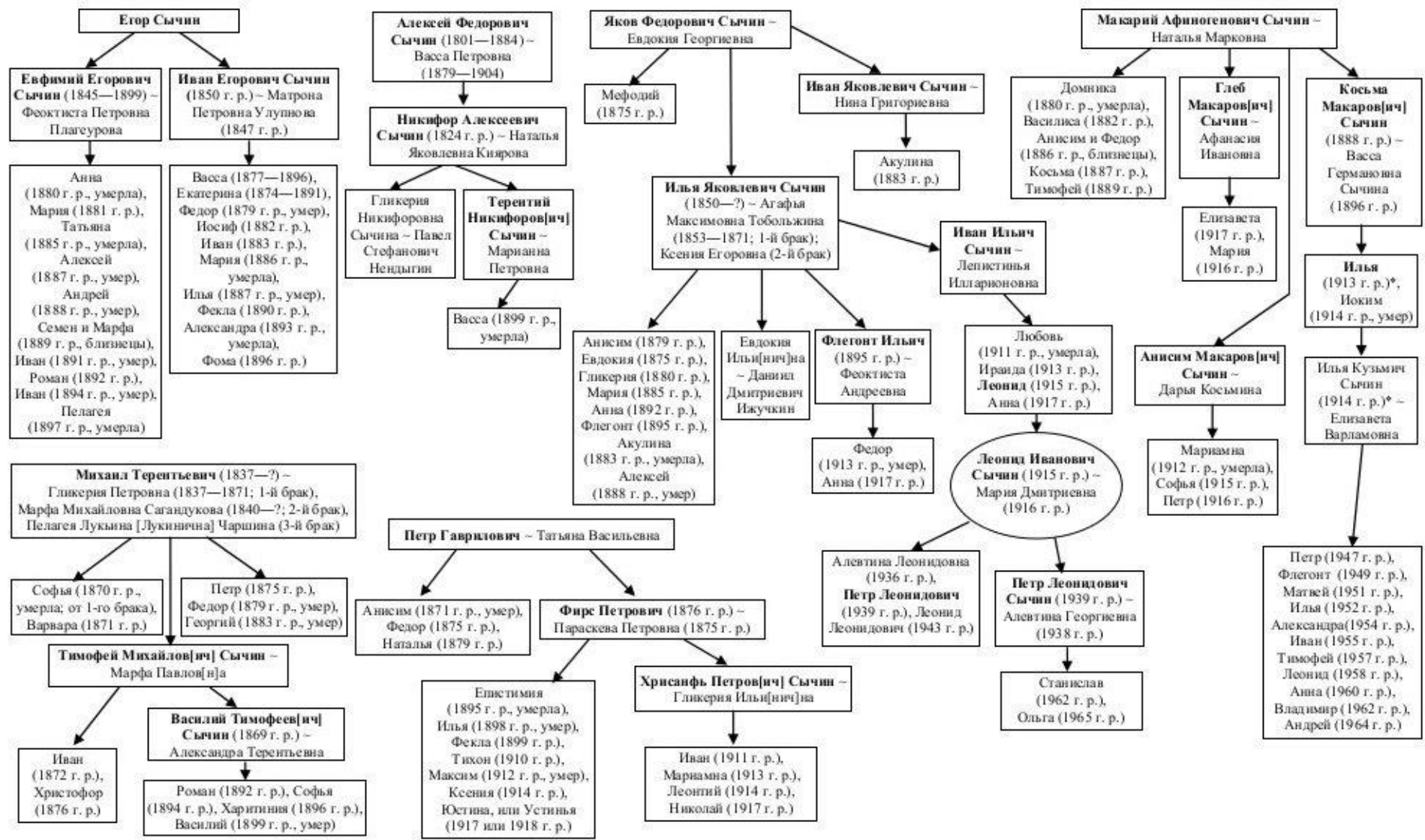

Рисунок В.3 – Родословная Сычиных

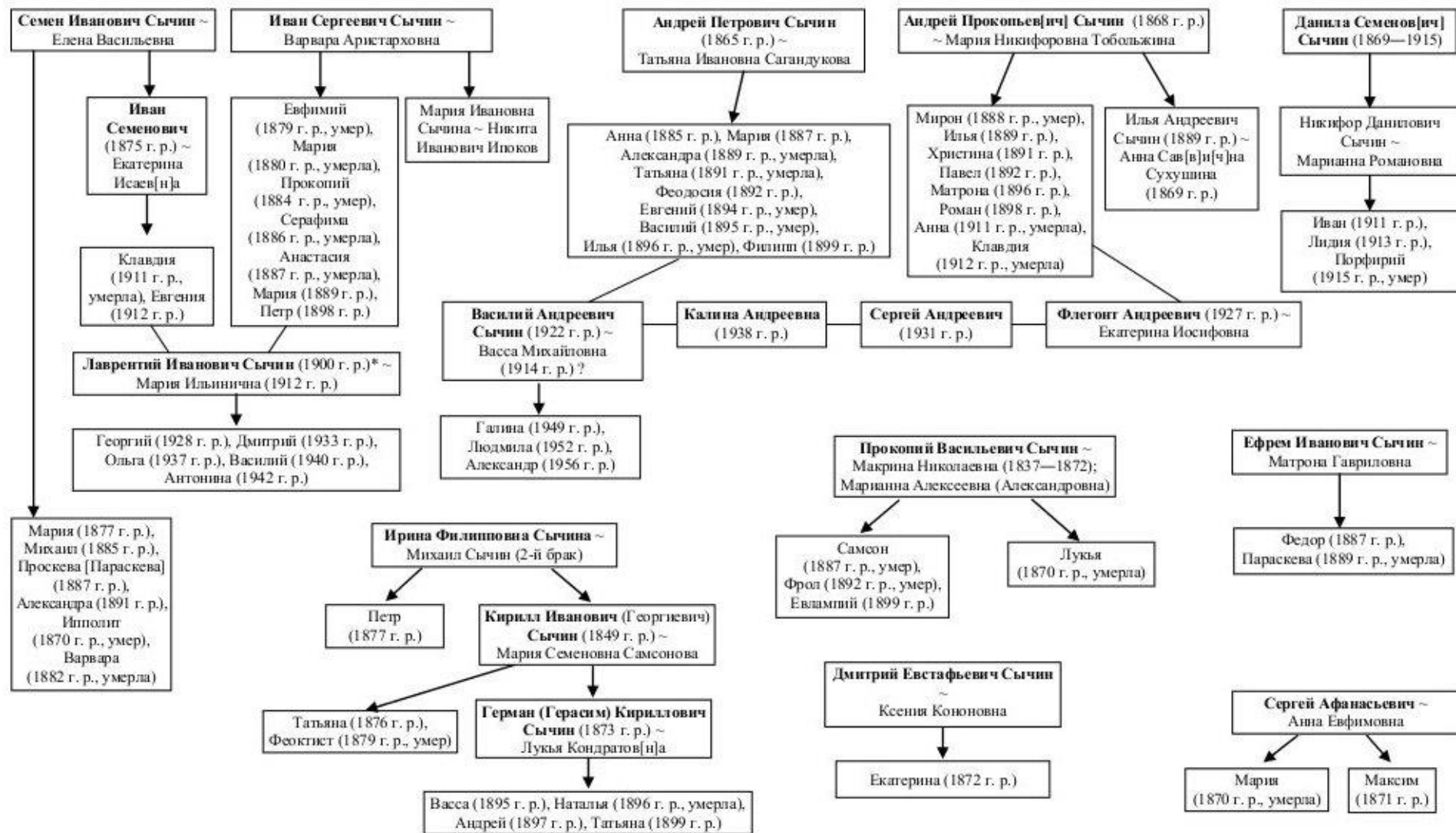

Рисунок В.4 – Родословная Сычиных

Рыболовные снасти. Рисунки из дневника Г.И. Пелих. 1961 г. Иванкино

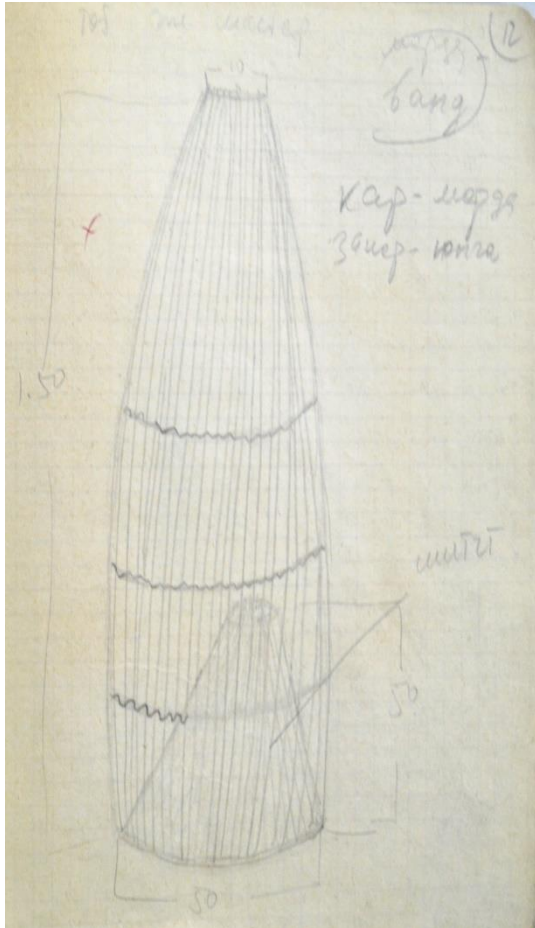

Рисунок В.5 – Морда

Рисунок В.6 – Черпак для льда

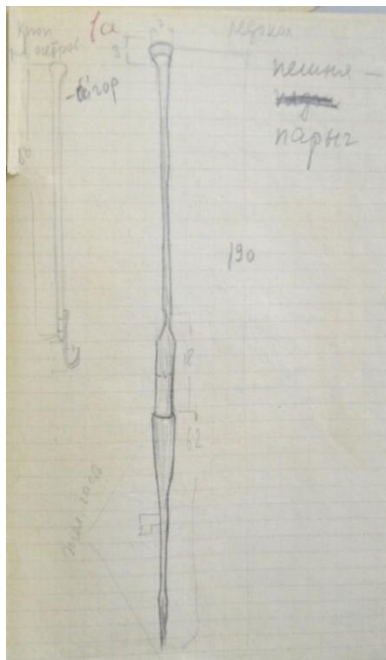

Рисунок В.7 – Ледокол

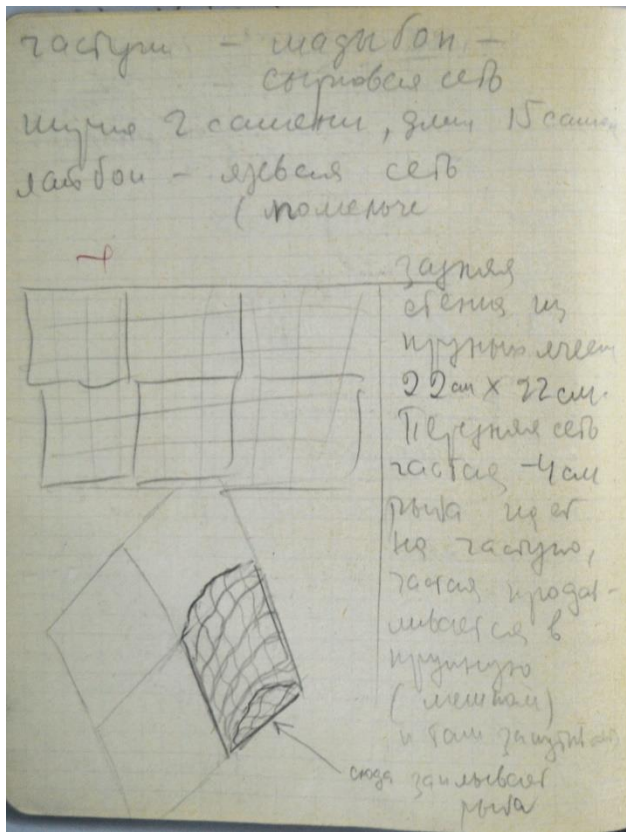

Рисунок В.8 – Язевая сеть

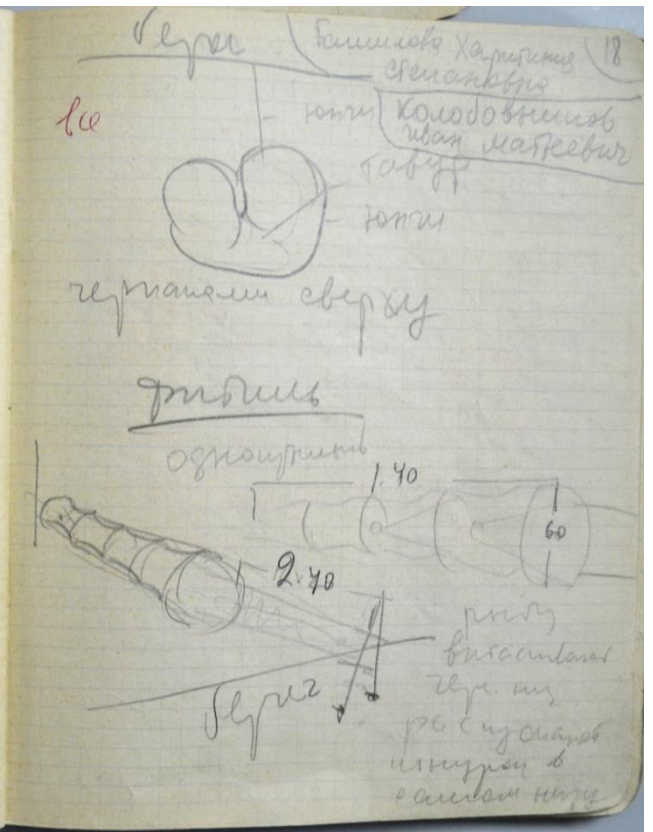

Рисунок В.9 – Фитиль однокрыль

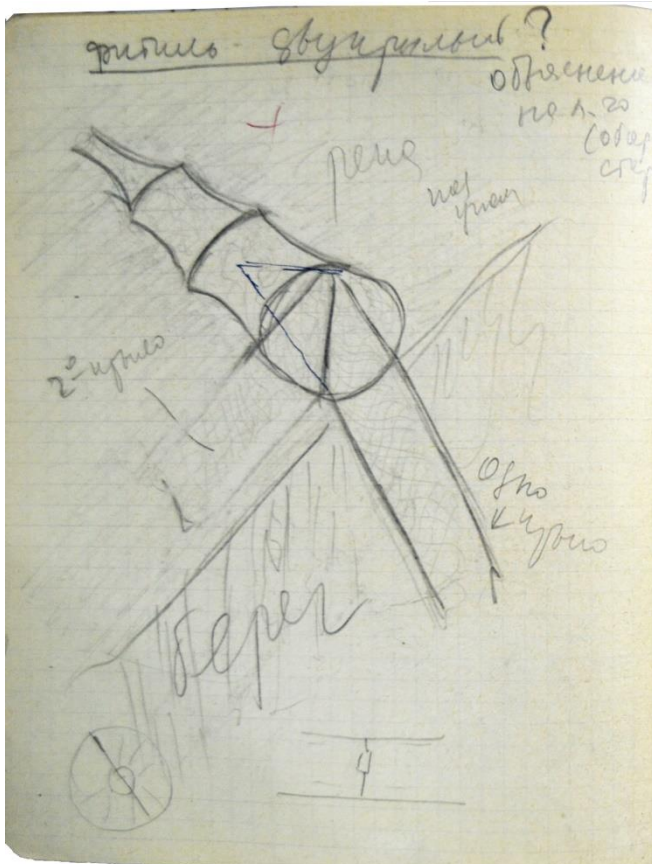

Рисунок В.10 – Фитиль двукрыль

Рисунок В.11 – Фитиль с юбкой

Предметы материальной культуры иванкинских селькупов

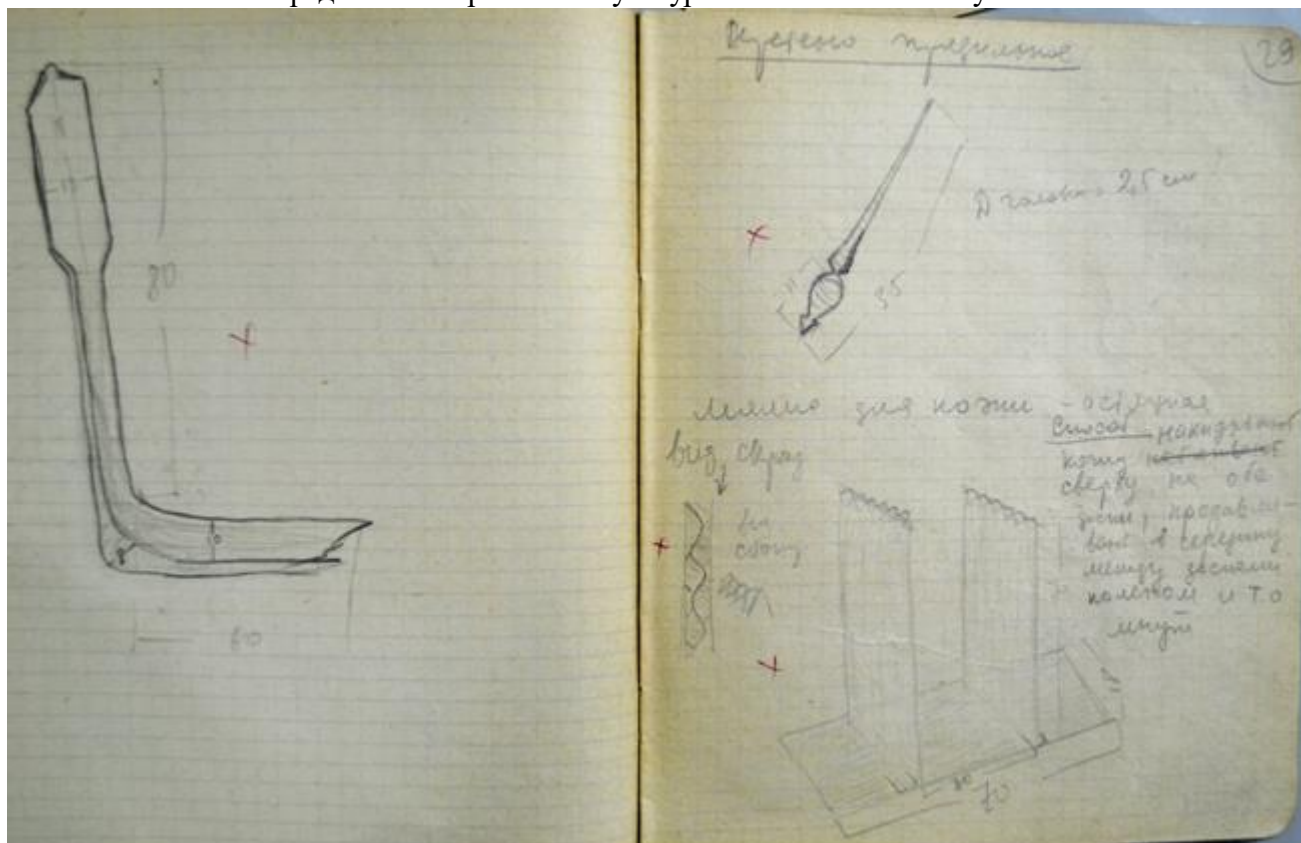

Рисунок В.15 – Изображение прялки и веретена

Рисунок В.16 – Остяцкая мялка для кожи

Рисунок В.17 – Образец вязания на одной игле и сама игла (металл.)
Полевые материалы Н.В. Сайнаковой. 2016 г. г. Колпашево (от Н.П. Иженбиной)

Рисунок В.18 – Образец вязания из конского волоса. Демонстрирует Н.П. Иженбина
Полевые материалы Н.В. Сайнаковой. 2016 г. г. Колпашево

Рисунок В.19 – Чулок из шерстяных нитей, связанный на одной игле

Приложение Г
Список информантов Н.В. Сайнаковой

- Анисимов Алексей Александрович, 1959 г.р. рус. (дер. Тебенак)
Былина Анастасия Николаевна, 1920 г.р. рус.
Былин Вячеслав Тимофеевич, 1949 г.р. рус. (дер. Иванкино)
Иженбина Наталья Платоновна, 1958 г.р. селькупка (дер. Иванкино)
Медведев Василий Петрович, 1936 г.р. рус. (дер. Мысовая)
Мурзин Владимир Евграфович, 1935 г.р. рус. (дер. Тебенак)
Мурзин Леонид Александрович, 1956 г.р. рус. (дер. Тебенак)
Мурзина Нина Сергеевна, 1993 г.р. м.р. рус. (дер. Иванкино)
Мурзин Сергей Александрович, 1967 г.р. рус. (дер. Иванкино)
Мурзин Сергей Павлович, рус. (дер. Тебенак)
Пушкарёв Борис Михайлович, 1937 г.р. рус. (м.р. – пос. Круглое)
Пушкарёва (Чипизубова) Надежда Ивановна, 1942 г.р. рус. (м.р. – пос. Шуделька)
Пушкарёв Виктор Борисович, 1962 г.р. (м.р. – с. Инкино)
Саиспаев Иван Гаврилович, 1929 г.р. селькуп (дер. Тюхтерево)
Слабуха (Мурзина) Валентина Владимировна, 1959 г.р. рус. (дер. Иванкино)
Сычина Анна Ильинична, 1960 г.р. селькупка (дер. Иванкино)
Сычин Сергей Николаевич, 1962 г.р. селькуп (дер. Иванкино)
Сычин Юрий Сергеевич, 1985 г.р. селькуп (дер. Иванкино)
Тайзакова Нина Нифодьевна, 1959 г.р. селькупка (дер. Тебенак)
Чаршин Юрий Феокистович, 1936 г.р. селькуп (дер. Иванкино)